

СОСЛОВИЕ РУССКИХ
ПРОФЕССОРОВ
СОЗДАТЕЛИ СТАТУСОВ
И СМЫСЛОВ

Коллектив авторов

**Сословие русских профессоров.
Создатели статусов и смыслов**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2013

авторов К.

Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов /
К. авторов — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2013

В монографии представлены результаты изучения профессорского сословия России как творческого сообщества, создавшего оригинальные традиции, репрезентации, языки самоописания, практики взаимодействия, способы историзации и классикализации собственной деятельности. Международный коллектив авторов работал с университетскими архивами, архивом Министерства народного просвещения, мемуарами и интервью профессоров, научными периодическими изданиями, юбилейными историями и публикациями торжественных речей. Данные тексты анализировались как единый рассказ профессоров «о себе», у которого есть замысел, средства воплощения, работа с потенциальным читателем. Такой подход позволяет освободиться от социальной магии университета, разгерметизировать знание о нем и увидеть в нем рукотворное историческое явление, не равное себе во времени и пространстве. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся университетскими исследованиями и историей российской культуры. Она может быть использована в качестве учебного пособия для обучения на гуманитарных факультетах.

© авторов К., 2013

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2013

Содержание

Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева	6
О.Н. Запорожец	16
Раздел I	39
Е.А. Вишленкова, А.Н. Дмитриев	39
И.П. Кулакова	60
А.Е. Иванов, И.П. Кулакова	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Коллектив авторов

Сословие русских профессоров.

Создатели статусов и смыслов

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, 2013

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2013

Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева **Университетские сообщества** **как объект и субъект описания¹**

Несмотря на то что у этой книги много авторов, она не сборник отдельных статей. Мы замыслили ее и представляем читателю как коллективную монографию о российском университетском сообществе, в которой есть не только единый объект исследования, но и согласованные подходы к его рассмотрению, переключки сюжетов и мнений. Неслучайно поэтому многие ее разделы написаны в соавторстве. Добиться такого согласования нам помогли ранее выполненные исследовательские проекты Института гуманитарных историко-теоретических исследований Высшей школы экономики имени А.В. Полетаева, длительное обсуждение концепции книги, тщательный отбор раскрывающих ее сюжетов.

Мы поместили проблему профессорской солидарности в контекст университетских исследований – направления относительно нового в российских гуманитарных науках. Безусловно, университет издавна находился в поле зрения разных наук, прежде всего истории и социологии. Однако ранее он был лишь одним из многочисленных объектов социальной, политической или интеллектуальной истории, социологии науки и образования, и к нему применялась какая-либо одна парадигма исследования или описания. Институционализация университетских исследований, превращение их в особую полидисциплинарную сферу позволяют добиться нового понимания феномена «университет» благодаря расширительной трактовке его границ и содержания как совокупности проявлений академической жизни и деятельности, а также использования сложносоставных теорий среднего уровня и интердисциплинарных методов, приспособленных для анализа гетерогенных объектов.

Спектр теоретических моделей и оптик, применяемых исследователями в разработке данной темы, описала Оксана Запорожец в статье «Навигатор по карте историко-социологических исследований университета». Ее обзор ракурсов историко-социологического рассмотрения проблемы академической солидарности не просто открывает книгу – он стал своеобразным пулом идей для наших авторов и одновременно задал рамку, объединяющую достаточно разнообразные исследовательские стратегии. Мы надеемся, что такой навигатор поможет и читателям сориентироваться в многообразии видений и соотношении исследовательских позиций.

Совместная работа над этой книгой историков, филологов и социологов из разных стран выявила искушения и опасности, связанные с применением теорий, созданных для объяснения генезиса современного западного университета, к истории российских университетов в целом и проблематике университетского сообщества в частности. Наш авторский коллектив избегал прямого наложения удобных аналитических схем на источниковый материал, механического переноса понятий и метафор, а также модернизации прошлого. Сами темы и формулировки задач в представленных статьях стали следствием осторожного приспособления исследовательских техник (институциональный анализ, изучение политик памяти, риторический анализ языка самоописания, устная история, методика глубинного интервью), взятых преимущественно из социологии образования или антропологии интеллектуальных сообществ, к специфике исторического исследования.

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

В своих изысканиях мы шли от источникового материала, и методологическая эклектика в работе с ним есть наш осознанный выбор. Для нас главный вопрос заключался не в том, чем на самом деле был университет, а в том, как в каждый конкретный момент его мыслили и представляли разные агенты извне и изнутри. Таким образом, нас интересовал функциональный аспект истории университета и его репрезентации. Принципиально важным в этой книге был также учет когнитивной специфики объекта изучения – высокорефлексивной группы (университетских преподавателей) по сравнению с менее «интеллектуально сопротивляющимися» группами, с которыми чаще всего работают, например, антропологи и этнографы².

В названии книги мы использовали документальный термин, которым в законодательных и официальных документах Российской империи определялась общность университетских преподавателей. «Сословие» (сначала с прилагательным «ученое», потом «профессорское» и «университетское»), а не «корпорация», как на Западе, – условный концепт, который довольно точно передает специфику солидарности и принципы группообразования университетских людей в России.

Русские (в смысле подданства) профессора поступали на государственную службу и были ограничены в степени автономии, даже в передвижениях. Это социальная группа интеллектуалов на службе государства, которая, представляя профессиональное и элитарное (в смысле характера знания и образования) сообщество, была в то же время классом государственных чиновников, пусть и нового типа. Ученое сословие не было одинаковым в разных университетах. Оно менялось во времени, как менялся социальный статус его представителей, да и само государство, которому они служили³. Поэтому мы писали историю российского университета как динамичного института, который, будучи изначально создан как проект (более того, как идеологический проект), никогда не вмещался в эти рамки.

Название книги требует еще нескольких комментариев. Во-первых, в нем не отражены исследовательские рамки места и времени. Хронологически и территориально мы не ограничиваемся границами существования Российской империи постольку, поскольку университетская жизнь здесь продолжалась и при советском режиме, и после него, а также потому, что она была связана с университетами других стран. В частности, нас интересовали импульсы, которые она оттуда получала и которые, в свою очередь, туда посылала. Во-вторых, мы не писали традиционную социальную историю со статистикой вероисповеданий, этнического состава и численности штата университетов. Таковую вольность мы могли себе позволить еще и потому, что подобные исследования проведены нашими предшественниками и нам есть на что и на кого ссылаться⁴. В-третьих, мы не писали историю правительственной политики. Мы созна-

² См. о российском опыте: Антропология академической жизни: адаптивные процессы и адаптивные стратегии: сб. докладов / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008.

³ В масштабных исследованиях по социальной истории дореволюционной России (как у Б.Н. Миронова или в общих ревизионистских трудах Шейлы Фицпатрик по ранней советской истории – притом что она прекрасно знала историю образования тех лет и посвятила ей ряд работ) истории университетов и высшей школы уделяется явно недостаточно внимания. См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1–2; *Он же.* Историческая социология России. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та; Интерсоцис, 2009; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л.Ю. Пантина. М.: РОССПЭН, 2001.

⁴ Статистические и просопографические таблицы см.: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Академия наук СССР, Ин-т истории СССР, 1991; *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial und Bildungsgeschichte. Kln; Weimar; Wien, 1998; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века: формирование системы университетского образования. М.: Гос. ист. музей, 1998–2001. Кн. 1–4; Зарождение системы университетского образования в России; *Он же.* Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002–2003. Т. 1–4. Состояние российских университетских исследований анализируется в публикуемой здесь же статье Е. Вишленковой и А. Дмитриева. Из базовых трудов по истории университетов, особенно российских, следует указать на: *The Transformation of Higher Learning, 1860–1930: Expansion, Diversification, Social Opening and Professionalization in England, Germany, Russia and the United States* / К.Н. Jarausch (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1983; *Schmeiser M.* Akademischer Hasard. Das Berufsschicksal der deutschen Universität, 1870–1920: Eine verstehend soziologische Untersuchung. Stuttgart: Klett-

тельно противопоставляем свой труд давней историографической уловке – подменять изучение жизни университетов рассказом о том, как замыслили ее государственные чиновники. Нас интересовал другой срез: как понимали себя университетские люди, каким языком себя описывали, как и на чем создавали свою общность.

Таким образом, профессорское сословие как объект исследования возникает в нашей книге на пересечении его понимания как воображаемого сообщества (оно же дискурсивное, оно же сообщество памяти), профессиональной корпорации, сословной группы и государственного института. Какая модель важнее для исследователя, зависело от вопросов, которые он задавал источникам. В свою очередь, их формулировка основывалась на анализе языков университетского воображения и самоописания.

Исходя из этого, в книге развернуты три сквозные темы-лейтмотива. *Первая* – конструирование профессорами самости и «своего» прошлого. Здесь нас интересовали паттерны восприятия университетского сообщества, а также те мыслительные квазиочевидности, которые оно внушало современникам и продолжает транслировать в общество. Это потребовало применения методов дискурс-анализа к историческим источникам.

Университеты являются обладателями и одновременно творцами сложносоставных дискурсов о себе. Проблема еще в том, что часть этих дискурсов универсалистские: в них нет ничего сугубо российского, специфически имперского или советского, нет упоминаний об особых условиях России, а у их носителей есть идея служения просвещенному правительству, обществу или народу вообще. Но часть университетских дискурсов являются национальными, тесно связанными с местными языками и культурами. Кроме того, изучение посвященных университетам научных публикаций как совокупности тематических текстов позволяет аналитически и критически представить – а не расценивать как нечто естественное, само собой разумеющееся – ярко выраженную склонность изучаемых сообществ к самокомментированию и рефлексии, обнаружить связь между производимыми ими дискурсами и историографическими концепциями, понять происхождение тематических лакун и выявить матрицы в описании отечественной академической традиции.

Вторая проблема – разрывы и преемственности в университетской истории. Мы рассматриваем ее сквозь призму концепции культурного трансфера⁵ и с применением методов переплетенной истории⁶. Университеты как объекты сравнения достаточно условны, а механизмы преобразования университетского сообщества и взаимной рецепции моделей и навыков поведения представляют собой отдельную и очень живую тему. Исследование университетов в рамках культурного трансфера вписывается в более широкую проблему межстрановой рецепции и трансляции университетской культуры, поведенческих стратегий и практик университетского сообщества.

Ответ на вопрос о том, как идея университетской корпоративной культуры воплощается в тех или иных национальных и региональных границах, требует исследования процессов фор-

Cotta, 1994; *Charle C.* La république des universitaires, 1870–1940. Paris: Seuil, 1994; *Flynn J.* The University Reform of Tsar Alexander I. Washington: Catholic University of America Press, 1988; *McClelland J.C.* Autocrats and Academics: Education, Culture and Society in Tsarist Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1979; *Kassow S.D.* Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley: University of California Press, 1989; *Punzer Ф.* Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1993 / пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

⁵ *Espagne M.* Kulturtransfer und Fachgeschichte der Geisteswissenschaften // *Comparativ* 10. 2000. Bd. 1. S. 42; *Idem.* Les transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1999. См. также: *Paulmann J.* Internationaler Vergleich und interkultureller Transfer: Zwei Forschungsansätze zur europäischen Geschichte des 18. bis 20. Jahrhunderts // *Historische Zeitschrift*. 1998. 267. S. 649–685; *Werner M.* Maßstab und Untersuchungsebene. Zu einem Grundproblem der vergleichenden Kulturtransfer-Forschung // *Nationale Grenzen und internationaler Austausch. Studien zum Kultur- und Wissenschaftstransfer in Europa* / L. Jordan, B. Kortländer (Hrsg). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. S. 20–33.

⁶ *Comparative and Transnational History: Central European Approaches and New Perspectives* / H.-G. Haupt, J. Kocka (eds). Oxford; N.Y.: Berghahn Books, 2009; *Werner M., Zimmermann B.* Vergleich, Transfer, Verflechtung. Der Ansatz der Histoire croisée und die Herausforderung des Transnationalen // *Geschichte und Gesellschaft*. 2002. Bd. 28. S. 607–636.

мирования групповой идентичности, изучения мотивов множества действующих лиц, а также реконструкции внешних контекстов, в которых существуют университетские сообщества. В нашей монографии, иногда и без упоминания метода культурного трансфера, во многих статьях задействовались его процедуры, особенно на уровне эго-историй, поскольку разговор о профессорском сословии предполагает наличие акторов, изучение личных влияний, контактов и действий в поле университетского сообщества.

Третья проблема – способы порождения смыслов и удержания солидарности в условиях, когда профессорское сословие как социальная группа постоянно меняло во времени и пространстве свой состав, численность и конфигурацию. В культурных исследованиях и в темогу studies дискурсивное (вос)производство университетов рассматривается как разработка символов и практик, формирующих значение мемориализируемого события, явления или лица. Такая интерпретация стала возможной на основе известных работ Пьера Нора, Эрика Хобсбаума, Бенедикта Андерсона.

Соответственно этим базовым идеям мы организовали структуру книги по следующим разделам.

В первом разделе **«Сообщество по производству текстов»** рассматриваются тексты об университете, созданные профессорами и авторами, получившими право высказываться о его миссии/назначении, нынешнем состоянии и создавать версии «своего» коллективного прошлого. Здесь представлены результаты изучения делопроизводства (протоколов профессорских заседаний), университетских периодических изданий и разного рода относящихся к теме исторических нарративов.

Открывает раздел совместная статья Елены Вишленковой и Александра Дмитриева *«Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов»*. В ней анализируется опыт саморефлексии, обретенный Россией за столетия университетского прошлого, а также усилия университетов по историзации своей деятельности. В таком ракурсе написанные за последние сто пятьдесят лет истории университетов и проведенные ими юбилеи предстают коллективной работой по строительству и поддержанию групповых (сословной, кастовой, профессиональной, культурной и пр.) идентичностей, а также по мифотворчеству, направленному на усиление своих символических ресурсов. Результатом проведенного анализа стала деконструкция базового для университетских исследований концепта «традиция», посредством которого создается континуитет прошлого и настоящего. Авторы демонстрируют рукотворный и исторически изменчивый характер университетской традиции, ее гетерогенность, не позволяющую безрефлексивно использовать данное понятие в качестве универсального. И такая натурализованная традиция едва ли может выступать аргументом в спорах за первородство или правопреемственность.

В статье *«Протоколы конференции Московского университета как вариант самоописания»* Ирина Кулакова прослеживает научную судьбу канонического для отечественных историков источника знаний о ранней истории Московского университета. Вплоть до последнего времени эти свидетельства не подвергались сомнению и критической ревизии. Мало кто из исследователей обращал внимание на дискурсивный характер этого источника, намеренность содержащихся в нем свидетельств. Генерализующая парадигма исторической науки XIX–XX вв. позволяла российским историкам обходиться простым пересказом любого сложносоставного нарратива. Выборочное цитирование протоколов стало характерным способом извлечения аргументов для тех или иных версий университетского прошлого. Кулакова утверждает, что спасенный от пожара 1812 г. свод делопроизводственных документов имеет информационную специфику, порожденную обстоятельствами его появления. Она говорит о нем не столько как о зеркале университетской жизни, сколько как о средстве ее организации и как о культурном феномене, свойственном изучаемой эпохе. При таком подходе потребовалось изучение норм документирования, правил делопроизводства, выяснение культурно-психологиче-

ских качеств секретаря конференции и адресата его посланий – куратора, семантики, используемых в протоколах терминов. А для расшифровки значений зафиксированных в протоколах событий особенно важной оказывается тщательная контекстуализация профессорских высказываний.

Другой тип высказываний – практики и социальные действия профессоров – представлен в совместной статье Анатолия Иванова и Ирины Кулаковой *«Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв.»*. Профессионализация управления Российской империей, роль науки и участие людей науки в ее модернизации изменили функции и социальную роль университетского преподавателя. Из «распространителя наук» (термин начала XIX в.) он становится экспертом, политиком, советником, предпринимателем, общественным деятелем. Новые ипостаси или поприща русского профессора уже не могли быть зафиксированы прежними способами документирования. Поэтому исследователь не находит в университетских архивах достаточных оснований для описания и свидетельств для изучения новой и сложной идентичности членов профессорского сословия. Такая реконструкция становится возможной лишь при привлечении широкого спектра исторических документов той эпохи и прежде всего анализа «архива идентичности», т. е. коллекций личных архивов профессоров, в советское время отложившихся в отделах рукописей и отделах письменных источников при музеях и научных библиотеках. При этом работа исследователя с ними требует явно иных аналитических процедур, чем в случае с делопроизводственными документами. По крайней мере исследователь нуждается в постоянной самозащите от внушения анализируемых текстов, чтобы не стать простым транслятором чужих голосов, позиции своих героев.

В совместной статье Руфьи Галиуллиной и Киры Ильиной *«Журналы о себе и для себя: университетские издания первой половины XIX в.»* реконструированы обстоятельства создания научных периодических изданий в России первой половины XIX в. Казанский, Московский, Харьковский «вестники» и аналогичные им издания создавались профессорами как средство осуществления цивилизаторской миссии в условиях Востока (т. е. нуждающейся в просвещении России). Авторы засекли переходы от этапа несанкционированных университетских инициатив, направленных на репрезентацию университетов в культурных локусах их учебных округов и нацеленных на просветительскую пропаганду западных наук, к централизованной издательской, университетской и научно-организационной политике министерства под управлением С.С. Уварова. Этот переход проявился сначала в учреждении единого для всей империи ведомственного журнала (Журнал Министерства народного просвещения – ЖМНП), а затем в замене прежних самостоятельных университетских журналов и газет своего рода филиальными относительно ЖМНП изданиями («Учеными записками» университетов). Авторы увидели и показали скрывающуюся за механической сменой названий университетских периодических изданий трансформацию идентичности профессорского сословия. Практически насильственное закрытие «вестников» и их замена «Учеными записками» знаменовали собой воцарение этоса государственного служения и декларацию *вспомогательной* роли университетов в деле модернизации империи. Финансируемые государством университетские издания превратились в разновидность отчетов ученого сословия за отпущенные на науку, т. е. на производство новых знаний об империи, казенные средства.

Следующее за данной статьей исследование Бориса Степанова *«“Натуральное хозяйство”: формы университетской солидарности и научных коммуникаций в постсоветский период»* выполнено в том же ключе. Автор рассматривает университетскую корпорацию через оптику современных университетских изданий и проводит диагностику тенденций в издательской деятельности постсоветских университетских сообществ. Проведенное исследование многочисленных «вестников» выявило тенденцию к локализации российских научных коммуникаций. Редакции журналов, вошедших в «ваковский список», т. е. получившие делегированное от министерства право на государственную оценку научной продукции своих кол-

лег, стали законодателями местных профессиональных стандартов и вовсе не заинтересованы в установлении диалога с читателями и помощи экспертов. Низкая научная репутация влечет за собой истощение редакционного портфеля. Отсутствие конкуренции авторов, места для полемики, а также формализованное рецензирование рукописей соответствуют практике уравнительного распределения журнальных площадей. Это абсолютно не содействует развитию научной критики и утверждению репутационного сознания в университетских сообществах. В итоге такую функцию в современной России выполняют отнюдь не университетские журналы, а довольно малочисленные ежеквартальники и альманахи, выпускаемые профессиональными сообществами. Для историков это «Ab Imperio», «Диалог со временем», «Новое литературное обозрение», «Клио», «Средние века», «Казус» и немногие другие. В этой ситуации университетские издания, которые продолжают выполнять функцию ведомственного отчета перед государством за кадровую и научную продукцию, оказываются обречены на нечитабельность и невостребованность.

Второй раздел **«История сравнительная и переплетенная»** посвящен вопросу типологизации и сопоставления в университетских исследованиях.

Придумать универсальную теорию университетов, одинаково применимую к разным странам и эпохам, вряд ли возможно, но многовековая традиция создания универсальных интерпретаций тяготеет над умами историков. Обычно сравнение достигается посредством упрощения и огрубления ситуации или выбора условного образца. А если исследователи не хотят игнорировать частности, детали и нюансы, то сталкиваются с проблемой того, как корректно типологизировать отдельные казусы, какую сюжетную линию придать рассказу об университетском прошлом и начинают сомневаться, есть ли в этом прошлом общая непрерывная нить, на которую историк может нанизать события, биографии, отдельные рассказы.

Раздел открывается статьей Яна Кусбера *«Трансфер и сравнение: университетские сообщества России и Германии»*, в которой он поднимает вышеперечисленные проблемы и предлагает использовать для изучения преемственности методы культурного трансфера. После многочисленных лингвистических, колониальных, прагматических, пространственных и прочих «поворотов» в социальных и гуманитарных науках простая сравнительная история университетов перестала быть убедительной для читателя. Главное сомнение связано с тем, как можно сравнивать изменчивые и неоднородные феномены? Показывая на конкретных примерах российской истории объяснительные возможности нового подхода, автор призывает исследовать коммуникативные сети профессоров, обратиться к анализу многослойности, контингентности, противоречивости и открытости конкретно-исторических ситуаций. Это позволяет деконструировать сложившиеся в историографии тропы, выявлять лекала сравнительных исследований и, как следствие, отказаться от механистического сопоставления национальных университетов как гомогенных феноменов, при котором развитие этих учреждений в пределах России неизменно предстает калькой абстрактного западного университета, искаженной правительственной волей.

В статье *«Профессора “старые” и “новые”: антиколлегиальная реформа С.С. Уварова»* Татьяна Костина использует диахронный вариант сравнения, выясняя, что было и что стало с профессорским сословием после уваровской реформы государственного управления университетами. Приводимая ранее в просопографических исследованиях статистика не позволяла фиксировать перемены в кадровой политике. На основании законодательных и распорядительных актов было известно о расширении числа кафедр и о запрещении совмещения должностей, но только после проведенного Костиной анализа делопроизводственной документации и текстов из личных архивов профессоров и чиновников стали понятны механизмы ротации, которые позволили министру народного просвещения С.С. Уварову (1833–1849) освободить профессорские места в российских университетах для нового поколения подготовленных за рубежом стипендиатов. Вместе с этим в статье продемонстрирована эффективность использу-

емых русскими профессорами практик вытеснения и недопущения в местное ученое сословие разного рода неофитов. Пожалуй, они остаются актуальными в российских университетах и по сей день.

Статья Анны Баженовой «*Историки императорского Варшавского университета: условия формирования пограничной идентичности*» поднимает проблему вызова национализма, с которым столкнулись европейские университеты второй половины XIX в. Универсалистский тип домодерного университета, который объединял в своих стенах говорящих на разных языках студозусов из разных стран и превращал их в особое внегосударственное сообщество людей науки, уже в эпоху модерна трансформировался либо в имперский, либо в национальный. Под воздействием укрепляющегося национального сознания и имперских претензий правительств, финансирующих университеты, во второй половине XIX столетия и в России, и в других странах университеты становятся не столько агентами просвещенных властей (как это было во второй половине XVIII – первой половине XIX в.), сколько выразителями, защитниками государственных интересов.

В этом контексте чрезвычайно интересна судьба Варшавского университета, функционирующего в условиях фронта. Находившийся на территории Российской империи и призванный служить делу «единения Царства Польского с Россией», он должен был в то же время рекрутировать в свои ряды польское население и готовить польскую элиту. Острота ситуации прослеживается автором на примере историков – служителей научной дисциплины, тесно связанной с языком, идеологией власти и локальной культурой. Именно история рассматривалась современниками как средство и для имперской, и для национальной мобилизации. В связи с этим историки Варшавского университета, даже если исходно они стремились предаться сугубо научным занятиям, оказывались перед альтернативой национальной либо политической самоидентификации в условиях сложного конфликта национальных и имперских интересов. Научные концепции профессоров, используемые ими формы преподавания, их позиция в органах университетского управления – все это позволяет автору проследить механизмы складывания и работы пограничной или смешанной идентичности университетского человека, отследить причины и характер принимаемых им решений.

Материал, представленный в статье Иоанны Шиллер-Валицкой «*Реакция западных экспертов на русскую “профессорскую конституцию” 1906 г.*», демонстрирует еще одну из возможных форм изучения культурного трансфера. Если в начале XIX в. российские университеты создавались в результате рецепции идей западного Просвещения и форм трансляции западного знания, если они воспроизводили чужие модели корпоративности, адаптированные под социальную структуру Российской империи (в результате чего возникла эта гибридная форма общности – «ученое, или университетское, сословие»), то в конце XIX в. векторы трансфера и рецепции перестали быть однонаправленными. Теперь Россия не только воспринимала импульсы университетской жизни извне, перерабатывала их и приспособливала под собственные нужды, но и посылала собственные сигналы, порождая реакцию и отклики на них в разных странах. Вероятно, на рубеже XIX–XX вв. русские профессора ощущали себя полноправными субъектами переплетенной, если не общей, истории университетов. Выявленные в данной статье интенции авторов экспертных заключений начала XX в. позволяют увидеть различающиеся представления об университетском самоуправлении, которые присутствовали в тот момент в сознании современников.

Третий раздел «**Коммеморативная солидарность**» объединяет статьи, посвященные культуре академической памяти. Он открывается теоретической статьей Ирины Савельевой «*Классическое наследие в структуре университетской памяти*». Изучение классических работ в ходе обучения в университете автор рассматривает не только как практику приобщения студентов к высоким образцам научного исследования, но и как мощное средство ранней дисциплинарной самоидентификации. Специфика университетского сообщества опреде-

ляется исключительным умением создавать, транслировать и хранить коллективную память, в частности, благодаря тому, что важнейшую часть его архива составляют научные тексты. За текстами стоят выдающиеся ученые, и они являются своеобразными историческими героями академического сообщества, организуя и увековечивая его прошлое. По всей видимости, фундамент корпоративной памяти закладывается в университете в годы ученичества, когда студенты прямо или косвенно изучают историю своей дисциплины и роль выдающихся ученых в эволюции своей науки. На примере нескольких дисциплин автор показывает, что знакомство с классическими произведениями создает прочную основу для дисциплинарной самоидентификации, а также является ресурсом воспроизводства университетской культуры, этики академического труда и устойчивых социальных практик.

В статье «*Этика академической памяти в условиях поколенческого конфликта*» Владимир Файер представил результаты проекта по сбору устных воспоминаний профессоров классической и древней филологии, доступных ныне на сайте «Сова Минервы». Их анализ позволил высветить целый ряд сюжетов, организующих память профессионального сообщества: логику построения иерархий внутри малой группы, разные типы академических конфликтов – столкновений разных идентичностей, статусных, политических и научных интересов. Автор показывает, что в рассказах о противоречиях и ссорах, в мемуарах *post factum* продолжают работать корпоративные практики включения/исключения. В этом смысле устные воспоминания действуют как нормативные тексты – устанавливающие или переутверждающие нормы корпоративных отношений.

В статье Труде Маурер «*Патриотизм, сдержанность и самоутверждение. Празднование патриотических юбилеев в университетах России и Германии в 1912-1913 гг.*» рассматриваются стратегии юбилейных торжеств, посвященных историко-политическим датам. Автор использует метод сравнительного анализа коммеморативных практик. Выбрав из многообразия университетской жизни для сопоставления однопорядковые элементы: инициаторов юбилеев, состав участников, наличие – ли отсутствие общеимперского плана проведения торжеств, отношение университетских людей к военной службе и понимание ими патриотизма, наконец, идентичность государственного служащего, – исследовательница выявляет различия их национальных воплощений. Эти различия в академических средах России и Германии позволяют судить о степени политизации университетской жизни. При этом Маурер не игнорирует нюансы, а, напротив, тщательно воспроизводит специфику ситуации в каждом отдельном университете, не превращая их при этом в маркеры общих тенденций. В ее тексте присутствуют разные «германские университеты», а не единый «немецкий университет»; отдельные «русские университеты», а не «русский университет» как таковой. Из деталей и отличий исследовательница реконструирует тенденции, характерные для каждой страны или университетской культуры.

В статье Киры Ильиной и Елены Вишленковой «*Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти*» поднимается проблема власти архивного служителя над историографической картиной прошлого. В западной профессиональной литературе проблема нейтральности исторического источника, его участия в создании знания, проблема инертности архива как такового стала в последние два десятилетия одной из самых острых и активно обсуждаемых⁷. Исследователи памяти настаивают на том, что архивисты, мемуаристы и организаторы юбилейных торжеств должны рассматриваться как равные историкам субъекты или эксперты в деле сотворения университетских историй и концепций. Отсутствие эмпирических проработок на российском материале, а также слабое распространение этих методологических открытий в России способствуют архаизации отечественных исследований. Проявлением этого

⁷ Blouin F., Rosenberg W. *Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives*. N.Y.: Oxford University Press, 2010.

является сохраняющийся в историографии некритический подход к свидетельствам современников (делопроизводственным документам и мемуарам), их использование в качестве «зеркала реальности».

Авторы считают, что создание научной картины университетского прошлого невозможно без выявления стертых в архивах тематических зон. Анализ архивной политики и практики показал, что к концу 1860-х годов более 40 % документов архива Департамента народного просвещения было уничтожено. При таком тотальном сокращении информационной основы университетских исследований один (пусть и самый обширный) архивный комплекс не может служить достаточным основанием для диагностики ситуации в империи в целом.

Конечно, исследователи анализируют не только содержимое архивов. Университетское сообщество обладает огромной коллекцией мемуаров, которые представляют альтернативную версию памяти. Их особенность состоит в том, что каждый мемуарист производит память профессионально, и даже простые автобиографии и воспоминания представляют собой отнюдь не спонтанный поток впечатлений, а организованную и отрефлексированную версию коллективного прошлого.

Как показало исследование Александра Дмитриева «*Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти?*», ученые, решившие писать воспоминания, склонны к созданию согласованной картины академической жизни прошлого. И даже если в реальном взаимодействии они оказывались идейными противниками или личными врагами, в пространстве письма люди нередко руководствуются доксой, побуждающей внушать читателям универсальные ценности. Впрочем, мемуарные матрицы меняются во времени. Вышедший из советского времени профессор продолжал осмыслять себя в университете в категориях борьбы, которую вел всю свою жизнь.

У профессорского сообщества есть специфические причины для постоянной апелляции к групповой памяти. В актуальной работе – производстве нового знания и себе подобных – участвуют тексты предшественников. Память, зафиксированная в реестрах известных имен и классических текстах, мемуарах, интервью и устных преданиях, играет важную роль в формировании и функционировании научных сообществ. Она постоянно актуализируется в университетской жизни, к ней обращаются для формулирования корпоративных интересов и решения новых задач.

Групповое прошлое (прошлое нынешних и бывших членов группы) имеет разную значимость для различных сообществ. В одних случаях роль этих представлений относительно невелика, в других – прошлое оказывается едва ли не ключевым элементом групповой идентификации. В целом в коллективном прошлом на первом плане, с одной стороны, оказывается внутренний консенсус, с другой – противопоставление своей группы другим. Для таких конструкций характерны стремление к приукрашиванию и ретушированию, наличие пустот (пропусков), связанных с неудобными событиями.

* * *

Представив структуру и характер отдельных разделов, мы хотели бы в заключение еще раз вернуться к общему концептуальному каркасу книги. Теперь, опираясь на экспозицию исторических и современных кейсов, считаем необходимым прояснить историко-социологические и социально-философские ориентиры, лежащие в основе наших подходов.

Университетские сообщества устроены достаточно сложно. Они включают и реальные, и малые, и большие, и организованные, и условные группы людей. В таких обстоятельствах особенно важны не только общие механизмы поддержания идентичности «здесь и сейчас», но и устойчивые и единые представления о своем прошлом и настоящем, о перспективах развития. Эти представления имеют назначение своего рода социального клея. Почти всегда и везде его

изготавливают эксперты, специализирующиеся в такого рода деятельности (в данном случае мы не обсуждаем вопрос о качестве экспертных знаний, а лишь подчеркиваем факт разделения труда и специализации). И лишь затем это экспертное знание в той или иной мере воспринимается и усваивается остальными членами группы, превращаясь в их обыденное знание.

Некоторая искусственность производства университетского сословия в контексте российского социума способствовала формированию особой культуры и целей данной группы. Отказ от западноевропейской кальки в пользу архаичного термина сделан нами ради проблематизации данной – нашей собственной! – культуры. Но речь идет вовсе не о том, чтобы ее экзотизировать или обосновывать «особый путь» российского университета. У нас иной подход и иные намерения. Не навязывая прошлому модели для его организации и современные нам смыслы, мы и наши соавторы анализировали комплексный университетский текст как своего рода палимпсест, пытаясь прочесть под новыми строками стертые записи. Соответственно в поле зрения оказывались нарративы разного рода, запечатлевшие многообразие академических практик, – делопроизводственные документы, институциональные истории, самоописания, мемуары, письма, научные труды, периодические издания. Многослойность источниковой основы позволила анализировать университет как систему высказываний и увидеть в профессорском сословии создателей университетской доксы и нарративных идентичностей (а не просто гомогенное сообщество «замечательных образованных людей»).

Пьер Бурдьё подразумевал под «доксой» все то, «что университеты считают само собой разумеющимся». Докса регулирует внимание историка и определяет способы осмысления им университетской жизни с помощью риторических высказываний и саморепрезентаций, которые вырабатываются поколениями учащихся и учащих. Она реализуется даже через систему мыслительных категорий, усвоенных исследователем в ходе профессиональной социализации. В этой связи нас интересуют не только свидетельства сохранившихся источников, но и особенности производства знаний об университете в целом, мыслительные и вербальные категории, в которых он описывал себя в отчетах и описывается сейчас в исследованиях. Понятие «нарративная», или «повествовательная», идентичность использовано в значении, которое придал ей Поль Рикёр, – как самость, которая опосредована рассказами о других и проявляется в повествовании о себе.

Мы сосредоточились именно на этих аспектах истории профессорского сословия для того, чтобы разгерметизировать язык университетских самоописаний, спрессованное знание об университете и мире, которое создали поколения российских интеллектуалов, вышедших из университета или служивших в нем. Прочитывая оставленные нам тексты, мы пытались выяснить, есть ли преемственность в передаче и сохранении матриц таких рассказов. Эта работа проделана нами не ради ревизионистского пафоса, а ради обновления понимания университета в его прошлом и настоящем.

Мы благодарим за большую помощь, которую нам, как редакторам, оказали при подготовке этой книги сотрудники ИГИТИ – Кира Ильина и Александр Дмитриев.

О.Н. Запорожец

Навигатор по карте историко-социологических исследований университета⁸

Этот текст – своего рода навигатор. Так же как и у его технических аналогов, нарисованная в нем картинка оказывается актуальной лишь на данный момент времени. Однако, несмотря на эту кратковременность, создание такого инструмента показалось мне важным для того, чтобы помочь читателю двигаться в весьма сложном и противоречивом интеллектуальном пространстве университетских исследований. Я хотела дать ему в руки план, где есть знак исходной точки движения, где понятен масштаб объектов и есть четкая система ориентиров. Однако осуществить это намерение оказалось непросто в силу особенностей изучаемого ландшафта, в котором «категории, его образующие, – крайне подвижны, а соответствующие им концепты – изменчивы»⁹.

Стартовой точкой предпринятой ревизии исследовательской литературы стала для меня антропологическая перспектива, отчетливо обозначившаяся в последние годы в исследованиях российской академии¹⁰. Антропологический подход, рассматривающий университетское пространство как находящееся в становлении, формируемое и изменяемое, позволил исследователям проследить, как происходило освоение и обживание университета в качестве учрежденной правительством институции, как осуществлялось ее обогащение собственными жизненными сценариями, шло расшатывание и переопределение действующих правил участниками академической корпорации.

Антропологическая перспектива задала логику сравнения эвристических возможностей различных подходов, а также способствовала обнаружению лакун – слабо разработанных направлений, едва обозначившихся или вовсе отсутствующих тем концептуализации. Отмеченные сложность и изменчивость поля не освободили меня ни от разговора о магистральных направлениях в исследовании университета, ни от внимания к новым подходам и концепциям. Три методологические проблемы: зазор между теоретизацией академии и ее рефлексивным описанием, длительное доминирование макроподхода или «панорамное рассмотрение» университета и университетская докса – являются призмой, сквозь которую я рассматриваю данное предметное поле.

Сам по себе разрыв между теоретизацией и рефлексивным описанием – случай для социальных наук нередкий. Следует признать, что исследования университета располагают достаточно ограниченным методологическим арсеналом, позволяющим менять исследовательскую

⁸ В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в гуманитарных и социальных науках», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

⁹ *Gumport P.J. Sociology of Higher Education: An Evolving Field // Sociology of Higher Education: Contributions and Their Contexts / P.J. Gumport (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 17.*

¹⁰ Университет для России. Т. 1. Взгляд на историю культуры XVIII столетия / под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 1997; Университет для России. Т. 2. Московский университет в Александровскую эпоху / под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 2001; *Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005; Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804–1863. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005; Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М.: Знак, 2005; Гришущин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-1880-е: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М.: Новый хронограф, 2006; Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани: 1804–1863: дис... канд. ист. наук. Казань, 2007; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XIX в. М.: РОССПЭН, 2009; *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.**

оптику и формулировать новые исследовательские вопросы. Теоретические рамки конкретных исследований академии редко подвергаются идентификации или рефлексии, а иногда и вовсе отсутствуют в эмпирических работах. С одной стороны, обозначенный зазор является свидетельством слабой концептуализации поля, а с другой – описательный характер значительной части работ обеспечивает свободу исследовательского маневра, дает многообразной и многозначной ситуации шансы попасть в поле рассмотрения исследователя, не будучи жестко структурированной исходными посылками.

На протяжении последнего века университетская жизнь является предметом интенсивного изучения в социальных науках, что подтверждается внушительным количеством соответствующих публикаций. Открытость университета влияниям и его способность реструктурировать социальный ландшафт стимулируют изучение академической жизни, поиск категорий и теоретических рамок для ее описания.

Доминирование макроподхода – значимая часть аналитической традиции университетских исследований. Такая перспектива предполагает «панорамное видение», которое контекстуализирует университетскую жизнь, рассматривает университет как значимого участника социальных взаимодействий, превращает вопрос об университетской автономии в один из центральных вопросов изучения. При всем разнообразии и несхожести теоретических перспектив, образующих макроподход, его отличительной чертой можно назвать а-историчность, логическим продолжением которой выступает эссенциализация университета – восприятие академии как предзаданного набора социальных функций и структур, призванных обеспечить ее единство и выполнение социальных задач. Единство университета, нередко воспринимаемого как механическая сумма частей, становится исследовательской аксиомой подхода, оставляя в стороне вопросы взаимодействия и динамики. В этой связи особенно важным является рассмотрение университета как системы, находящейся в постоянном становлении, системы, институциональные рамки которой формируются в ходе взаимодействия различных структур и множества агентов, чьи действия упорядочиваются зыбкими конвенциями в не меньшей степени, чем жесткими институциональными установлениями.

Видимо, изучение университета требует особой чуткости от исследователя, связанного с академией как минимум периодом обучения и, как правило, профессиональной карьерой. По остроумному замечанию Пьера Бурдьё, в отличие от этнографа, одомашнивающего экзотическое, задача исследователя университета заключается в экзотизации домашнего¹¹. При этом университет как объект изучения стремится к утверждению собственной непознаваемости, ограничивает возможности критического анализа и разными средствами герметизирует знание о себе.

Не в последнюю очередь сложность прочтения академической жизни заключается в наличии «университетской доксы»¹². Она направляет внимание исследователя и обеспечивают ему возможность говорить об университете правильно. Действенный способ преодоления этой доксы Пьер Бурдьё видел в «расширенном рационализме»¹³ – постоянной рефлексии процесса познания и осознании его ограничений; в рационализме, оставляющем место воображению, способствующем появлению новых исследовательских траекторий, чему в конечном итоге призван содействовать навигатор, т. е. данный текст.

¹¹ Bourdieu P. Homo Academicus. Standford: Standford University Press, 1984. P. XI.

¹² Категория, предложенная П. Бурдьё и означающая «то, что университеты считают само собой разумеющимся, и потому применяют к alma mater мыслительные категории, произведенные ими самими». См.: Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / пер. с фр. Н.А. Шматко // Socio-Logos'96. Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М.: Socio-Logos, 1996 [Электронный ресурс]. Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-ivtorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (дата обращения 16.09.2012).

¹³ Там же.

Университетская макрооптика, или особенности панорамного видения

Исходной посылкой, определяющей особенности «панорамного видения» университета, является представление о нем как о некоторой целостности – разновидности социального института, особом социальном поле или коллективном агенте. Факт *существования* университета, выступающего своеобразным механизмом сборки, объединяющей силой для различных внутренних структур и групп или действующего как самостоятельный агент на публичной арене, в данном случае не подвергается сомнению.

Подобная установка ряда исследователей остается непоколебимой, несмотря на результаты аналитических проектов, показавших диффузность современного университета, утрату им способности служить интегрирующей силой для входящих в него структур и групп, обладающих противоречивыми интересами. Впервые соответствующие сомнения были озвучены почти 50 лет назад в речи президента Калифорнийского университета Кларка Керра, использовавшего понятие «мультиверситет» для обозначения академической раздробленности, превращающей единую ранее корпорацию в «совокупность отдельных факультетских антрепренеров, объединенных общими переживаниями относительно парковки»¹⁴.

Макрооптика обеспечивает исследовательское видение университета в качестве особой социальной структуры, включенной в многообразные структурные взаимодействия, определяющие ее устройство, и в то же время обладающей возможностью трансформировать существующий социальный ландшафт. Основные приоритеты макроанализа вполне могут быть сформулированы и в логике от противного: «Непосредственное окружение, в котором существовал университет, не играло [для его исследователей]... никакой роли»¹⁵. Понимание университета как структуры вполне предсказуемо воплощается в рассмотрении его вне пространства, конкретных персонажей, заменяемых ролями или абстрактными группами, значимых контекстов, определяющих течение университетской жизни.

Применяемая в исследованиях университета макрооптика создается причудливым сочетанием различных теоретических подходов: функционализма и неофункционализма, концепцией автономии Пьера Бурдьё и неовеберизма. И если функционалистский подход, исходящий из представления об университете как об образовательном институте, обладающем вполне определенным и стабильным набором функций, многократно подвергался критике и утратил свое значение, то неовеберизм и концепция Бурдьё придали панорамной оптике новых жизненных сил и до сих пор определяют мейнстрим социальных наук.

Особенности функционалистского подхода

Используемая в функционализме макроперспектива, фокусирующаяся на образовательной системе в целом, как правило, игнорировала самостоятельную ценность университета, определяя его как одну из организаций, реализующих общую задачу образовательной системы – трансляцию знания: «Ясно, что образование как социальное явление в содержательном отношении есть не что иное, как передача знания, его восприятие и усвоение (приобретение, присвоение) в ходе социального взаимодействия педагогов и учащихся»¹⁶.

¹⁴ Kerr C. The Uses of the University. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. P. 15.

¹⁵ Маурер Т. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России: (начало XX в.) / под ред. Т. Маурер, А.М. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5.

¹⁶ Зборовский Г.Е. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 13.

Реакцией на подобное сужение исследовательского фокуса стали, с одной стороны, жесткая внешняя критика функционализма, а с другой стороны, внутренняя ревизия подхода, воплотившаяся в основных положениях неофункционализма. Резкие критические замечания, адресованные функционализму, во многом способствовали формированию альтернативных концепций (в частности, исследований университетской повседневности), преодолевающих столь характерные для подхода а-историзм, редукционизм и восприятие предзаданности социальных функций университета. Так, Кеннет Р. Миноуг еще в 1973 г. отмечал: «Привычка рассматривать университет с точки зрения функционализма стала столь распространенной, что претендует на статус исторической правды... Такие функциональные интерпретации, принимающие во внимание лишь *ограниченное число обстоятельств*, отдают произволом и догматичностью и *не имеют ничего общего с многообразием университетской жизни* [курсив мой. – О.З.]... Мы обращаемся к повседневной жизни, чтобы отделить сущность от функции»¹⁷.

Появление неофункционализма было вызвано стремлением преодолеть типологизацию, абстрактность в рассмотрении университета. Примененный для описания разрозненной и разнообразной американской академии неофункционализм указывал на значимость изучения конкретных университетов, отличающихся условиями деятельности, качеством образования, ролью в воспроизводстве социальной элиты¹⁸. Вместе с тем он сохранял и универсалистские установки – в центре его внимания оказывалось взаимодействие университетов и социальных систем¹⁹. При этом логика их взаимодействия определялась аксиоматично понятиями *функциями академии – подготовкой профессионалов и воспроизводством элиты*. Задачи отдельного университета описывались в терминах «организационной хартии»²⁰ – договоренности между университетом и другими социальными структурами на право «изменения людей», т. е. особенно тщательного отбора поступающих для их последующей статусной мобильности: «Каждая социализирующая организация обладает важнейшими чертами, расположенными вне ее собственной структуры и образующими особые отношения с ее социальным окружением... Каждый знает, что определенные школы или типы школ выпускают успешных людей, и если они знают, что другие – работодатели, различные структуры, связанные с трудоустройством, – знают и принимают это, то школы становятся обладателями бесценного ресурса в обозначении своих требований к поступающим»²¹.

Организационную хартию нельзя назвать универсальным социальным соглашением. Предполагалось, что она заключается между конкретными социальными агентами и зависит от их особенностей. Характер хартии, заключаемой между университетами и работодателями, во многом определяла сага – «особая организационная идентичность и традиция»²². Воплощаясь в специфических практиках взаимодействия (отношениях студентов и профессоров, межуниверситетских контактах, связях с работодателями), сага рассматривалась как условие, обеспечивающее появление навыков, делающих вертикальную мобильность выпускников университета не только возможной, но и весьма успешной.

Признание образования и обеспечения социальной мобильности важнейшими задачами университета предопределило интерес неофункционалистов к двум основным участникам внутриорганизационного взаимодействия – преподавателям и студентам. Фигура бюрократа,

¹⁷ Minogue K.R. The Concept of a University. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1973. P. 2–4.

¹⁸ Clark B. The Distinctive College. Chicago: Aldine Press, 1971; Kamens D. Colleges and Elite Formation: The Case of Prestigious American Colleges // Sociology of Education. 1974 (Summer). Vol. 47. Issue 3. P. 354–378.

¹⁹ Что в определенной степени сближает перспективы неофункционализма и неовеберизма, сходство которых отмечается рядом аналитиков.

²⁰ Meyer J.W. The Charter: Conditions of Diffuse Socialization in Schools / W.R. Scott (ed.). // Social Processes and Social Structures: An Introduction to Sociology. N.Y.: Henry Holt Co, 1970. P. 564–578.

²¹ Цит. по: Kamens D. Op. cit. P. 354.

²² Clark B. The Distinctive College; Kamens D. Op. cit.

или администратора, как профессионального управленца, обеспечивающего реализуемость образовательных технологий, не считалась сколько-нибудь значимой для достижения университетом его основных целей.

В российских социальных науках позиции функционалистского анализа университета были поколеблены лишь в начале 2000-х годов. Прежняя его живучесть обеспечивалась господством в советской гуманитаристике структурного функционализма. В отечественной версии функционализма университет рассматривался как сложносоставная структура – единство функциональной, социальной, организационной и нормативной составляющих²³, своеобразная «фабрика кадров», основная цель которой (определяемая потребностями общества в целом и государством как основным социальным институтом) состояла в образовании и подготовке специалистов.

Академическая автономия: противоречия и взаимодействия

Метафора «панорамного видения» вполне может быть применена к работам Пьера Бурдьё, посвященным академии. Будучи одной из основных сюжетных линий, постоянным предметом рефлексии, академия для Бурдьё – это прежде всего социальная структура, включенная в сложную сеть взаимодействий и противостояний. Основные вопросы, сформировавшие авторскую оптику, – это вопросы автономности академического пространства, специфики символического производства и роли академии в нем, академические противоречия и конфликты.

Вопрос об автономии предполагает проблематизацию сочетания собственной логики действия и подчиненности университета общим социальным закономерностям, а также логикам, задаваемым влиятельными полями (политическим, экономическим и пр.)²⁴. Исследовательская задача Бурдьё выходит за пределы констатации факта академической автономии и заключается в определении механизмов, обеспечивающих ее обособленность, а именно: «какие механизмы использует микрокосм, чтобы освободиться от... внешних принуждений и быть в состоянии признавать только свои собственные внутренние детерминации»²⁵.

Одним из основных способов обеспечения автономии Бурдьё считает рефракцию – «способность переводить внешние принуждения и требования в специфическую форму... Чем более автономно поле, тем сильнее его способность к рефракции, тем больше изменений претерпевают внешние воздействия, часто до такой степени, что становятся совершенно неузнаваемыми»²⁶. Таким образом, уровень автономности академического поля определяется силой его рефракции и радикальностью изменения внешних принуждений, степенью их приспособления к внутренней логике академии.

Автономность определенного поля может быть представлена как континуум, где полюсу автономии противостоит гетерономия – способность внешних систем определять логику поля, основанную на слабости его сопротивления внешним принуждениям, ограниченной способности его участников отстаивать свою логику, защищать значимость собственных позиций и компетенций. Бурдьё иллюстрирует идею гетерономии, обращаясь к типичным опытам социальных наук: «одна из основных трудностей, с которыми сталкиваются социальные науки в своем стремлении к автономии, состоит в том, что малокомпетентные с точки зрения специ-

²³ Иванов С.В., Осипов А.М. Университет как региональная корпорация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 162–172.

²⁴ Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё: альманах рос. – фр. центра социол. и филос. Ин-та социол. РАН / отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социол.; СПб.: Алетейя, 2001. С. 53.

²⁵ Там же. С. 52.

²⁶ Там же.

фических норм поля люди имеют возможность вторгаться в него, действуя от имени гетерономных принципов, вместо того чтобы быть немедленно дисквалифицированными»²⁷.

По мнению Бурдье, академическое поле может представлять и как целостность, и как фрагментированность. Последнее возможно, если разные части поля обладают разной силой сопротивления внешнему давлению.

Формулируя концепцию академической автономии, Бурдье идеально точно схватывает и передает центральную идею многолетних дебатов об университетской независимости и ее основаниях. До сих пор возможность сохранения университетами собственных логик существования, отличающих их от других социальных агентов, является одной из наиболее актуальных тем дискуссии о настоящем и будущем академии, результатом которой зачастую является вердикт о (не)жизнеспособности университета.

Обсуждение автономии университета требует предельной контекстуализации – понимания общей направленности социальных изменений, внимания к специфике институционального ландшафта отдельных стран. Неслучайно вопрос об автономии американской академии на долгое время превращается в вопрос о (не)возможности отождествления университета с экономической корпорацией.

Дебаты, инициированные в начале XX в. работами Торстейна Веблена и Аптона Синклера²⁸, отстаивавших идею автономности университета и «решительно возражавших против самой возможности применения коммерческих стандартов к высшему образованию»²⁹, фактически на столетие определили специфику исследований американских университетов. Постепенно аналитики вынужденно признали сужение поля академической автономии: говоря об университете «скорее как о корпорации, нежели как о социальном институте»³⁰, а нередко и вовсе констатируя ее утрату. В последнем случае университет окончательно отождествляется с экономической корпорацией благодаря двум ключевым сходствам – системе менеджмента и основным принципам деятельности, включающим эффективность, предприимчивость и прибыльность³¹.

Университетская автономия испытывает влияние структурных изменений – реконфигураций социального ландшафта, появления новых агентов влияния. Основными силовыми полями, расшатывающими саморегуляцию университетского сообщества, а значит, и подвергающими сомнению его институциональную автономность, в настоящее время становятся:

а) *глобализация образования и научной деятельности*, превращающая университеты в аналог транснациональных корпораций, усиливающая роль профессионального управления как значимого механизма координации новых университетских гигантов³². Университеты оказываются включенными в логики, определяемые новыми агентами влияния – международными научными фондами, глобальными рынками производства знаний и образовательных услуг. Сложность новых отношений, изменение характера их агентскости меняет и устройство самих университетов, превращая их в диффузные образования, которые зачастую уже не могут быть помыслены как взаимосвязанная целостность;

²⁷ Там же. С. 52–53.

²⁸ *Veblen T.* The Higher Learning in America: a Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men / Reprint. Ithaca: Cornell University Library, 2009 [1918]; *Sinclair U.* The Goose-Step: a Study of American Education / Reprint. Book Jungle, 2009 [1923].

²⁹ *Donoghue F.* The Last Professors: the Twilight of Humanities in Corporate University. N.Y.: Fordham University Press, 2008. P. XIII.

³⁰ *Gumport P.J.* Academic Restructuring: Organizational Change and Institutional Imperatives // Higher Education: the International Journal of Higher Education and Educational Planning. 2000. No. 39. P. 68.

³¹ *Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

³² *The Edu-factory Collective.* Toward a Global Autonomous University: Cognitive Labour, the Production of Knowledge, and Exodus from the Education Factory. N.Y.: Autonomedia, 2009.

б) *бюрократизация, или менеджериализация*³³, как общая логика усиления специализации управления в современном обществе, заменяющая коллегиальную организацию академического сообщества принципами нового менеджериализма³⁴. Менеджер (администратор), обладающий навыками эффективного управления, становится основной фигурой влияния³⁵, сосредоточивая в своих руках регулирование финансовых потоков, человеческих ресурсов, определение приоритетных направлений развития университета: «В своей недавней публикации “Университет как современный институт” ЮНЕСКО... концентрирует внимание на администраторе, а не на профессоре как центральной фигуре сегодняшнего университета»³⁶;

в) *экспансия рынка в сферу производства научных идей и образовательной деятельности*. В первом случае университеты включаются в существующие рынки консультационных и экспертных услуг, развивают производство в университетских лабораториях экспериментальных продуктов в сотрудничестве с крупными корпорациями; во втором – используют способы продвижения и взаимодействия с потребителями услуг, обычно свойственные крупным игрокам потребительского рынка;

г) *медиализация современного общества, увеличение статуса экспертного знания*, повышающего значимость публичных экспертных суждений, значительно меняющих иерархию академического сообщества, приводящих к созданию «академических звезд»: «...постепенное, но неуклонное изменение оснований, на которых возводятся и разрушаются научные репутации, публичная известность и общественное влияние. Эти основания, до поры до времени казавшиеся коллективной собственностью ученых мужей, еще в первой половине XX в. перешли в ведение руководства издательских домов. Новые владельцы недолго, однако, управляли своей собственностью; прошло всего несколько десятилетий, и она вновь сменила владельца, перейдя в руки руководителей средств массовой информации... Для обозначения интеллектуального влияния ныне более уместна новая версия декартовского “я мыслю”: “обо мне говорят – следовательно, я существую”»³⁷.

Происходящие структурные изменения однозначно признаются основными причинами сжатия пространства академической автономии, разрушения логики ее внутренней саморегуляции³⁸. К числу основных проявлений кризиса автономии можно отнести:

– нарушение логики научного поля – ограничение циркуляции информации о проводимой научной работе и ее результатах. Подчиняясь коммерческим интересам, университеты стремятся избежать утечки информации, чтобы не потерять первенство в создании продукта и соответственно всей полноты выгоды, что противоположно логике научного знания основанного на обмене идеями, постоянном движении информации³⁹;

– изменение логики взаимодействия со студентами и внешним окружением, реинтерпретация студентов как клиентов, получающих образовательные услуги, а внешнего окружения – как потенциального рынка или союзника в достижении университетами целей стратегического развития. Логика усиления рыночной привлекательности университета, ориентирован-

³³ Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44–56.

³⁴ Абрамов Р.Н. Академическая автономия: образы и реальность современного университета [Электронный ресурс] // 2010. Журнал новой экономической ассоциации. Секция 3.3 «Проблемы организации науки». URL: <http://econorus.org/onim/ession.phtml?id=22> (дата обращения 16.09.2012).

³⁵ Бок Д. Плюсы и минусы коммерциализации [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_18.html (дата обращения 16.09.2012).

³⁶ Readings B. The University in Ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 3.

³⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. 168.

³⁸ Shumar W. College for Sale: a Critique of the Commodification of Higher Education. L.: The Falmer Press, 1997; Абрамов Р. Академическая автономия...; Бок Д. Указ. соч.; Бауман З. Указ. соч.; Покровский Н.Е. Трансформация университетов в ситуации глобального рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 152–161.

³⁹ Бок Д. Указ. соч.

ная на увеличение потока студентов, а значит, и повышение прибыли университета от образовательной деятельности, меняет характер образовательного взаимодействия, превращая его в «edutainment» – смесь развлечения и обучения, снижая в целом качество образовательных стандартов, подчиняя взаимодействие интересам студентов в логике «клиент всегда прав»;

– нарушение принципов академического взаимодействия – подрыв корпоративной солидарности и доверия, провоцируемый формированием новых иерархий, нередко не имеющих прямого отношения к академическим достижениям и ставящих под угрозу действенность саморегулирующих механизмов сообщества, состоятельность его ценностей;

– увеличение значимости индивидуальной карьеры, ее относительная независимость от академического сообщества (поддержка продвижения другими институциональными структурами или медиа⁴⁰), приобретение новых навыков и компетенций по самопродвижению, а также уменьшение академической вовлеченности и низкий интерес к включенности в работу академического сообщества (деятельность различных комиссий, ассоциаций и пр.): «Это существенно меняет и стратификацию в среде преподавателей. Бесспорными лидерами в университетских сообществах становятся те из них, кто... постоянно работает над своим личным брендом на внешнем рынке, включая престижные премии, шумные публикации, связь со средствами массовой информации и пр.»⁴¹.

Оценки нынешнего положения университета нередко пронизаны апокалиптическими настроениями – признанием несоответствия университета как социального института, чьи нынешние черты кристаллизовались в эпоху модерности, реалиям постмодерного общества: постоянной изменчивости требований к производимому и передаваемому знанию при относительной инерционности университета; наличию множественных центров производства знания, расшатывающих интеллектуальную монополию университета; возрастающей экономизации социальных взаимодействий, ведущей к упадку академической автономии⁴². Подобная позиция продолжает перспективу рассмотрения «университета в руинах», предложенную Биллом Ридингсом, связывавшим кризис университета с разрушением его альянса с национальным государством, бравшим под свою защиту деятельность университета, который, в свою очередь, «хранил мысль государства»⁴³.

Вместе с тем ряд авторов чуть более оптимистично смотрят на университетское настоящее, оценивая происходящие метаморфозы университета не как утрату автономии, а как приобретение обособленности нового качества. Предполагается, что новые условия и новые социальные альянсы, частью которых оказывается университет, дают ему основание для обозначения на социальной арене требований, способных стать основанием укрепления университетской позиции. Суть нового положения университета в контексте институциональных трансформаций современного общества и изменения характера современного капитализма Джиджи Роджеро обозначает как переход «из руин в кризис»⁴⁴. Основание осторожного оптимизма Роджеро заключается в рассмотрении университета как социальной структуры, не только формирующейся внешними воздействиями, приводящими к постепенному сокращению ее автономии, но и представляющей собой весьма эффективный институт, влияющий на конфигурацию общества когнитивного капитализма. Так, Роджеро указывает на двунаправленность происходящих процессов: во-первых, корпоративизацию университетов и параллельное превращение корпораций в университеты, создающие собственные постоянно действующие обучающие цен-

⁴⁰ Бауман З. Указ. соч.

⁴¹ Покровский Н.Е. Указ. соч. С. 154.

⁴² Бауман З. Указ. соч.

⁴³ Ридингс Б. Университет в руинах [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=722> (дата обращения 16.09.2012).

⁴⁴ Роджеро Д. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/po7.html> (дата обращения 16.09.2012).

тры, заимствующие модели управления и самоорганизации, долгое время являвшиеся частью университетского сообщества; во-вторых, сохранение университетами функции подготовки рабочей силы и в то же время превращение студентов в зачастую не признаваемую, но массовую рабочую силу, требующую особых прав и условий; в-третьих, дополнение процесса джен-трификации процессом студентификации – изменения конфигурации городского ландшафта под воздействием университетского сообщества, апроприации городских пространств университетом.

Учитывая транснациональный, массовый характер современных университетов, изменения, вносимые ими в социальные и физические ландшафты городов и стран, вполне заметны и нуждаются в пристальном внимании и тщательном исследовании, избегающем однозначных оценок и апокалиптических версий. Роджеро отмечает, что описание современного состояния университета требует разработки нового словаря для фиксации происходящих изменений, избегающего однозначного определения происходящего малоинформативным термином «пост-университет».

Стихийное превращение университетской автономии в центральную тему дебата об академии обозначает и легитимирует ценность университета. Однако автономия нередко остается лишь предметом теоретических рефлексий, ускользая от попыток операционализации и фиксации. Включенность университетов во множество контекстов, определяющих их способность к рефракции, оказывается крайне сложной для эмпирического изучения: «Но когда мы начинаем присматриваться в деталях, например, само понятие “автономия” приобретает очень разные смыслы, которые под влиянием Бурдьё обычно схлопываются в один-единственный. Т. е. это простой способ вписать очень много разных форм... в одну-единственную простую бинарную оппозицию, который был для нас не очень убедителен»⁴⁵.

Другим ускользающим концептом оказываются механизмы рефракции, собственно призванные обеспечить независимость университета, как и любого другого социального поля. Признание их значимости отнюдь не гарантировало внимания к способам сопротивления поля, превращая концепцию автономии во многом в механическую схему, на которой обозначены лишь основные игроки и связывающие их отношения. Как именно происходит взаимодействие, остается фактически непроясненным.

На чем же строится столь трудно идентифицируемая автономия академии? По мнению Бурдьё, основанием автономности академии и одновременно средством ее экспансии в другие поля служит ее особая роль в системе символического производства современного общества. Выступая пространством интенсивного «производства здравого смысла»⁴⁶, классификаций, упорядочивающих научный и социальный мир, университет и университетские структуры исполняют роли легитимных агентов номинации, создающих эксплицитно и публично легитимное видение и описание социального мира⁴⁷.

Номинация или производство легитимного дискурса – одна из основных задач университета. Однако дискурс не просто производится – он воплощается и ежедневно разыгрывается в многочисленных действиях университетариев. Участники символического производства укрепляют классификации своей профессиональной деятельностью, хабиитуализируют их, становятся живыми воплощениями транслируемых идей: «По сути, они отстаивают свои ментальные структуры, свое представление о самих себе, свои ценности и свою ценность, принцип

⁴⁵ Соколов М.М. Как управляют научной продуктивностью [Электронный ресурс] // Полит. ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/05/sokolov/> (дата обращения 16.09.2012).

⁴⁶ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Логос, 1993. С. 72.

⁴⁷ Там же.

классификации (nomos), согласно которому все то, что они делали в течение своей жизни, имеет ценность. Они защищают свою шкуру»⁴⁸.

Система производства социальных классификаций становится одновременно и системой производства соответствующих жизненных траекторий. Академия воспроизводит и усиливает социальное неравенство, «позволяя состояться множеству независимых, но институционально синхронизированных стратегий социального воспроизводства, определяемых инстинктом социального консерватизма, присущего... доминантным группам»⁴⁹. Предпринятый Бурдьё анализ профессиональных траекторий выпускников *École Normale Supérieure* показывает, как доминирующая классовая позиция (принадлежность к высшим классам) имеет все шансы конвертироваться в высокую академическую позицию. Таким образом, университетская система в определенной степени нивелирует роль класса, но лишь затем, чтобы заменить классовое доминирование новыми видами символического господства.

Универсализация университета, подчиненность его общей логике социальной системы проявляется в определении пространства академии как пространства постоянной конкуренции и противостояния. Подход к пониманию академической несогласованности, предлагаемый Бурдьё в его работе «*Homo Academicus*», определяет университет как конкурентное пространство, в котором основные игроки соревнуются за доступ к ресурсам (видам капиталов) – власти, финансам, культурному и символическому капиталам⁵⁰.

Цель конкуренции, разворачивающейся на разных уровнях (например, между факультетами и профессорами, профессорами и студентами), – завоевание исключительного права на доступ к ресурсам и влиянию: «подумайте о преподавателе, в особенности о преподавателе философии, который своим тридцати или ста студентам в год предлагает свою продукцию, произведенную в почти исключительно монопольной позиции и распространяемую на маленьком защищенном рынке... Подобного рода механизмы могут лишь удвоить эффект символического принуждения некоего частного определения культуры и одновременно лишения всего того, что не входит в это определение»⁵¹.

Борьба за влияние не ограничивается пространством университета и инкорпорацией определенных видов капитала. Позиции, занимаемые агентами в других значимых полях, обладание определенными видами капитала могут конвертироваться в университетские позиции или использоваться для противостояния им. Так, например, значимые фигуры культурного производства, определяющие самый широкий интеллектуальный ландшафт, избавлены от необходимости конкурировать в пространстве университета, но само пространство конкуренции в данном случае бесконечно расширяется.

Вместе с тем, по мнению Бурдьё, университетские конфликты (как и конфликты, связанные с культурой, воспитанием) – особенные, отличающиеся высокой интенсивностью. Накал противостояния, как уже отмечалось, предопределен особой ролью университета в современной системе символического производства – созданием легитимной картины мира.

Работы П. Бурдьё адресуют академии множество сложных вопросов, проявляющих скрытые сценарии действия. И все же университетская жизнь и в данном случае оказывается надежно защищенной доксой. Применяя универсалистские категории, помещая академию в общую логику действия социальных систем, П. Бурдьё зачастую избегает обнаружения ее внутренней логики, словно защищая ее или же давая возможность другим исследователям получить удовольствие от открытия новых горизонтов.

⁴⁸ Бурдьё П. Университетская докса и творчество...

⁴⁹ Bourdieu P. *Homo Academicus*. P. 150.

⁵⁰ Бурдьё П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.

⁵¹ Бурдьё П. Университетская докса и творчество...

Групповые автономии и способы их поддержания

Неовеберовский подход предпринимает весьма плодотворную ревизию макроперспективы, делая попытку перейти от рассмотрения академии как абстрактной социальной структуры к анализу академического сообщества. Проблематизируя, как и в предыдущем случае, академическую автономию, теоретики неовеберовства рассматривают ее обретение как результат конвенции между профессиональными сообществами, обладающими способностью к самоорганизации, а значит, и созданию эффективных механизмов поддержания независимости, и основными агентами влияния капиталистического общества – государством и рынком. Таким образом, неовеберовский подход задействует два регистра рассмотрения: анализ сообщества и макроконтекстов, определяющих его положение в социальной структуре общества.

Исходной точкой теоретизации в рамках неовеберовского подхода служит идея Макса Вебера о гетерогенности социального ландшафта капиталистического общества и наличии в нем определенных социальных «автономий». Вебер отмечал, что наряду с господствующим в капиталистическом обществе экономическим порядком, обуславливающим формирование классов, в нем существуют и условия для производства неэкономических – «статусных групп». Отличительными чертами последних считаются: во-первых, связанность непосредственными взаимодействиями (в терминах Вебера, они являются «нормальными сообществами»); во-вторых, обусловленность их общественного положения не позицией, занимаемой на рынке труда, а доступом к определенным почестям и привилегиям – статусом в системе стратификации⁵²: «В противоположность классам статусные группы являются нормальными сообществами. Правда, в большинстве своем они аморфны. . . По содержанию статусную почесть можно выразить следующим образом: это специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей»⁵³.

Особенность положения такой группы подчеркивается социальной дистанцией и исключительным характером ее привилегий. Использование категории «статусная группа» актуализирует значимость статусных иерархий, а также указывает на важность стиля жизни (стиля потребления, общения, особого характера заключаемых браков и пр.) в конституировании общности. Конвенция, дающая статусной группе возможность принимать почести, поддерживается силой внутригруппового мнения и действий, а также особенностью общественного отношения к ней. Закреплению конвенции, переводу почестей в легальные привилегии способствует получение группой власти и укрепление ее социальной позиции: «Статусная группа встраивается в общество, борется за знаки почета, признание, отстаивает свои иерархические позиции. Она вступает в конкуренцию с другими группами, переопределяет свою территорию, эволюционирует в сторону открытости или закрытости. Кроме того, она претерпевает и внутренние трансформации – организуется, иерархизируется, распределяет власть и регламентирует внутренний доступ к благам и почестям»⁵⁴.

Степень открытости/закрытости статусной группы, ее автономии – важный вопрос для неовеберовского анализа. Ряд неовеберовских аналитиков рассматривают профессиональные и статусные группы как тождественные.

Обращаясь к историческому анализу положения медицинских работников Англии, английские исследователи Майк Сакс и Джудит Олсон приходят к выводу, что основания

⁵² Larson M. The Rise of Professionalism: a Sociological Analysis. Berkeley: University of California Press, 1977.

⁵³ Вебер М. Основные понятия стратификации / пер. с англ. А.И. Кравченко // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 151.

⁵⁴ Гадея Ш. Социология профессий и социология профессиональных групп: в защиту изменения подхода // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 25.

относительной автономии профессиональных групп в условиях развития рынка и усиления государственного влияния следует искать в формировании действенных механизмов самоорганизации и саморегуляции сообществ. Такими механизмами выступают независимые профессиональные ассоциации, чье право на саморегуляцию сообщества со временем закрепляется законом. Именно «работающие» профессиональные ассоциации становятся «механизмом, который позволил... отгородиться от влияния развивающегося национального государства и организованного капитала»⁵⁵.

Эффективность самоорганизации профессиональных сообществ нельзя считать величиной постоянной. В случае неспособности профессиональной ассоциации к действенной саморегуляции (предопределяющей успешность ее ответа на запросы общества) общественная конвенция переопределяется, расширяя возможности государственного или рыночного регулирования профессиональной деятельности. Научные сообщества, по мнению Сакса и Олсон, выступают примером наиболее ранних профессиональных ассоциаций, обладающих «самоуправлением в том смысле, что они самостоятельно разрабатывали хартии, в соответствии с требованиями которых осуществлялось обучение, а также контроль допуска и исключения из профессионального сообщества. Им свойственен принцип высокой самоорганизации и коллективного управления частными интересами членов группы»⁵⁶.

При всей потенциальной плодотворности неовеберианского анализа университетского сообщества, позволяющего сочетать исследования сообщества и социальных контекстов, определяющих его существование, стоит оговорить и его ограничения. Во-первых, очевидную увлеченность макроанализом, повышенное внимание к структурным условиям, определяющим состояние академического сообщества. Неслучайно критики неовеберианства указывают на его ощутимое сходство с функционалистской традицией. Во-вторых, очевидное сужение многообразия мотивации социальных акторов – признание константности мотивов действия статусных/профессиональных групп, сводящихся теоретиками к установлению контроля над ограниченными ресурсами⁵⁷, стремлению монополизировать рынки труда и стратификационные позиции: «Профессионализация является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка – специализированное знание и умения – в ресурсы другого порядка – социально-экономические вознаграждения. Сохранение редких ресурсов предполагает стремление к монополии: монополии экспертного знания на рынке труда и монополии статуса в системе стратификации»⁵⁸.

Траектория рассмотрения академического сообщества, выбранная Михаилом Соколовым, отчасти близка к неовеберианской перспективе, сочетая внимание к сообществу с рассмотрением значимых контекстов его существования. В центре внимания автора оказывается репутация ученых как один из механизмов внутренней саморегуляции сообщества (а значит, и его относительной автономии), проявляющий его ценностные приоритеты и иерархии, расстановку сил и логику взаимодействия, а также структурные условия ее производства. Констелля-

⁵⁵ Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании / пер. с англ. О.В. Лукша [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18171705/> (дата обращения 16.09.2012).

⁵⁶ Сакс М., Олсон Дж. Указ. соч.

⁵⁷ Примером фиксированных смыслов действий, приписываемых в неовеберианском подходе профессиональным группам, можно считать определение традиционной профессии как группы интересов, которым удалось занять монополистическую позицию на определенных рынках труда (здравоохранения, юридических услуг, образования и науки). Групповые интересы реализуются посредством: (а) выделения собственной уникальной области знания и трансформации ее в социальный престиж; (б) формирования идеологии профессиональной группы, ее публичного образа, в котором акцент делается на профессиональную этику, альтруистическое служение обществу; (в) создания профессиональных организаций, ассоциаций; (г) практик социального закрытия; (д) контроля реализации профессионального проекта. (См.: Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий: история, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 42.)

⁵⁸ Larson M. Op. cit. P. 66.

ция обстоятельств, определяющая репутацию и ее значение в академических взаимодействиях, образуется:

1) «моральной плотностью» – связанностью сообщества, наличием в нем устойчивых каналов коммуникации, регулярного взаимодействия, создающего ситуацию «все у всех все время на виду»⁵⁹;

2) значимостью сообщества в целом и отдельных его участников как потенциальных работодателей/коллег в ситуации мобильного рынка труда, высокой академической мобильности;

3) культурным контекстом – идеей *fair play*, поддерживаемой особенностью институциональной организации университетской системы – рейтинговыми и рыночными механизмами. Так, занимающий высокую позицию университет (исследователь) постоянно доказывает другим легитимность обладания определенным местом в системе: «Бремя доказательства своего превосходства лежит на том, кто это превосходство доказывает. Рассеивать подозрения – это работа того, кого подозревают»⁶⁰.

Соколов отмечает, что сформулированные тезисы о значении репутации и механизмах ее социального и культурного производства во многом носят гипотетический характер. Это скорее исследовательские предположения, требующие постоянного подтверждения и справедливые для определенных фрагментов академического ландшафта, чем универсальные закономерности, проявляющие логику жизни академического сообщества.

Проблематизация микрооптики: университет в процессе становления

Оппозицией обозначенному панорамному видению университета постепенно становится группа подходов, фокусирующихся на исследовании университетской повседневности, использующих *микрооптику* и сосредотачивающихся на подвижных и изменчивых университетских сообществах или же *балансирующих между различными регистрами*, рассматривая, как университеты своими действиями и взаимодействиями создают и трансформируют устойчивые логики академии, расшатывают или укрепляют ее «институциональный каркас».

Принципиально важное отличие данной перспективы при всей разнородности образующих ее подходов – рассмотрение университета как пространства производства смыслов и изобретения правил, складывающихся в многообразных, изменчивых практиках и взаимодействиях его участников⁶¹. При этом производимые смыслы признаются находящимися в постоянном процессе становления и реинтерпретации, что делает анализ университетской жизни принципиально неполным, открытым новым интерпретациям.

Теоретическое обрамление обозначенной перспективы образуется неoinституционализмом, теорией агентскости, дискурсивным антропологизмом (будучи изначально сфокусированным на рассмотрении академии, последний представляет собой наиболее последовательную и чувствительную к особенностям и деталям университетской жизни концептуализацию). Несмотря на значительное различие исходных посылок и категориального аппарата указанных подходов, тема создания и изменения университета как особого социального пространства единогласно помещается ими на авансцену. Порой риторика и фокусы подходов оказываются столь близкими (как это периодически случается с различными версиями неoinституционализма и теориями агентскости), что их концептуальные различия в представлении о социаль-

⁵⁹ Соколов М.М. Как управляют научной продуктивностью.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Университет для России. Т. 1, 2; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели...; Вишленкова Е.А., Мальшиева С.Ю., Сальникова А.А. Указ. соч.; Вишленкова Е.А., Галушлина Р.Х., Ильина К.А. Указ. соч.

ном устройстве и действующих агентах отодвигаются на второй план, а сами подходы кажутся удивительно сходными.

Университарий как «человек выбирающий»

Неоинституционализм – одна из наиболее популярных исследовательских перспектив в области исследований образования (Education Studies)⁶². Избегая определения университета как средоточия предзаданного набора функций, неоинституционализм признает подвижность и изменчивость университетской среды, значительную роль агентов в ее формировании, «позволяя анализировать не только то, как правила регулируют поведение людей, но и то, как интересы людей влияют на формальные и неформальные правила»⁶³.

Отмечая активность агентов в формировании институциональных рамок, неоинституционализм стремится установить, «как люди создают смыслы в рамках социальных институтов посредством языка и символических интерпретаций»⁶⁴. При этом предполагается, что пространство действий и выбора в значительной степени ограничено контекстами существования университета – другими институциями, локальной спецификой, предысторией его существования, – определяющими траектории академии и влияющими на выбор его обитателями того или иного сценария действия. С точки зрения неоинституционализма университет скорее «человек выбирающий», чем «человек творческий». Как отмечают Майкл Хит и Беверли Тайлер, агенты «выбирают и интерпретируют [организационную] среду, реагируют на фиксированные структуры и делают попытку приспособить все остальное к своим интересам»⁶⁵.

С точки зрения неоинституционализма способность университетариев к выбору и особенно влияние выбора определяются не только их положением в структуре, но и самой структурной возможностью совершения выбора – потенциальной свободой маневра. При этом сам выбор ранжируется, а наиболее важными считаются стратегические действия – совокупность мер и поступков, направленных на изменение ситуации⁶⁶, а не на поддержание существующего порядка. Возможность выбора агентов каталогизируется и описывается в виде набора фиксированных реакций: уступок, компромисса, избегания, сопротивления или манипуляции⁶⁷.

Агент и структура

Соотношение теоретизации и рефлексивных описаний университетской жизни, как уже отмечалось, обнаруживает значимый разрыв – изначально многие описания не основаны на выборе четкой теоретической рамки. Вместе с тем концептуализация подобных рефлексий *post factum* в ряде случаев вполне уместна и позволяет перейти от насыщенного описания к определению универсальных логик академии.

Вопрос об основных действующих силах академии, роли университетариев в формировании институциональной системы весьма близок к основным вопросам теории агентскости, признающей значительное влияние отдельных агентов на состояние системы. По замечанию

⁶² The New Institutionalism in Education / H.-D. Meyer, B. Rowan (eds). Albany: State University of New York Press, 2006; Павленко К.В. Неоинституциональный подход к оценке качества образования в вузе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 1–2. С. 90–100.

⁶³ Павленко К.В. Указ. соч. С. 92.

⁶⁴ The New Institutionalism in Education. P. 7.

⁶⁵ Hitt M.A., Tyler B.B. Strategic Decision Models: Integrating Different Perspectives // Strategic Management Journal. 1991. Vol. 12. No. 5. P. 331.

⁶⁶ Bastedo M.N. Sociological Frameworks for Higher Education Policy Research // Sociology of Higher Education... P. 302.

⁶⁷ Oliver C. Strategic Responses to Institutional Processes // Academy of Management Review. 1991. Vol. 16. No. 1. P. 145–179.

Маргарет Арчер, рассмотрение культурной системы вне олицетворяющих и воплощающих ее агентов бессмысленно или бесполезно, поэтому анализ всегда стоит начинать «с идей, у которых в рассматриваемый момент есть обладатель»⁶⁸.

Агенты очевидно различаются своей способностью институционального воздействия в зависимости от занимаемой структурной позиции, обладания ресурсами и многих других обстоятельств. Действия отдельных персонажей, их последующее признание сообществом (структурой) и соответствующее дискурсивное оформление образуют поворотные точки развития культурной системы в целом и академии в частности.

Признавая значимость агентов – создателей и исполнителей определенных сценариев, – теории агентскости способствуют ревизии исследований университета, исходной точкой которой становится вопрос о значимости фигуры университетария. По мнению Бертона Кларка, исследования академиков долгое время представляли собой весьма скромную коллекцию текстов, значительная часть которых десятилетиями не получала подкрепления, в одиночку формируя границы поля⁶⁹. Центральной фигурой ранних, да и более поздних, текстов становятся университетские профессора, формулирующие саму идею университетской корпорации. Ситуация сохраняется до второй половины 1990-х, когда внимание исследователей оказывается поглощено университетской бюрократией – влиятельным агентом, отчетливо заявившим о своих интересах. Патрисия Гампорт обращает внимание, что многие ранние исследования академиков носили универсалистский характер, фокусируясь на абстрактной когорте профессоров и практически не уделяя внимания внутреннему разнообразию группы, определяемому положением в академической иерархии, специализацией и особенностями жизни в кампусе, а также отдельным значимым фигурам⁷⁰.

Сегодня с появлением теорий, подчеркивающих отличие логик действия университетариев в зависимости от их дисциплинарной принадлежности и доступа к принятию значимых решений, положение в значительной степени меняется. Так, в своем классическом тексте, раскрывающем святая святых нынешней академической системы – механизм и логику оценивания научной деятельности при принятии решения о грантовой поддержке⁷¹, Мишель Ламон рассматривает отличные логики организации дисциплинарных полей и свойственных им представлений об академических «добродетелях».

Нарушая устоявшуюся традицию аморфного группового рассмотрения академиков, Уильям Кларк в своей работе «Академическая харизма и возникновение исследовательского университета»⁷² подчеркивает влияние ключевых фигур – академических харизматиков – на формирование университетских приоритетов и инновационных форм работы, корпоративного этоса европейских университетов Нового времени. Важной составляющей академической харизмы он считает аскетизм повседневной жизни, подчиненность интересам науки. Описывая жизненные стили академиков, ставших примером аскетизма, он контекстуализирует подобные практики, отмечая, что «корни академического аскетизма следует искать в монастырской предыстории университета». И все-таки роль выдающихся личностей в формировании жизненных практик университетского сообщества оказывается для Кларка весомой и незаменимой, а сами правила коммунитарной жизни – несводимыми к заимствуемым институциональным

⁶⁸ Archer M. Culture and Agency: The place of culture in social theory. Cambridge: Cambridge University press, 1996. P. XXI.

⁶⁹ Clark B. Development of Sociology of Higher Education // Sociology of Higher Education... В своей работе 1973 г. Кларк называет две работы, на долгое время остававшиеся «в одиночестве»: Wilson L. The Academic Man: a Study in the Sociology of a Profession. N.Y.: Oxford University Press, 1942; Lazarsfeld P.F., Thielens W.Jr. The Academic Mind: Social Scientists in a Time of Crisis. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1958.

⁷⁰ Gumpert P.J. Sociology of Higher Education...

⁷¹ Lamont M. How Professors Think: Inside the Curious World of Academic Judgment. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

⁷² Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. Chicago : University of Chicago Press, 2006.

образцам. Энтони Графтон в своей рецензии на книгу Кларка иронизирует по поводу транслируемости академической аскезы: «В XVIII и XIX столетиях профессорский аскетизм... принял новые формы – преимущественно творческих достижений поистине эпического, а иногда и эксцентрического свойства. Идеальный профессор сегодняшнего образца обладает признаками усталости и духовного истощения: величие ума и глубина эрудиции, как и красота, могут быть достигнуты лишь путем страдания»⁷³.

В своем исследовании Кларк сосредоточен преимущественно на инкорпорировании практик (и добродетелей) академических харизматиков в университетский этос, рассматривая университет как палимпсест, сочетающий рациональные структуры, формальные установления и личный опыт университетариев. Так, по его мнению, определенный стиль повседневной жизни может стать эталоном корпоративного поведения, а его обладатель – ролевой моделью, определяющей характер социализации и приобщения к корпоративным ценностям: «Вольф⁷⁴ заменил обычную для студентов того времени пышную шевелюру на парик – с тем чтобы не тратить драгоценные часы на парикмахера; обходил стороной таверны; и даже перестал посещать лекции, когда пришел к выводу, что может более продуктивно расходовать время, читая рекомендованные книги. Он бесил своего преподавателя тем, что читал с опережением и забирал из библиотеки все книги, которые нужны были Хайне для подготовки к лекциям. Но вскоре его рвение было вознаграждено: он был назначен профессором в возрасте двадцати четырех лет. Этот блистательный, самоотверженный нонконформист парадоксальным образом стал образцом для подражания для следующих поколений студентов»⁷⁵.

Индивид – исходная сила действия, именно траектории отдельных субъектов наиболее часто помещаются в институциональный контекст, рассматриваются как решающая сила изменений⁷⁶. Этот пункт оказывается наиболее спорным для критиков подхода, пытающихся обнулить коллективного субъекта действия и вернуть на социальную авансцену сообщество.

Университетские сообщества и производство университета

Сложные, подвижные университетские сообщества – ключевой субъект действия и стартовая аналитическая точка антропологического подхода. Подобный подход предполагает внимание к повседневной жизни университета и признает ключевую роль университетариев в создании живой и подвижной университетской культуры.

Помещение университетского сообщества как саморегулирующегося механизма в центр исследовательского внимания позволяет понять, как происходило освоение и обживание университета как институциональной модели, как она обогащалась новыми сценариями или, напротив, как происходило расшатывание и переопределение действующих правил⁷⁷. Помимо этого внимание к жизни университетского сообщества предлагает исследователю дополнитель-

⁷³ Графтон Э. История академической харизмы: гуманитарный аспект // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 408.

⁷⁴ Август Вольф – автор книги «Пролегомены к Гомеру» (1795), университетский профессор.

⁷⁵ Цит. по: Графтон Э. Указ. соч. С. 409.

⁷⁶ См.: Lovell T. Resisting with Authority: Historical Specificity, Agency and the Performative Self Theory // Culture and Society. 2003. Vol. 20. No. 1. P. 1–17.

⁷⁷ Представление о диалогичности (или, точнее, полилогичности) университета во многом основывается на идеях Мишеля де Серто о стратегиях и тактиках, формирующих ткань социальности (см.: *De Certeau M. The Practice of Everyday Life*. L.: University of California Press, 1984). Под стратегиями понимаются действия агентов, сосредоточивающих в своих руках значимые ресурсы (властные, экономические, символические), дающие им возможность определять логику организации определенного пространства, устанавливать доминирующую систему правил. Тактики – это реинтерпретации существующего порядка, его рекомбинации, осуществляемые в интересах тех, кто не обладает ресурсами для масштабных действий. Тактики дробят унифицированный порядок, образуемый стратегиями, предполагая альтернативные логики действия. В отличие от стратегий, ориентированных на захват социального пространства и долговременность действия, тактики могут быть кратковременными, изменчивыми, фрагментирующими. Идея взаимодействия стратегий и тактик подчеркивает сложность и диалогичность становления социального пространства.

ные возможности, расфокусируя оптику, позволяя следовать жизненной логике университетских обитателей, нередко выходящей за пределы корпоративного взаимодействия, рассмотреть университет как пространство социального творчества.

Соединяя разрозненные опыты множества действующих лиц и структур, антропологический подход фокусируется на сложной конфигурации рутинного порядка – переплетении формальных установлений с повседневными действиями. Университет, таким образом, рассматривается и как пространство усвоения нормативных предписаний, задаваемых агентами влияния, и как арена противостояния им.

Описание университета как сообщества уже в самой категории фиксирует наличие взаимосвязей и взаимодействий, объединяющих университетариев. Становясь исходной посылкой, аксиомой исследования, сообщество нередко натурализуется. Доказательством существования сообщества считается совокупность фиксированных структур: разделенных правил, ритуалов, символики и пр.⁷⁸, – призванных априори свидетельствовать о наличии коммунитарной жизни и социального взаимодействия. В случае натурализации сообщества все сплачивающие механизмы не проблематизируются, значение правил и их действенность не оспариваются.

При всей очевидности коммунитарного характера университетской жизни (объединяющей ее участников общностью пространства, взаимосвязанностью задач, корпоративного этоса, университетской идентичности) использование категории «сообщество» все же нуждается в дополнительной аргументации, прояснении характера и способов взаимодействия. В противном случае высока вероятность производства абстрактных описаний, скорее приписывающих и навязывающих университетскому сообществу солидарности, чем объясняющих их.

Очевидно, что не всякое объединение университетариев является результатом актуального взаимодействия. Исследователь российского академического пространства Михаил Соколов иронически использует термин «популяция» для обозначения внешней заданности подобных объединений, их появления как результата исследовательской классификации: «Популяция – гораздо точнее, чем сообщество, потому что они никогда не были сообществом ни в каком смысле, кроме того, что населяли одну территорию»⁷⁹.

Пьер Бурдьё отмечает двойственный характер подобных классификаций, в его терминологии – «классов на бумаге». С одной стороны, они – результат исследовательского произвола, часть аналитической работы исследователя, с другой – обозначение возможности группы быть объединенной, акцентирование «практик и свойств, поведения, ведущего к объединению в группу»⁸⁰.

Обозначение и описание взаимодействий, связывающих членов университетского сообщества, представляют собой попытку вскрытия оснований и механизмов его интеграции. Корпоративный этос, при всей его изменчивости и неоднозначности, традиционно рассматривается как механизм сборки сообщества, определяющий его основные стратегии, нередко включая жизненные траектории его участников: «Я работаю в университете, хотя порой мне кажется, что я в нем живу»⁸¹. Очевидно, что при всех значимых отличиях сообщество и корпорация в определенный момент оказываются связанными друг с другом переходом жизненных стилей и систем смыслов, повседневной и профессиональной жизни.

⁷⁸ Пример антропологического подхода, акцентирующего внимание на следующих способах обнаружения целостности определенной группы: официальном нормативном слое и неписаных правилах поведения, стереотипических чертах и образе жизни, формах повседневного дискурса, ритуалах, символике, сложившихся в определенной среде, – см.: *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 139–161; *Она же.* Символизация повседневности и неформальный контроль в профессиональном сообществе // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен. С. 85–112.

⁷⁹ *Соколов М.М.* Популяция социологов новой России: стенограмма беседы с М. Соколовым в программе «Наука 2.0» [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/15/sokolov/> (дата обращения 16.09.2012).

⁸⁰ *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис «классов». С. 59.

⁸¹ *Readings B.* Op. cit. P. 6.

Стефен Мелвилл в очень личном тексте «In Memoriam», посвященном памяти Билла Ридингса, указывает на расхождение логики сообщества и университета. Он упоминает особую роль спортивных игр, образующих драматургию повседневной жизни сообщества, соединяющих его участников не корпоративной логикой, но собственными, спонтанно созданными сценариями, дающими сообществу возможность состояться на собственных условиях: «Совместная игра стала настоящим служением. Оно не посвящалось кафедре или профессиональной карьере, университет не был готов признать его значение... Это было развлечением, и это было важно»⁸².

Таким образом, обнаружение в повседневной жизни академиков человеческих интересов, выходящих за границы университетской корпоративности, это в определенном смысле и обнаружение оснований самоорганизации сообщества, новых сценариев коммунитарной жизни, совместного социального творчества: «Однажды... коллега спросил меня, играю ли я в теннис? Я ответил отрицательно. Он среагировал мгновенно: "Очень плохо, я надеялся, что они наконец-то примут на работу живого человека"»⁸³.

Для подхода, в центре внимания которого оказывается логика создания и изменения университета, особое значение приобретают трансформации университетского сообщества, раскрывающиеся через взаимодействие и общую событийность, связывающую его участников и одновременно конституирующую его как сообщество, проявляющую его основные черты. События не только подтверждают наличие взаимодействия, но, будучи включенными в символическое производство, образуют дискурсивное пространство, проявляющее университетскую доксу – институциональные политики репрезентации и памяти. В этом случае особый интерес представляет вписанность различных событий в историю сообщества и институциональную историю. Существующий канон репрезентации событий университетской жизни, поддерживаемый в том числе и исследованиями академии, можно представить как канон успешности, подчеркивающий культурную значимость университета, представляющий его как пространство удачных опытов (блестящих защит, продуктивных дискуссий, эффективной кооперации). В то же время ряд исследователей указывают на очевидную ангажированность репрезентации событий, ее подчиненность приоритетам корпорации. Например, Крис Голд отмечает, что университеты обращают повышенное внимание на мотивы поступления или прихода на работу, но практически не рассматривают и не декларируют причины увольнений или прекращения учебы⁸⁴.

Другой «фигурой умолчания» можно назвать университетские конфликты. Особенность существующих практик рассмотрения конфликтов в академических сообществах заключается в дистанцировании конфликта. Он воспринимается скорее как область изучения или сфера применения профессиональных навыков (то, что существует за пределами сообщества, на что направлен его взгляд), чем атрибут университетской жизни⁸⁵. Немногочислен-

⁸² Melville S. Memoir: in Celebration of Academic and Athletic Excellence // Surfaces. 1996. Vol. VI. 205 (v.1.0A – 09/09/1996). P. 15–16.

⁸³ Ibid. P. 8–9.

⁸⁴ Golde C.M. The Role of the Department and Discipline in Doctoral Student Attrition: Lessons from Four Departments // Journal of Higher Education. 2005. Vol. 76. No. 6. P. 669–700.

⁸⁵ Исключением являются публикации: Антощенко А.В. История одной профессорской отставки // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002. С. 234–272; Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека Казани XIX века // Адам и Ева: альманах гендерной истории. М., 2004. № 7. С. 172–201; Вишленкова Е.А., Мальшичева В.Ю., Сальникова А.А. Указ. соч.; Свешников А.В. «Вот Вам история нашей истории»: к проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 231–261; Антощенко А.В. Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде [Электронный ресурс] // Омский государственный педагогический университет: всероссийская конференция «Социальные конфликты в истории России». URL: http://www.omgpu.ru/science/conf/conflicts-2008/download/antoschenko_av.doc (дата обращения 4.02.2012); Свешников А.В., Антощенко А.В. Конфликт без скандала в университетской среде // Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 2. М., 2007. С. 115–134; Шперхазе К. История науки как история конфликтов // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 9–

ные работы, посвященные академическим конфликтам, как правило, не рассматривают их как механизм изменения университетского сообщества, локальных контекстов или институциональных структур, но, скорее, представляют собой набор курьезов, забавных случаев или же рассматривают университет как пространство объективации общественных конфликтов (классовых, гендерных, расовых и др.), нивелируя значимость или отрицая саму возможность внутриуниверситетских разногласий⁸⁶.

Исследование событийности направлено на обнаружение событий, проявляющих основные смыслы и логику взаимодействия сообщества, поддерживающих его как целостность, (вос)производящих иерархичность, создающих разделенные способы чувствования – расставляющих эмоциональные акценты. События становятся механизмом включения/исключения человека из жизни группы.

Наиболее часто исследователи обращаются к изучению ритуализированной событийности университетов (праздникам, церемониям посвящения и пр.), достаточно доступной для исследовательского анализа в силу своей повторяемости и артикулированной ценности – стабилизации и мобилизации сообщества, формированию и проявлению его идентичности. Однако регулярно воспроизводимые ритуалы могут утрачивать свое значение в жизни группы или менять смысловое насыщение, требуя постоянной исследовательской ревизии смыслов устоявшихся форм взаимодействий, чтобы через изменение значения событийности говорить о переопределении социального целого. Так, Энтони Графтон отмечает, что университетские церемонии (как воплощение истории и верности традициям) сегодня не только важны для внутренней жизни сообщества, но и, наряду с другими обстоятельствами, становятся важной частью университетского брендинга – позиционирования университета на рынке образовательных услуг: «Современные вузы искренне стремятся отыскать лучших преподавателей и ученых – тех, кто работает в своих областях на переднем крае развития науки, – но они хотят при этом сохранить традиционные аспекты университетской культуры и, подобно своим учителям, с важностью носить мантии. Они надеются, что некая не поддающаяся определению комбинация этих качеств привлечет в их вуз наилучший контингент семнадцатилетних абитуриентов»⁸⁷.

Устойчивые взаимодействия, регулярная событийность, образующие календарь, ритмы жизни сообщества, – лишь одна из возможных логик саморегуляции. Особое значение в жизни университетариев имеют происшествия, радикально переопределяющие условия существования группы, после которых «ничто уже не будет прежним», а также нерегулярные и локальные события, способствующие не радикальной трансформации, но реконфигурации сообщества – изменению иерархий, логики взаимодействия⁸⁸ и пр. Их влияние зависит от сложившихся правил взаимодействия, а роль в жизни сообщества подчеркивается эмоциональностью реакции задействованных участников, их воздействием на повседневную жизнь членов сообщества.

Пространственная жизнь университетского сообщества. Университет в пространстве города

Фокусируясь на жизни университетского сообщества, антропологический подход подчеркивает значимость ее пространственных координат. Университетская жизнь всегда имеет пространственное воплощение. Используя различные масштабы рассмотрения, мы можем гово-

16; Мост Г. У. Век столкновений: как немецкие антиковеды XIX столетия упорядочивали свои дебаты // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 17–27.

⁸⁶ Делбанко Э. Скандалы в высшем образовании: (обзор публикаций об американском высшем образовании) // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 304–322.

⁸⁷ Графтон Э. Указ. соч. С. 408.

⁸⁸ Гириц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

речь об особом «пространстве и времени университета»⁸⁹, а также о его многообразных связях с «внешним миром». Университетское пространство и темпоральность образуются разделенными пространствами университетских построек, лекционных залов, библиотек, лабораторий и общежитий, особой ритмикой университетской жизни, создающими «атмосферу защищенности и исследовательского поиска, временно отделяющую»⁹⁰ университетариев от неуниверситетского мира. Будучи особым местом, университет оказывается не только отделенным от внешнего мира, но и соединенным множеством повседневных связей с другими пространствами.

Рассматривая связь университетских людей с их непосредственным городским окружением, описывая историю университетов как развивающуюся в конкретных городских контекстах⁹¹, исследователи стремятся преодолеть во многом типичный для социальных наук «взгляд одновременно отовсюду и конкретно ниоткуда». Аналитики предостерегают от нецелесообразного и крайне абстрактного разговора о городе и университете вообще, подчеркивая различие историй и логик подобного взаимодействия⁹².

Примером анализа, сосредоточенного на обозначении различий в отношениях «университет – город», можно считать работу Дэвида Чарльза «Университеты и их взаимодействие с городами, регионами и местными сообществами»⁹³. Не стремясь к созданию классификации или установлению какой-либо сопоставимости, не всегда выдерживая четкие логические критерии, Дэвид Чарльз выделяет следующие группы отношений университетов и городов в Великобритании: «Первая группа представлена широко известными университетскими городами, такими как Кембридж, Оксфорд. Эти города выросли и развивались вокруг университетов, а кампусы, как с физической, так и с функциональной точек зрения, всегда доминировали над историческими центрами своих городов. На сегодняшний день эти города и университеты воспринимаются как единое целое, несмотря на то что сами университеты в первую очередь ориентированы на международную аудиторию, а между местным населением и обособленными университетскими городками складывается напряженность.

Вторая группа – противоположность городам-университетам – это университеты, ассоциируемые с городом, как правило, это недавние университеты, выросшие из бывших политехнических институтов, которые формировались в определенных городах.

Третью группу составляют городские (*civic*) университеты, выходящие за пределы городов, имеющие региональное значение, но изначально создаваемые при значительном участии городских властей. В отличие от городских университетов, локализованных в городах, но ориентированных на потребности регионов, существует другая группа университетов, располагающихся за пределами города (*out-of-town campuses*) и демонстрирующих отсутствие тесных связей с городом»⁹⁴.

Как можно заметить из приведенного примера, связь университета и города определяется не только логикой их собственных отношений, но и включением (как университета, так и города) в более широкие контексты – региональные, национальные, глобальные. Существование в нескольких пересекающихся реальностях зачастую увеличивает сложность описания

⁸⁹ Bourdieu P., Passeron J.C. *The Inheritors: French Students and their Relation to Culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1979. P. 29.

⁹⁰ Chatterton P. *University Students and City Centres: The Formation of Exclusive Geographies: the Case of Bristol, UK* // *Geoforum*. 1999. Vol. 30. Issue 2. P. 117–133.

⁹¹ Университет и город в России: (начало XX века).

⁹² Van der Wusten H. *A Warehouse of Precious Goods: The University in its Urban Context* // *The Urban University and its Identity: Roots, Locations, Roles* / H. van der Wusten (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 4.

⁹³ Charles D.R. *Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities* // *Rebalancing the Social and Economic: Learning, Partnership and Place* / C. Duke, M. Osborne, B. Wilson (eds). Leicester: NIACE, 2005. Ch. 10.

⁹⁴ Перфильева О.В. Университет и регион на пути к реализации третьей функции // *Вестник международных организаций*. 2011. № 1 (32). С. 135.

отношений «университет – город», требует учета множественных контекстов, формирующих взаимодействие.

Особый статус города (его столичность, региональная значимость) предполагает дополнительные возможности для развития университета, открывая доступ к широкому ряду ресурсов и в то же время накладывая определенные ограничения (пространственные, политические и др.) на университетскую жизнь. При этом отношения университета и города представляют собой постоянный диалог и взаимную настройку, варьирующуюся от относительной хозяйственной, правовой, культурной изоляции и автономии до приспособления и взаимных изменений. Такая взаимная адаптация означает, что и город может использовать различные ресурсы университета, в том числе и символические. Университет при этом входит в число городских «иконических объектов», репрезентирующих город, повышающих его статус. В этом случае у университета появляются дополнительные основания рассчитывать на более выраженную поддержку городских властей и горожан.

Обращаясь к отношениям, складывающимся между городами и университетами, исследователи нередко рассматривают их как обмен возможностями и значимыми ресурсами. Например, появление университета в уже обжитом городе предполагает широкое использование университетскими профессорами и студентами возможностей, предоставляемых городской жизнью (публичные пространства – библиотеки, музеи, выставочные залы; развитый рынок жилья; городская инфраструктура, интенсивная культурная жизнь и многое другое), при этом сам университет постепенно превращается в значимую часть городского публичного пространства⁹⁵. Университет способен стать структурирующим центром городского района или города в целом⁹⁶, а также особого пространства – университетского города или кампуса, формируя особую среду, соответствующую запросам университетских обитателей.

Развитие кампусов ставит под сомнение городскую дух университетов. Будучи во многих случаях принципиально антигородским проектом⁹⁷, к достоинствам которого, помимо прочего, его создатели относили «изолированность от городской суеты и безумств современного общества»⁹⁸, кампус превращает университетскую жизнь в основание жизненного уклада местного сообщества, формирует особое пространство, призванное максимально проявить «академические и общественные качества» его обитателей⁹⁹, создает социальную среду небольшого поселения. Кампус подчеркивает и усиливает «самодостаточность университетской жизни, а значит, и ее самостоятельность»¹⁰⁰.

Признавая множественное влияние университета на городскую жизнь (экономическое, политическое, культурное), исследователи рассматривают университетскую среду как иницирующую и катализирующую ряд городских процессов, способствующую формированию новых городских пространств и практик. В частности, российские исследователи признают особый вклад университетов в формирование публичного пространства российских городов XVIII–XIX вв., отмечая их выраженное цивилизующее влияние: «Сама логика университетской жизни диктовала другое. Университет жил открыто, сея навыки нового, цивилизованного быта. Публичные действия, связанные с функционированием университета – торжественные церемонии и ученые торжества, открытые диспуты, где студенты должны были полемизировать в присутствии зрителей, лекции с демонстрацией физических опытов, процедуры награж-

⁹⁵ *Bender T.* Scholarship, Local Life, and the Necessity of Worldliness // *The Urban University and its Identity...* P. 17–47.

⁹⁶ *The University as Urban Developer: Case Studies and Analysis* / D.C. Perry, W. Wiewel (eds). N.Y.: M.E. Sharpe, 2005; *Chatterton P.* The Student City: an Ongoing Story of Neoliberalism, Gentrification, and Commodification // *Environment and Planning*. 2010. Vol. 42. P. 509–514.

⁹⁷ *The University and the City: from Medieval Origins to the Present* / T. Bender (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 1988.

⁹⁸ Из речи Даниэла К. Гилмана (1876), первого президента The John Hopkins University. Цит. по: *Bender T.* Op. cit. P. 18.

⁹⁹ *Muthesius S.* The Postwar University: Utopianist Campus and College. New Heaven: Yale University Press, 2000.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 24.

дения отличников и т. п., – все это нетрадиционные, новые по сути своей ритуалы, которые играли особую роль в усвоении населением города нового культурного опыта. Постепенно в него втягивались и горожане, переходя от незнания, удивления и любопытства к включенности в новую культурную деятельность. Университетский театр стал общедоступным (университетская труппа фактически эволюционировала в сторону публичного городского театра). Библиотека университета стала первой публичной библиотекой Москвы. Физические лекции с демонстрацией эффектных опытов были публичными»¹⁰¹.

Университет, таким образом, идентифицируется как один из важнейших агентов, меняющих повседневную жизнь горожан, формирующих новые условия городской жизни. Однако открытым остается вопрос о значимости роли университета в процессе «цивилизации», соотношении университетских усилий и действий других городских структур или публичных пространств, а также реакции горожан на университетские новации, их включенность в поле новых культурных практик. Состоятельность университета как публичного пространства (в том числе и городского) усиливает общественный резонанс университетских событий, укрепляет значение университета как политической арены. Университетские волнения, неоднократно выплескивавшиеся в городское пространство, становились основаниями переопределения конвенций городской жизни, а также вполне материальных ответов на угрозу стабильности (к которым можно отнести развитие «бункерной архитектуры» в ответ на студенческие восстания 1960-х).

Последние исследования, оценивающие влияние университетов и университетской публики на городскую жизнь, все чаще рассматривают этот процесс не со стороны университетов, а со стороны горожан. Изменение оптики приводит и к переоценке взаимодействия. В поле зрения исследователей попадают не только позитивные изменения, но и неблагоприятные эффекты взаимодействия, обнаруживаются противоречия городской жизни, обостряемые университетами как крупными капиталистическими корпорациями, играющими особую роль в современной экономике знаний. Выступая в роли одного из ключевых игроков городской жизни, университеты определяют стратегии развития крупных городов, формируют масштабные рынки недвижимости, труда и потребительские рынки. Этот процесс в определенной степени находится в русле традиционного влияния университетов на городскую экономику. Однако усилившийся в последние десятилетия процесс «студентификации»¹⁰² – резкого увеличения числа студентов и возрастания культурной ценности периода студенческой жизни¹⁰³ – по мнению исследователей, способствовал изменению конфигурации ряда крупных городов (основным предметом исследования в данном случае выступают британские города). Коммерциализация городской жизни, поддерживаемая университетами и студентами, превратившимися в основных потребителей городских сервисов и пространств, формирует особые пространства ограниченной доступности (ценовой, физической, символической), усиливает процессы джентрификации и фактически отчуждает часть городских пространств, ощутимо меняя ландшафт города. Таким образом, можно заметить, что университеты не только принимают активное участие в производстве городского публичного пространства, но и способствуют его отчуждению и приватизации.

Взаимодействия горожан и университетской публики нередко описываются в литературе как стихийные повседневные встречи и коммуникации, определяемые общностью разделяемого городского пространства¹⁰⁴. Вместе с тем подобные взаимодействия могут быть частью вполне осознанной стратегии. Отношения «университет – местное сообщество» – одна из наи-

¹⁰¹ Кулакова И.П. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/kulak.html> (дата обращения 17.09.2012).

¹⁰² Smith D. Studentification: the Gentrification Factory? // The New Urban Colonialism: Gentrification in a Global Context / R. Atkinson, G. Bridge (eds). N.Y.: Routledge, 2005.

¹⁰³ Chatterton P. The Student City... P. 514.

¹⁰⁴ Университет и город в России: (начало XX века).

более обсуждаемых тем в современной дискуссии, связанной с университетами. Превращение университета в современную капиталистическую корпорацию – крупного агента, балансирующего в различных системах координат (от городской до глобальной), по мнению ряда авторов, делает неизбежной его ответственность за состояние местных сообществ. Действия университета, таким образом, лишаются специфичности образовательной институции и подчиняются общей логике функционирования бизнес-структур.

* * *

Интеллектуальный ландшафт исследований университета крайне многообразен, несмотря на то что сам университет относительно недавно попал в фокус социальных наук, будучи растворенным во множестве институций, формирующих систему образования. В данном тексте я постаралась обозначить основной набор концепций, задействованных в исследованиях университета, раскрывая как сферы плотной концептуализации, так и исследовательские лакуны, ожидающие своего аналитического наполнения.

Доминирование макроподходов, установившееся в поле университетских исследований, долгое время предопределяло его панорамное видение. Вероятно, обращение к микроподходам или балансирование между регистрами поможет установить подвижную, в некотором отношении стихийную и творческую картину университетской повседневности и особой академической событийности, показать освоение и изменение институциональных условий согласованными действиями университетариев.

Прорисовывание ландшафта исследований университета, обозначение основных направлений концептуализации – это не только противостояние сложившейся доксе, но и производство новой доксы, легитимация определенного представления об академии. Следовательно, можно надеяться, что в постоянной рефлексии и саморазоблачении – сознательной открытости сценариев производства знаний об академии – заключается одна из возможностей преодоления догматичности и превращения доксы из непреодолимого препятствия в постоянно обновляемый инструмент исследования.

Раздел I

Сообщество по производству текстов

Е.А. Вишленкова, А.Н. Дмитриев

Прагматика традиции, или Актуальное прошлое для российских университетов¹⁰⁵

Университетская традиция в России, к которой так часто апеллируют исследователи и публицисты, обычно представляется как непроблематичная, устойчивая во времени характеристика развития отечественной высшей школы, как прошлое, организованное для службы настоящему. Авторы одного из первых в России исследований об историческом времени И.М. Савельева и А.В. Полетаев справедливо считают, что «при таком “затмении” чувства времени возникает скорее эмоциональная связь с прошлым, чем критический взгляд на него»¹⁰⁶.

Как правило, в обыденной речи традиция представляется аллегорически, как вневременной свод неявных правил и заповедей, лишь подтверждающийся теми или иными конкретными примерами и всем обретенным опытом. В отличие от прочих высказывающихся на эту тему людей, профессионал создает «большую» историю университета (конкретного своего или российского в целом) и экстрагирует из нее традицию посредством процедуры типологизации источниковых данных. При этом он должен верить в наличие объективных признаков и характерных черт изучаемого прошлого. Для гомогенизации временного потока в таких случаях используется прием масштабирования, когда в качестве мерил для всего объекта исследования используется один из его элементов, например, число учащихся в университетах, присуждение ученых степеней, факультетская структура или постоянно пополняющийся список «славных имен».

После выхода коллективной монографии под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера¹⁰⁷ общим местом в социогуманитарных дисциплинах стала максима, согласно которой в социальной жизни традиции изобретаются, а смысл ей придают мемуаристы и историки. Именно воспоминание организует время в непрерывную последовательность. Сама по себе линейная хронология – это абстракция, которая редко соответствует ощущению времени современниками. В историческом нарративе она помогает выстроить историческое знание в логике «до» и «после» и дает простор повествованию.

Эти положения, изложенные в трудах современных философов, социологов и антропологов, занимавшихся исследованием социального или исторического времени¹⁰⁸, проблемати-

¹⁰⁵ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России» в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

¹⁰⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. С. 420.

¹⁰⁷ The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds). N. Y.: Cambridge University Press, 1983; Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // Representing the Nation: A Reader / D. Boswell, J. Evans (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2007. P. 82.

¹⁰⁸ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997; Остерхаммель Ю. Трансформация мира: история XIX века: Главы из книги / пер. А. Каплуновского // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 21–140; Zarubavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1981; Zarubavel E. The Standardization of Time: A Sociohistorical Perspective // American Journal of Sociology. 1982. Vol. 88. No. 1. P. 1–23; Bourdieu P. The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990; Munn N.D. The Cultural Anthropology of Time: a Critical Essay // Annual Review Anthropology. 1992. No. 21. P. 93–123; Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt: Eine

зировали создание большого исторического нарратива для гетерогенных образований, к которым мы и относим университеты. Они же легли в основу предлагаемой нами деконструкции концепта «университетская традиция». Провести ее нас побудили несколько обстоятельств: периодически обостряющиеся споры о правопреемственности современного вуза от исторического предшественника; историографические противоречия в хронологии истории локальных университетов и истории «российского университета» и прагматика (т. е. использование) концепта «университетская традиция» в политике (публичной истории, политике образования, конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг).

Мы в России – свидетели повсеместно вспыхивающих дискуссий о правопреемственности современных университетов от их исторических предшественников (Харьковского университета – от Харьковского коллегияума, Санкт-Петербургского университета – от академического университета 1725 г., Воронежского университета – от эвакуированного Дерптского университета и т. д.). С одной стороны, в основе этих споров лежит убеждение неких универсальных свойств, присущих любому университету. С другой стороны, такая борьба опирается на априорное признание непрерывности университетской истории.

Между тем в историографии наличествуют различающиеся версии континуитета прошлого российских университетов. Исследования по истории конкретных высших школ создают карту автохтонных учебных локусов с собственной логикой развития, переломами и различающейся периодизацией. Видимо, местные архивы не позволяют историкам представить жизнь разных университетов как параллельные прямые линии. В юбилейных версиях такого прошлого жизнь фрагментируется на несовпадающие по длительности и свойствам блоки, персонализированные именами «своих» администраторов (попечителей или ректоров) либо означенные политическими катаклизмами (ревизиями, студенческими беспорядками, войнами, региональными событиями). Сборка большого периода как целостности в локальных историях достигается посредством использования вневременных категорий «университетские черты» и «университетская культура»¹⁰⁹.

При изучении публикаций, посвященных правительственной политике и системе университетского образования, перед читателем предстают единое пространство страны или региона, созданное стирающими локальные различия понятиями «университетская идея»¹¹⁰, «универ-

Geschichte des 19. Jahrhunderts. 1. Auflage. Мюнхен: С.Н. Beck, 2010.

¹⁰⁹ О возможности такой преемственности для Казанского университета см.: *Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 271–311; *Višlenkova E.A., Mal'sheva S.Yu.* Universität als Wissenschaftseinrichtung und als Form der Gedächtnisorganisation // *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*. 2008. Bd. 11. S. 155–182. О преемственности Харьковского университета от Харьковского коллегияума см.: *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета: (по неизданным материалам): в 2 т. Т. 1. 1802–1815. Харьков: Паровая тип. и литогр. М. Зильберберг и с-вья, 1893. С. 14–51; *Посохова Л.Ю.* Православные коллегияумы Российской империи: (вторая половина XVIII – начало XIX века): между традициями и новациями // *Ab Imperio*. 2010. № 3. С. 85–113. Обоснование преемственности Санкт-Петербургского университета см.: *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу: из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX века. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1988; *Они же.* «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000; *Жуковская Т.Н.* Какая история нужна Петербургскому университету? // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX веках: европейские традиции и российский контекст: матер. междунар. науч. конф., 23–25 июня 2009 г. / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб.: Изд. дом. С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 463–478. Критика аргументации петербургских историков см.: *Левшин Б.В.* Академический университет в Санкт-Петербурге: историческая справка // *Отечественная история*. 1998. № 5. С. 73–76; *Андреев А.Ю.* О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Там же. С. 62–72; *Кулакова И.П.* Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // *Российские университеты в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. Вып. 5.* Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 28–64; *Андреев А.Ю.* Проблемы рецепции «гумбольдтовского» университета в России в ее прошлом и настоящем // *Гумбольдтовские чтения: матер. междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 146–147.*

¹¹⁰ *Афониошкина А.В.* О правительственной политике России 20-40-х годов XIX века в области университетского образования // *Российские университеты в XIX – начале XX века: сб. науч. ст. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. С. 15; Андреев А.Ю., Посохов С.И.* Раздел 1. Конец XVII – начало XIX в. // *Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология: учеб. пособие для вузов / сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 15.*

ситетская система»¹¹¹ или «университетские модели»¹¹², и общая история, разделенная университетскими уставами и политическими событиями на этапы однонаправленного развития.

Утверждение такой упорядоченной континуальности дается исследователям российской университетской истории ценой умолчания о свидетельствах современников об индивидуальных цезурах (например, ревизии и обновлении Казанского университета 1819–1825 гг., кадровой реформе в Московском университете 1835–1837 гг., послереволюционной ликвидации университетской автономии, политических репрессиях 1930-1940-х годов).

Тиражируемое в разных по жанру текстах утверждение заведомо гомогенной, равной себе во времени и пространстве университетской традиции, как нам представляется, искажает историческое сознание читателей: оно камуфлирует интересы создателей исторических нарративов, исключает возможность признания множественности университетского прошлого и делает Россию зоной «особого пути» с «особой университетской традицией».

Линейное время для университетского прошлого

Конструирование университетской традиции для России началось с попыток правительства заставить профессорские советы писать исторические записки о своих учебных округах. «Составлять» историю требовал от профессоров устав 1804 г. (§ 70). Такой текст являлся разновидностью отчета о состоянии учреждения с указанием источников его процветания. Занятые обилием дел по учебному округу и учебному процессу в университете профессора долгое время игнорировали требование властей или присылали в Петербург разрозненные данные об университетских подразделениях, студентах и учебных курсах.

Первый сюжетный рассказ о прошлом придумало в 1840-е годы для университетов само министерство. Собираемые в те годы ежегодные отчеты позволяли чиновникам не только контролировать текущее состояние учебных заведений, но и разработать на их основе концепцию формирования университетской системы в России¹¹³. В 1843 г. граф С.С. Уваров зачитал императору и публике отчет о десятилетней деятельности своего ведомства, в котором университетское прошлое предстало как реализация просветительской стратегии государства.

Министр напомнил, что в 1833 г. получил от своего предшественника только «материалы, из коих надлежало почти вновь соорудить эти высшие учебные заведения»¹¹⁴. Вся жизнь университетов до его прихода на пост министра представлялась царством анархии и хаоса. Они были следствием той самой организационной автономии, которая возложила «административные и хозяйственные дела на лиц ученого сословия, по большей части чуждых обязанностей этого рода и без существенной пользы для успешности управления, что отвлекало профессоров от настоящих и главных их занятий науками и преподаванием»¹¹⁵. В результате в орга-

¹¹¹ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002–2003. Т. 1–4; Чесноков В.И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов // Российские университеты в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. Вып. 6. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. С. 145.

¹¹² Gellert C. The Emergence of Three University Models: Institutional and Functional Modifications in European Higher Education. Florenz: European University Institute, 1991; Wittrock B. The Modern University: the Three Transformations // The European and American University since 1800 / S. Rothblatt, B. Wittrock (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 303–361; A History of the University in Europe / W. Rugg (ed.): Vol. 1. Universities in the Middle Ages / H. De Rudder-Symoens (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Vol. 2. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / H. De Ridder-Symoens (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / W. Rugg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Vol. 4. Universities since 1945 / W. Rugg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

¹¹³ Ильина К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. С. 133–158.

¹¹⁴ Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения: 1833–1843 // Сергей Семенович Уваров: избранные труды / сост., автор коммент., перевода В.С. Парсамова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 368.

¹¹⁵ Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 349.

нах университетского самоуправления, констатировал министр, господствовала «медленность в распоряжениях, многосложность административных форм и затруднительность совещательного образа управления»¹¹⁶.

Главную свою заслугу Уваров видел в том, что подчинил разрозненные учебные заведения единой *системе* управления (т. е. обучения, воспитания и контроля), сформулировав ее «твердые начала», и в том, что снял с профессоров тяжесть административных и хозяйственных обязанностей. В написанных по разным поводам текстах министр доказывал, что выстроенная им университетская система является стройной, правильной и приспособленной для надзора. В результате ее внедрения пребывавшие прежде в упадке университеты, например «Харьковский и Казанский, вступили в эпоху своего возрождения»¹¹⁷.

Для того чтобы подчеркнуть собственные заслуги в развитии университетов, до-уваровские чиновники использовали метафоры «руины» и «расцвет». Почти каждый вновь назначенный попечитель обнаруживал подведомственный ему университет в руинах и оставлял его в цветущем состоянии. А его преемник вновь стоял среди руин. Такая метафорика не позволяла утвердить линейное развитие, замыкая университетское прошлое в циклические круги. В николаевское время изменился язык делового письма, практикуемый по ведомству просвещения. Тогда попечителями служили не по несколько лет, как раньше, а десятилетиями. Разоблачения и критика предшественников решительно пресекались верховной властью как порочащие честь мундира и подрывающие лояльность подданных. В поступающих отчетах администраторы сообщали об «усовершенствовании», «развитии», «улучшении» и «преемниках», что позволяло представить текущую историю как линию прогресса.

Основанная на идее прогрессивного исторического времени, уваровская концепция сняла уже закрепившееся к тому времени противопоставление России Западу как варварства – цивилизации¹¹⁸. Поскольку министр был сторонником идеи «особого пути» для России, отечественные университеты представлялись ему национальным явлением, а не частью универсальной культуры. Уваров ни разу не упомянул о призыве иностранных профессоров и о трудностях вживания университетских людей в локальную культурную среду. Он писал об университетах как о «русских» и как о всегда бывших. В создаваемом им дискурсе государство являлось единственным архитектором российского просвещения. Университетам отводилась роль средства для реализации правительственных намерений и фрагмента государственной машины («орудие Правительства»¹¹⁹).

Изобретение Уварова имело долгосрочные последствия для будущей историографии российских университетов и конструирования ими своей традиции. Изложенная министром логика развития университетов, понимание их назначения легли в основу разработанной его подчиненными системы сбора первичных данных с университетов. Формуляры отчетных документов, спускаемые из Санкт-Петербурга, были сделаны таким образом, что вписанные в них данные представляли профессоров и студентов обезличенной массой «учащих» и «учащихся», а сам университет – государственным учреждением¹²⁰. А ведь именно эти документы служили и продолжают служить главными историческими свидетельствами для историков.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. С. 358, 367.

¹¹⁸ О ранней биографии Уварова, помимо известной книги Цинтии Х. Виттекер (Граф Сергей Семенович Уваров и его время / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб.: Академический проект, 1999), см.: *Майофис М.* От идеи «единой Европы» к идее «особого пути»: С.С. Уваров в 1816–1821 годах // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три квадрата, 2010. С. 49–69; *Велижев М.Б.* С.С. Уваров в начале николаевского царствования: заметки к теме // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: к 85-летию Ларисы Ильиничны Вольберг: в 2 ч. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. Ч. 2. С. 335–356.

¹¹⁹ *Уваров С.С.* Циркулярное предложение управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. I. № 1. С. L.

¹²⁰ *Vishlenkova E.* University Deloproizvodstvo (Paperwork) as a Cultural Practice and Institution (Russia, First Half of the 19th

Поиски традиции

Коллективное творчество по созданию общей традиции началось в российских университетах в связи с предстоящими юбилеями. Оценивая современное состояние университетской жизни как критическое, профессорские советы пытались самоопределиться, сформировать свое социальное назначение и корпоративное прошлое или просто получить причитающиеся по такому поводу благодарения от властей. И если провинциальные университеты свое прошлое помнили так, как позволяло им помнить министерство¹²¹, то москвичи попытались выйти из ущемляющего университетское достоинство государственнического дискурса.

К столетнему юбилею университета в Москве планировалось составить своего рода сборник агиографических текстов о его служителях и соединить университетское торжество с празднованием 1000-летия «изобретения церковных Славянских письмен, которое совершилось в 855 г.»¹²². Таким образом, университетская история предстала бы завершением духовного просвещения Руси-России. И поскольку в такой связи профессора являлись прямыми продолжателями дела христианских просветителей, то юбилейные издания предлагалось обогатить «историей славяно-русских письмен» и «жизнеописанием Св. Первоучителей Славянской грамоты Кирилла и Мефодия»¹²³.

Несмотря на первоначальную установку, опубликованная в 1855 г. «История Московского университета» С.П. Шевырёва не образовала линию, выходящую за пределы имперского времени. С одной стороны, война 1812 г. и московский пожар создали в ней явный разрыв, а с другой – имевшиеся в распоряжении историка источники повествовали не о тысячелетнем, а только о столетнем периоде и о двух разных университетах внутри него: о Московском университете XVIII в. и об императорском университете в Москве первой половины XIX в.

Единую нить, на которую автор нанизал почерпнутые из них сведения, образовал тезис о стремлении российских монархов просвещать подданных¹²⁴. Глористические мотивы и утверждения, что Николай I завершил просветительское дело Петра I и создал из отдельных школ систему российского образования, нередко звучали в те времена в университетских стенах. Об этом, в частности, говорил А.В. Никитенко на торжествах 1838 г. по случаю переезда Санкт-Петербургского университета в здание Двенадцати коллегий¹²⁵. Но в речах это была дань одическому жанру, и она не требовала обоснования.

Взятая же в качестве концептуальной установки эта идея побудила Шевырёва делать сомнительные утверждения. Так, историку пришлось заверить читателей, что, создавая университеты, правительство удовлетворяло потребности элит (помещиков) в университетском

Century) // «Humanities» (WP BRP 03/Hum/2012) National Research University Higher School of Economics. 2012 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hse.ru/data/2012/01/24/1264549655/03HUM2012.pdf>

¹²¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 50. Д. 663 «Дело об осмотре министром народного просвещения и другими учебных заведений Харьковского учебного округа. Историческая записка о Харьковском университете». 1851. Л. 2-13; *Загоскин Н.П.* История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904: в 4 т. Т. 1. Введение и часть первая: 1804–1814. Казань: Типо-литогр. имп. Каз. ун-та, 1902. С. XXV.

¹²² РГИА. Ф. 733. Оп. 35. Д. 3. «Дело о праздновании столетнего юбилея университета. Рисунок медали в честь юбилея». 1850–1859. Л. 1.

¹²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 35. Д. 3. Л. 3, 4.

¹²⁴ *Шевырёв С.П.* История императорского Московского Университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым: 1755–1855. М.: Университ. тип., 1855. С. 10. Об общих установках Шевырёва см.: *Петров Ф.А.* С.П. Шевырёв – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М.: Альтекс, 1999.

¹²⁵ *Никитенко А.В.* Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу всероссийскому, отцу отечества // Слова и речи, читанные ректором и профессорами императорского Санкт-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании 12 коллегий 25 марта 1838 г. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1838. Паг. 2. С. 3.

образовании¹²⁶. Видимо, так же как в свое время законодателям, историку казалось соблазнительным представить университет в Москве результатом естественного исторического развития, только никаких доказательств тому у него не было. Некоторые объяснения он давал исходя из свойств современной ему культуры. «Потребности государственные, особенно военные, и потребности общежития, – уверял, например, Шевырёв, – были причиною распространения и умножения медицинского факультета»¹²⁷. И это несмотря на то, что даже в 1840-е годы врачи с университетским дипломом сообщали правительству о низкой потребности россиян в научной медицине¹²⁸. Модернизируя историю XVIII столетия, университетский историк утверждал, что правительство всегда стремилось «к приведению всех учебных средств к государственному единству»¹²⁹, т. е. к системе. В шевырёвской версии концепт «система» получил более широкое, чем у Уварова, толкование – унифицированное университетское пространство и характерная черта университетской жизни России.

История Шевырёва организована в качестве хроники событий, составлена из последовательности правительственных указов и описания реакции на них членов конференции университета. Историк пересказал довольно близко к тексту оригинала протоколы Конференции XVIII в., содержимое писем университетской канцелярии к кураторам и кураторов к профессорам, рассказал о ежегодно публикуемых программах лекций. Рассказ о жизни «послепожарного» университета он подменил изложением правительственных постановлений, взятых из «Полного собрания законов Российской империи» и «Журнала Министерства народного просвещения».

В этом отношении в завуалированном и обновленном виде сформулированная Уваровым концепция университетского прошлого, утвержденные им категории оказались воспроизведены в университетских самоописаниях. От доклада министра они отличались отсутствием цифровой аргументации и включением в нарратив университетской истории персональных голосов и биографических справок. Но все равно это были рассказы не о культурной специфике конкретных университетов, а о правительственной политике в отношении их. «История университета Московского занимает в ней, – писал Шевырёв, – только малую и скромную часть, но не менее значительную, как часть одного великого целого»¹³⁰. Юбилейные исследователи университетов разделили протяженность прошлого на царствия, а их – на кураторства и попечительства¹³¹. Таким образом оказались синхронизированы просветительские действия политической власти и жизнь университетов.

Обновление государственнического дискурса

Отчет С.С. Уварова стал образцом для создания почти всех ведомственных историй, возникших в конце XIX – начале XX в. Тогда каждое министерство обзавелось письменной версией славного прошлого, а государство – историей своих учреждений.

К тому времени уваровское правление обрело привлекательность в глазах университетских людей. Уставшие от разнонаправленных реформ образования, испытывавшие разрушительные последствия радикализации и политизации всего академического уклада, современники с

¹²⁶ Шевырёв С.П. Указ. соч. С. 10.

¹²⁷ Там же. С. 497.

¹²⁸ Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, постиг я дух народный»: самосознание врача как просветителя русского государства (первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 47–82.

¹²⁹ Шевырёв С.П. Указ. соч. С. 37.

¹³⁰ Шевырёв С.П. Указ. соч. С. 470.

¹³¹ Плетнёв П.А. Первое двадцатипятилетие императорского Санкт-Петербургского университета: историческая записка, по определению университетского совета читанная ректором университета Петром Плетнёвым на публичном торжественном акте, 8 февраля 1844 г. СПб.: В тип. военно-учебных заведений, 1844.

ностальгией вспоминали о простоте и стройности системы управления николаевских времен, о плотной опеке правительства над профессорами, учеными и университетами в целом. В этой связи устав 1835 г. стал представляться олицетворением порядка и проявлением государственной заботы.

Это нашло отражение в опубликованных профессорских воспоминаниях и подготовленных к юбилеям биографических очерках ученых¹³². Преподаватели, пришедшие в университеты после массовых увольнений своих учителей (1835–1837), в своих мемуарах развили тезис министра о «старых» и «новых» профессорах, о «старом» и «новом» университете в России¹³³. Их свидетельства уверили современников в том, что после возвращения из-за границы министерских стипендиатов открылась новая эпоха в российской интеллектуальной истории.

Для утверждения собственного профессионального превосходства мемуаристы широко использовали представление о «поколенческом разрыве». По контрасту со своими предшественниками, писавшими в письмах и дневниках о корпоративных конфликтах, откровенно рассказывавшими о проблемах обучения студентов и критично оценивавшими свой научный уровень, уваровские профессора ценили себя высоко, противопоставляли свой уровень учителям и отсталым коллегам, демонстрировали элитную солидарность. Многие такие воспоминания объединяла мысль о том, что их поколение обеспечило расцвет русской науки и русского образования. Подписчики толстых журналов конца столетия (которые читали ярко и интересно написанные воспоминания и не ведали о пылящихся в архивах свидетельствах стагнации университетской деятельности) верили старым профессорам. Так же верят им и современные исследователи, приводя отдельные цитаты из мемуаров в доказательство далеко идущих выводов¹³⁴.

Созданные во второй половине XIX и начале XX в. исторические нарративы образовали два связанных, но все же разных дискурса о российском университете: культурный и государственный. Исследователи локальных университетов рассказывали в своих историях о культурно-просветительской миссии местных профессоров и особенностях их взаимодействия с местной культурной средой. А исследователи правительственной политики подменяли рассказ о жизни университетов рассказом о действиях власти, направленных на ее улучшение.

Интересно, что, создавая рассказ о корпоративном прошлом, историки провинциальных университетов не смогли выйти за пределы александровского времени. Все их нарративы обрывались на начале 1830-х годов, указывая тем самым на историческую цезуру. Похоже, исследователи утонули в пересказе деталей университетского строительства, зафиксированных в протоколах советов, правлений и училищных комитетов. Зато обширные истории Н.Н. Булича, Д.И. Багалея, Н.П. Загоскина сделали первую четверть XIX в. частью цивилизованной истории российских университетов¹³⁵ и тем самым удревнили ее на треть века. Характерной особенностью реабилитированного отрезка прошлого стал не хаос (как утверждал С.С. Уваров), а зву-

¹³² Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 г. по день столетнего юбилея, января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку. М.: Университетская тип., 1855.

¹³³ См. статью Т.В. Костиной «Профессора “старые” и “новые”: антиколлегияльная реформа С.С. Уварова» в этом сборнике.

¹³⁴ Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 г. М.: Моск. гос. ун-т, 2002. С. 16.

¹³⁵ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета: 1805–1819: рассказы по архивным документам: в 2 ч. Казань: Тип. имп. Казан. ун-та, 1887–1891; Багалея Д.И. Указ. соч. С. 5. Библиографические сведения о вышедшей тогда литературе можно найти в: История Харьковского университета: сист. библиогр. указ.: 1805–1917. Ч. 1. Вып. 1 / сост. М.Г. Швалб, М.М. Красиков, С.Б. Глибицкая. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: [б. и.], 2004; Загоскин Н.П. Указ. соч. Остальные 75 лет Загоскин обещал описать в следующих томах, которые предполагал подготовить к 1914 г. – юбилею полного открытия Казанского университета, но этого уже не произошло.

чащее со страниц университетского делопроизводства культурное мессианство призванных в Россию профессоров и их русских коллег.

Большой нарратив университетской истории создали не историки университетов¹³⁶, а исследователи правительственной политики. Гомогенизировать столетнее и даже стопятидесятилетнее прошлое без цезур им позволили фонды министерского архива. Из хранящихся в нем проектов реформ и политических записок, направленных на распространение российского образования, исследователи построили линию прогресса и модернизации.

Профессор Петербургского университета и будущий академик М.И. Сухомлинов показывал ее наличие посредством растущей статистики школ в империи («учреждение университетов открыло путь для развития народной образованности и дало верный залог для ее безостановочного движения»¹³⁷) и цепочки биографических очерков, сменяющих друг друга министров и попечителей («деятельность Разумовского как министра народного просвещения была как бы продолжением того, что начато его непосредственным предшественником Завадовским»¹³⁸). Благодаря этому историку удалось преодолеть разрыв в последовательности просветительских усилий российской власти XVIII и XIX вв.¹³⁹

Единственная цезура университетской истории, которую он зафиксировал, приходится на 1815–1825 гг. Исследователь считал это время остановкой в целенаправленных усилиях просвещенной власти, вызванной системным сбоем – реакцией и мистицизмом, охватившими общество. В его версии прошлого именно общество, а не правительство страдало этими болезнями и противодействовало развитию университетов. Сухомлинов даже сделал на заседании Академии наук специальный доклад, посвященный заслугам Александра I в деле образования России.

После открытия в 1870-е годы государственных архивов для частных исследователей версия Сухомлинова была развита и обоснована в публикациях В.В. Григорьева, П.И. Ферлюдина («погром двадцатых годов»¹⁴⁰) и Е.М. Феоктистова¹⁴¹. Ферлюдин удревнил историю высшего образования до времен Древней Руси, а университетскую историю расчленил уставами на пять периодов: 1755–1804, 1804–1835, 1835–1863, 1863–1884; 1884 – по время написания работы.

Еще больший вклад в гомогенизацию университетского прошлого внес петербургский историк, ученик и ближайший коллега авторитетного С.Ф. Платонова – С.В. Рождественский¹⁴². Историю российского просвещения он поделил на эпохи, в третью из которых были созданы университеты¹⁴³. Ограниченность архивом министерства, а также примененная к его

¹³⁶ *Григорьев В.В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: историческая записка, составленная по поручению совета университета. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1870; *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета: историческая записка экстраординарного профессора А.И. Маркевича и академические списки. Одесса: Экон. тип., 1890; *Владимирский-Буданов М.Ф.* История императорского Университета Св. Владимира: по поручению совета университета Св. Владимира составил ордин. проф. М.Ф. Владимирский-Буданов. Т. 1. Университет Св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. Киев: Тип. имп. ун-та Св. Владимира, 1884.

¹³⁷ *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. 128. № 10. Отд. 2. С. 9.

¹³⁸ Там же. С. 34.

¹³⁹ *Сухомлинов М.И.* Речь на торжественном собрании императорской Академии наук по случаю столетнего юбилея Александра I // Сборник отделения русского языка и словесности императорской АН. Т. 18. СПб.: Тип. имп. АН, 1877. С. 43.

¹⁴⁰ *Ферлюдин П.И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов: Типо-лит. П.С. Феокритова, 1893. С. 88.

¹⁴¹ *Феоктистов Е.М.* Магницкий: материалы для истории просвещения в России. СПб.: В тип. Кесневиля, 1875.

¹⁴² *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: Мин-во нар. проsv., 1902; *Он же.* Значение Комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVII–XIX веках // Описание дел архива Министерства народного просвещения. Т. 1. Пг.: Типография К.Н. Губинского, 1917. О биографии историка см.: *Груздева Е.Н.* Петербургский историк Сергей Васильевич Рождественский. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.

¹⁴³ *Рождественский С.В.* Предисловие // Рождественский С.В. Исторический обзор... С. 8.

содержанию методика анализа позволили исследователю создать из весьма разных университетов Российской империи единое образовательное пространство и типизированный «русский университет». Его труд был частью общей истории ведомств, затеянной к 100-летию введения министерской системы в России¹⁴⁴.

Как правило, правящая власть высоко ценила усилия университетских исследователей, направленные на укрепление ее культурного имиджа и исторических заслуг. Их труды получали признание, а авторы – чины и награды. К создателям таких нарративов сановники обращались с просьбой выступить с юбилейной речью или написать юбилейный трактат¹⁴⁵. В подобных салютациях ученые оставляли за кормой свои исследовательские сомнения, забывали о разрывах в истории, остановках в развитии, о разнообразии объектов изучения. Московский университет и его гимназия, уверял С.В. Рождественский, «положили начало прочной, непрерывной традиции высшего и среднего образования в России»¹⁴⁶. Вдохновенно и искренне многие (хотя и не все, конечно) дореволюционные профессора-историки слагали оды просветителям России. В юбилейном альянсе университета и государства рождались эпос просвещенного правительства и картина университетского прошлого как истории развития абстрактного духа науки.

Вместе с тем параллельно с ведомственными нарративами (региональными университетскими или министерскими) с конца XIX в. стали появляться иные варианты корпоративной истории – иллюстрирующие эволюцию системы через развитие студенческого движения¹⁴⁷ или созревание профессиональной, профессорской среды. В их центре оказывались также просветительские аспекты университетской жизни или долгий путь к самоорганизации. Правительство же выступало скорее как тормозящая или препятствующая сила. Важный и актуальный еще до революционного взрыва 1905 г. лозунг «университетская автономия» был спроецирован на прошлое российской школы, в том числе на довольно отдаленные десятилетия¹⁴⁸.

Отметим, что авторами этих трудов были, как правило, публицисты или представители нестатусных университетских групп. На примере научных биографий Рождественского и Багаляева видно, как специализация на истории образования или прошлом своего университета органично включилась в круг приоритетных изысканий «цеховых» историков (и перестала быть почетной обязанностью, возложенной на того или иного талантливого профессора вроде словесника С.П. Шевырёва или ориенталиста В.В. Григорьева).

Наконец, в начале XX в. история университета стала включаться в состав общей истории культурного развития страны или эволюции науки и естествознания (в качестве характерных примеров могут рассматриваться «Очерки истории русской культуры» П.Н. Милюкова и дореволюционные труды В.И. Вернадского).

¹⁴⁴ См. подробнее об этой историко-административной практике: *Раскин Д.И.* Столетие министерств в контексте государственных юбилеев в Российской империи начала XX века [Электронный ресурс] // Новейшая история отечества XX–XXI веков: сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 79–91. URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/10087/07.pdf> (дата обращения 25.10.2012).

¹⁴⁵ См. новейшие метаморфозы жанра: *Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России* / под ред. В.П. Козлова, Д.И. Раскина. М.: РОССПЭН, 2007.

¹⁴⁶ *Рождественский С.В.* Предисловие // Рождественский С.В. Исторический обзор... С. 7.

¹⁴⁷ *Мельгунов С.П.* Студенческие организации 80-90-х годов в Московском университете: (по архивным данным). М.: Свободная Россия, 1908; *Выдрин Р.* Основные моменты студенческого движения в России. М.: Студенческий голос, 1908 и др.

¹⁴⁸ *Соловьёв И.М.* Русские университеты в их уставах и воспоминаниях. Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. СПб.: Энергия, 1914 (профессор Соловьёв был специалистом по педагогике и всеобщему обучению, сам труд был подготовлен в учебном отделе Общества по распространению технических знаний); *Сватиков С.Г.* Русские университеты и их историческая библиография. М.: тип. «Научное дело», 1915; *Он же.* Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2.

Запрет и восстановление преемственности

Сокрушительный удар по прежним образам и стратегиям университетских самоописаний нанесли идеологические кампании советской власти (внедрение нового устава 1921–1922 гг. и фактическая ликвидация университетов в 1930–1932 гг.). Их разрушительное воздействие усилили идеологические проработки 1930-х и особенно конца 1940-х годов. В результате императорский университет с его ценностями самоуправления и свободы мысли был замещен советской «фабрикой знаний» высшего разряда¹⁴⁹. На эту перемену работало и общее расширение сети и контингента университетов. К тому же, вопреки заветам Вильгельма фон Гумбольдта, научные исследования в советских университетах были отделены от обучения и сосредоточены или в отраслевых институтах, или в учреждениях Академии наук.

Все это, разумеется, прямо и непосредственно отразилось на практиках университетского самоописания. На самый сложный для российской науки (в том числе университетской) 1919 год, связанный с недоеданием и гибелью ученых, дефицитом ресурсов, гражданским кровопролитием, пришелся столетний юбилей Санкт-Петербургского университета, подготовка к которому началась еще в годы Первой мировой войны. Усилиями С.В. Рождественского и при содействии местных органов Наркомпроса был издан обширный том материалов по ранней истории университета (всего лишь один из десятка запланированных). Но сразу же в весьма жесткой рецензии на него историк революционного движения и один из лидеров «левой профессуры» М.К. Лемке предрек, что в случае реализации всего проекта «мы будем иметь удовольствие видеть исчезновение массы бумаги ради очень и очень небольшого числа специалистов по истории высшего образования в России, кому они действительно могут быть нужны»¹⁵⁰.

Лемке был настроен весьма критически к старой профессуре и прежним университетским порядкам (особенно на историческом отделении, куда он попросту не был в свое время допущен коллегами). Но так мыслил не только он, это было духом времени. После 1920 г. на Украине университеты были попросту ликвидированы и реорганизованы в институты народного образования. На страницах тогдашней печати этот факт рисовался как исключительно прогрессивный и необходимый: «Если бы революционное движение на Западе в своих школьных преобразованиях резко разбило – раскололо – университет, то мы могли бы с уверенностью сказать, что перед нами революционная борьба, аналогичная нашей, с аналогичным же успехом. Но тот факт, что соглашательские социал-демократы в период, когда они *могли* это сделать, но не тронули университета, является своего рода показателем всего *темпа* революции на Западе (курсив наш. – *Е.В., А.Д.*). И обратно: то обстоятельство, что как раз на университет мы направили свой основной удар, лучше всего свидетельствует о том, что этот удар мы делали в темп нашей коммунистической революции»¹⁵¹.

Главной формой противоположной тенденции – легитимации университетской традиции – с середины 1920-х годов стала отсылка к революционному студенческому движению¹⁵²

¹⁴⁹ Александров Д.А. Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / под ред. Э.И. Колчинского, М. Хайнеманна. СПб.: Наука, 2002. С. 152–165.

¹⁵⁰ Лемке М.К. Рец. на: Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности, 1819–1919: материалы по истории Санкт-Петербургского университета / собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев; под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. Т. 1. 1819–1835 // Печать и революция. 1921. Кн. 8–9. С. 62.

¹⁵¹ М. А. От гимназии – к профшколе, от университета – к техникуму и институту // Путь просвещения. [Харьков]. 1924. № 10 (20). С. 59. См. также апелляцию к немецкому и американскому опыту для украинской реорганизации: Готалов-Готлиб А.Г. Кризис университета и вопрос о подготовке учительства // Путь просвещения. 1923. № 2. С. 37–61.

¹⁵² Орлов В.И. Студенческое движение в Московском университете в XIX столетии. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934 (именно материалами о нагайках, демонстрациях, тюрьмах и репрессиях буквально переполнены материалы о прошлом университета на страницах студенческой периодики 1920-х годов, притом что о науке и

и к заслугам прогрессивной профессуры. По мере приближения к рубежу 1917 г. эти профессора представлялись оппозиционной и страдающей группой, третируемой либералами и националистами. Данная стратегия перепрофилирования традиции легла в основу появившейся в 1930-м г. обширной истории Казанского университета (двухтомного труда молодого историка М.К. Корбута, через несколько лет после этого репрессированного¹⁵³).

Переосмыслению подверглось ключевое для прежнего университета (как профессоров, так и студентов) понятие «автономия». В брошюре ректора университета в 1922–1925 гг. филолога Н.С. Державина (которого ранее считали приверженцем правых, почти черносотенных взглядов), выпущенной к шестой годовщине Октября, отмечалась эта «диалектика»: «Либеральный, прогрессивный и революционный лозунг в прошлом – борьба за “автономию” школы сейчас, в новых исторических условиях нашей жизни и нашего общественно-политического и культурно-государственного строительства есть лозунг не только реакционный, но несомненно и контрреволюционный, искусно используемый в стенах высшей школы буржуазией в своих интересах»¹⁵⁴.

Подчеркивание автономии университета от царского правительства и имперской власти, необходимости свободы для развития просвещения и науки (в духе милюковской традиции)¹⁵⁵ определяло подход к университетскому прошлому среди российских эмигрантов первой волны, широко отмечавших 175-летие, а потом и 200-летний юбилей МГУ в 1930 и 1955 гг.¹⁵⁶

Юбилей МГУ 1930 г. в Советской России показательно совпал с самым яростным наступлением функционеров различных ведомств и идеологического актива на университет как таковой. Зеленый свет им был дан в постановлении ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов». Университет виделся рудиментом феодальных времен и представал на страницах печати и в руководящих документах в виде хаотического конгломерата различных факультетов и отделений, который должен быть реорганизован с учетом курса на всемерную индустриализацию и выполнение актуальных хозяйственных задач. Для этого его предстояло разделить на специализированные, преимущественно технические, и практически ориентированные институты. В качестве примера упоминались исторические уроки прежних атак на университеты («не случайным эпизодом Великой французской революции явился декрет 1792 г., закрывший все 22 университета Франции как учреждения реакционные и по своему содержанию и по методам преподавания»¹⁵⁷) и позитивно оцененный украинский опыт, который следовало повторить и в РСФСР

о собственно обучении сказано крайне скудно).

¹⁵³ Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1930; *Блюмштейн З.Н., Корбут М.К.* Празднование 125-летнего юбилея Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина // Ученые записки Казанского университета. 1930. Кн. 5. С. 768–778. О М.К. Корбута см: *Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А.* Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксавьевич Корбут (1899–1937). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009.

¹⁵⁴ *Державин Н.С.* Высшая школа и революция. М.; Пг.: Прибой, 1923. С. 38–39.

¹⁵⁵ *Кизеветтер А.А.* Московский университет и его традиции // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М.: К.Ф. Некрасов, 1915. С. 319–338; *Он же.* Московский университет и его традиции: (роль Московского университета в культурной жизни России). Прага, 1927.

¹⁵⁶ Московский университет: 1755–1930: юбилейный сборник: издание Парижского и Пражского комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета / под ред. В.Б. Елешевского, А.А. Кизеветтера, М.М. Новикова. Париж: Современные записки, 1930. Сборник был подготовлен парижским Обществом бывших воспитанников императорского Московского университета и Комитетом, организованным при Русском народном университете в Праге. См. также: Двухсотлетие Московского университета, 1755–1955: празднование в Америке. N.Y.: All Slavic Publ. House, 1956. Общий обзор: *Копонова М.М.* Традиции Московского университета: взгляд из русского зарубежья // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 161–165. Небольшой сборник был подготовлен к 100-летию Киевского университета: *Столетие Киевского университета* Св. Владимира: 1834–1934. Белград: Изд-во Комитета киевских профессоров в Любляне, 1935.

¹⁵⁷ *Бровман Г.[А.], Поповкин Е.[Е.]* Университет ждет своей революции // Революция и культура. 1929. № 21. С. 17 (прим. 2), 22. Эти два тогдашних студента 1907 г. рождения уже после, в 1950–1960-е годы, станут известными литературно-идео-

для борьбы с «порождением седой старины». С тем, что срок жизни «175-летнего старца» почти истек, соглашался и тогдашний ректор МГУ экономист И.Д. Удальцов¹⁵⁸.

После постановления ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» волна реорганизаций пошла на спад, и уже к середине 1930-х годов университеты были признаны ведущими центрами фундаментальной подготовки специалистов. Юбилеи Московского университета и недавно восстановленных в УССР Харьковского и Киевского университетов были отмечены в 1935 г. в центральной печати¹⁵⁹. Тогда везде стала подчеркиваться преимущество широкой научной – а не только общественной – традиции с наследием XIX в. (по шаблону отраслевых историографий вроде *изучения химии/геологии/славяноведения etc. в N-ском университете* за соответствующее число юбилейных лет), и тон этих дисциплинарных описаний был гораздо более взвешенным и объективным, чем в общих трудах по истории университетов¹⁶⁰.

Теперь острое классового подхода было направлено в иную сторону – не на разрушение прежних канонов, а на пропаганду важности нового, советского наследия, которое только и позволило реализоваться сполна давним университетским идеалам и начинаниям. Характерный текст напечатал к юбилею Ленинградского университета биолог А.В. Немиллов: «За 21 год Великого Октября на месте бывшего Санкт-Петербургского университета, в конце концов совсем оторвавшегося от жизни и не знавшего, кого и для чего он готовит, вырос мощный научный комбинат, крепко связанный с массами и пустивший корни в разные направления... То ценное зерно, которое заключалось в самой основе построения университета, не могло себе найти подходящей почвы в дореволюционное время. Только при советской власти основная установка университета и могла быть реализована как следует. Хлынувшая в университет масса рабочих и колхозников нутром почувствовала ценную сущность университетского образования и помогла этой идее созреть и вылиться в тот социалистический Ленинградский университет, который мы имеем в настоящее время»¹⁶¹.

Таким образом, во второй половине 1930-х годов сформировалось намерение советских идеологов легитимировать за счет современных достижений и успехов университетское прошлое в целом. Накануне войны вышел юбилейный сдвоенный том «Ученых записок МГУ»¹⁶². Только вместо прежних солидных изданий «к датам», подобных тем, которые обычно профессора-историки готовили в конце XIX в., перед читателем были очерки, в которых история предстала деперсонализированной чередой классовых боев в рамках университета. И это кардинально отличало новую историю от прежних рассказов о жизни корпораций, воплощенных в биографиях профессоров и развитии учреждений.

логическими функционерами (особенно активно будет полемизировать с «Новым миром» А.Т. Твардовского, публикациями В.Я. Лакшина и А.И. Солженицына Г.А. Бровман).

¹⁵⁸ Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932) // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы) / под ред. А.Н. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 537–540.

¹⁵⁹ Фронт науки и техники. 1935. № 9. С. 27–69. Под общей рубрикой «Борьба за кадры» материалы П. Валескална «Государственные университеты», Л. Ганжинцева «Московский университет и веки его развития», статьи ректора М. Кушнарева и профессора Б. Якубского о Киевском университете и т. д.

¹⁶⁰ Даже идеологический рубеж 1953–1956 гг. был в этом жанре не так заметен; ср., например: *Наметкин С.С.* Химия в Московском университете за 185 лет // Успехи химии. 1940. Т. 9. Вып. 6. С. 703–726; *Александров П.С., Гнеденко Б.В., Степанов В.В.* Математика в Московском университете в XX веке // Историко-математические исследования. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 9–42; *Цетлин Л.С.* Из истории научной мысли в России: (наука и ученые в Московском университете во второй половине XIX века). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

¹⁶¹ Немиллов А.В. 120 лет Ленинградского государственного университета // Советская наука. 1939. № 2. С. 172.

¹⁶² Аналогичные юбилейные тома «Ученых записок» подготовили в 1940 г. также биологи, физики, географы, геологи (с почвоведом) и астрономы; см. сводный очерк: 185 лет Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1941.

Примечательно, что авторами юбилейных очерков, особенно касающихся политически острых периодов университетской истории – цезур, были аспиранты, ассистенты, а то и коллективная бригада студентов (в которую входили, в частности, будущие известные историки М.Я. Гефтер и Б.Г. Тартаковский)¹⁶³. С середины 1930-х годов у нового жанра университетских исследований появилась еще одна особенность: на общем фоне весьма политизированного и обезличенного повествования были выделены биографии политически выдержанных профессоров – К.А. Тимирязева, Н.Я. Марра, И.П. Павлова, которые с тех пор становятся своего рода иконами и одновременно олицетворением «славного прошлого». В дни празднования некруглого юбилея, в мае 1940 г., Московскому университету, удостоенному в честь этого события ордена Ленина, было присвоено имя М.В. Ломоносова (с октября 1932 г. по сентябрь 1937 г. университет носил имя историка-большевика М.Н. Покровского). Позднее к этому сонму университетских святых добавятся Т.Н. Грановский, Д.И. Менделеев (несмотря на близость к идеям «реакционнейшего» Александра III) и уже после 1960-х годов В.И. Вернадский, которому перестают вменять в вину членство в кадетской партии и близость к Временному правительству.

В конце 1940-х годов возвеличивание «людей русской науки» и неумеренное подчеркивание русского приоритета во всех областях знания тоже, как ни парадоксально, содействовало реабилитации связи советского и дореволюционного (не императорского) университета. Сразу после окончания Великой Отечественной войны спрос на прошлое оказался невероятно высоким в Ленинградском университете, во главе которого тогда стоял амбициозный ректор А.А. Вознесенский. Именно там в юбилейном издании «ученых записок» появилась большая статья С.Н. Валка – выдающегося источниковеда, ученика А.С. Лаппо-Данилевского – о развитии исторической науки¹⁶⁴. В Ленинграде вышел отдельный том о советской истории вуза¹⁶⁵, начал работать первый в стране музей истории университета¹⁶⁶. Однако новые идеологические кампании эту реставрационную деятельность практически свели на нет (празднование 130-летия этого университета в контексте разворачивающегося «ленинградского дела» было, по сути, запрещено¹⁶⁷).

Очередная волна реабилитации прошлого и восстановления преимущества пришлась на середину 1950-х годов и проявилась в подготовке юбилея Московского университета. Тогда был издан весьма представительный двухтомный труд по истории ведущего вуза страны¹⁶⁸. Дореволюционное прошлое в нем перестало быть свидетельством чего-то архаично-буржуазного и обреченного на слом. Напротив, оно предстало залогом нового успешного *советского* развития, его необходимой предысторией. В конце 1950-х годов стали издаваться сборники с фрагментами воспоминаний об университетах (а не только о героической борьбе за завоевание «крепости буржуазной науки», как в 1920-1930-е годы¹⁶⁹). Особенно показательна эта сложная

¹⁶³ Ученые записки МГУ: Юбилейная серия. Вып. L–LI. История. М., 1940 (во второй половине 1930-х годов вышли издания по истории Воронежского, Саратовского и – наиболее подробное – Одесского университетов: Одесский университет за 75 лет (1865–1940) / под ред. К.П. Добролюбского. Одесса: Тип. Одес. ун-та, 1940).

¹⁶⁴ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1946 (см. републикацию: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 7–106).

¹⁶⁵ Ленинградский университет за советские годы (1917–1947): очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948.

¹⁶⁶ Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.

¹⁶⁷ Дружинин П.А. Филология и идеология: Ленинград, 1940-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 258–259.

¹⁶⁸ История Московского университета: в 2 т. / М.Н. Тихомиров (отв. ред.) и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. / подг. к печати Н.А. Пенчко. М., 1960–1963; см. сборник с характерным названием: Белявский М.Т., Сорокин В.В. Наш первый, наш Московский, наш Российский: памятные места старого здания Московского университета. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970.

¹⁶⁹ Московский университет в воспоминаниях современников / сост. и авт. примеч. Р.А. Ковнатор; под ред. П.А. Зай-

игра лояльностей советского и традиционного в случае университетов с большим прошлым в таких непростых регионах, как Западная Украина и Прибалтика. Для университетов Львова, Вильнюса и Тарту (как и университетов Чехословакии, Восточной Германии или Венгрии) это подразумевало обращение к архаическому или заведомо чужому наследию.

В годы оттепели и застоя появилось уже много работ по истории отдельных университетов (особенно Санкт-Петербургского/Ленинградского), сводные юбилейные труды по истории Киевского, Казанского, Тартуского, Томского, Ростовского и Пермского университетов¹⁷⁰. Но при этом даже свободные от явных сталинских штампов истории еще долго не мыслились как продолжение прежних дореволюционных сводов: с работами предшественников – С.П. Шевырёва, А.И. Маркевича, В.В. Григорьева – историки из МГУ, Одесского университета или ЛГУ обращались или критически, или сугубо инструментально.

Часто авторами работ об университетах, кроме историков-профессионалов, были бывшие ректоры (С.Е. Белозеров в Ростове) или создатели обобщающей сводной работы по университетскому образованию в СССР (бывший ректор МГУ физик А.С. Бутягин и его помощник филолог Ю.А. Салтанов)¹⁷¹. К тому времени такие университетские истории перестали восприниматься советской властью в качестве трудов, чреватых опасностью позитивной репрезентации чужого прошлого. После десятилетий чисток и «коммунизации» преподавательского корпуса с университетов было снято подозрение в оппозиционности. Они действительно стали лояльными господствующей системе, в отличие, например, от собратьев в Восточной Европе, где этот процесс растянулся почти до начала 1970-х годов¹⁷².

Университетские истории позднесоветского времени были вполне интегрированной частью государственного дискурса прошлого, что обеспечивало им политико-административную поддержку и финансирование. В обстановке и атмосфере оттепели появились первые труды ныне признанных специалистов по истории университетской системы Российской империи – Г.И. Щетининой, Р.Г. Эймонтовой и А.Е. Иванова. Показательно, что все они были сотрудниками *академических* институций. Тогдашняя смелость их публикаций заключалась в реанимации идеала университетской автономии в духе С.Г. Сватикова или А.А. Кизеветтера, идеала, который в раннесоветский и сталинский периоды был объявлен достоянием прошлого и рассуждения о котором расценивались как акт политический.

Во всяком случае к концу 1980-х годов, т. е. еще в рамках советской идеологии, канон и возможный спектр легитимной и публично признанной университетской памяти был существенно расширен по сравнению с нигилистическим периодом 1930-х годов¹⁷³. Занятия про-

ончковского, А.Н. Соколова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956; ср. материалы рубрики «Как все начиналось» // Красное студенчество. 1928–1929. № 3–4. С. 26–40 (мемуары А.П. Пинкевича, Д.Н. Боголепова и особенно О.Б. Лепешинской – с характерным заголовком «Во вражеском стане» – о начале работы в МГУ в гражданскую войну).

¹⁷⁰ Наиболее полный свод таких работ представлен в исторических разделах библиографических указателей: *Днепров Э.Д.* Советская литература по истории школы и педагогике дореволюционной России: 1918–1977: библиогр. указ. М.: Акад. пед. наук. НИИ общ. педагогики, 1979; *Милкова В.И.* Высшее образование в СССР и за рубежом: библиогр. указ. книга и журн. ст.: (1959–1969). М.: Высшая школа, 1972; Там же. 1970–1975. М.: Высшая школа, 1978; Там же. 1976–1980: в 2 ч. М.: Высшая школа, 1985; Университетское образование в СССР и за рубежом: библиогр. указ. рус. и иностр. литературы: вып. 1–3. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966–1981. Вып. 1...за 1950–1960 гг. 1966; Вып. 2...за 1961–1967 гг. 1974; Вып. 3... за 1973–1977 гг. 1981; Университетское образование в СССР и за рубежом: указ. литер. на рус. яз.: 1978–1985. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987; *Латтева Л.П.* История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе // Российские университеты в XVIII – начале XX века. Вып. 5. С. 3–27, и др.

¹⁷¹ *Белозеров С.Е.* Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1959 (Белозеров был ректором университета в 1938–1954 гг); *Бутягин А.С., Салтанов Ю.А.* Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.

¹⁷² *Connolly J.* Captive University: The Sovietization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000; *Academia in Upheaval: Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe* / M. David-Fox and G. Pйteri (eds). Westport, Conn.: Bergin & Garvey, 2000.

¹⁷³ См. общие соображения: *Вишленкова Е.[А.], Малышева С.[Ю.], Сальникова А.[А.]* История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 289–307; *Вишленкова Е.А.* Память об университетских конфликтах и конфликты университетских памятей // *Cogito: альманах истории идей*. Вып. 3. Ростов н/Д.: Логос, 2008. С. 114–129.

шлым университета, собиранием в том числе и неофициальной культурной памяти стало делом немногих энтузиастов, из которых отдельного упоминания заслуживает Виктор Дмитриевич Дувакин (1909–1982), пионерские занятия которого устной историей конца 1960-х годов стали возможны благодаря покровительству тогдашнего ректора МГУ И.Г. Петровского¹⁷⁴. А к моменту перестройки апелляция к дореволюционному прошлому была четко артикулирована и апроприирована на символическом уровне – как важный ресурс самолегитимации и средство защиты от слишком радикального идеологического вмешательства.

В новых рыночных условиях этот ресурс был заново освоен и перепрограммирован для успеха иных практик самоутверждения *прежней* университетской элиты. Ведь, как известно, в России не произошло тех радикальных изменений в университетской среде (и управленческом корпусе университетов), которые оказались характерны для вузов Восточной Европы, и особенно ГДР¹⁷⁵.

Политическая прагматика традиции

Стоит напомнить, что к концу 1980-х годов сильно изменилась и расширилась география отечественного университетского строительства. В сакраментальном 1913 г. в России работало девять университетов (Москва, Санкт-Петербург, Киев, Казань, Харьков, Юрьев [Дерпт, Тарту], Одесса, Томск, Саратов), в феврале 1917-го – одиннадцать, а на момент распада СССР – 70. В 1950-1970-е годы многие территориально-административные области и особенно республики (союзные, а затем и автономные) обзавелись *своими* университетами ради повышения государственного статуса. Впрочем, это обзаведение университетами не было системным и оказывалось успешным только при наличии лоббистских ресурсов у местной власти.

С началом перестройки стала возможной самоорганизация университетских сообществ и их горизонтальная интеграция. Правда, над солидарным духом автономных университетов довольно скоро возобладали амбиции их управленческих звеньев. В марте 1989 г. при весьма благожелательном отношении тогдашнего руководителя союзного Госкомитета по образованию, бывшего ректора Московского химико-технологического института (МХТИ) Г.А. Ягодина была создана Ассоциация университетов СССР, с 1992 г. переименованная в Евразийскую. В конце ноября 1992 г. возникло профессиональное объединение университетских администраторов, Российский союз ректоров. И Евразийскую ассоциацию, и союз ректоров возглавил бессменный руководитель МГУ В.А. Садовничий¹⁷⁶.

Весьма консервативные по своей сути, эти объединения довольно успешно работали в 1990-2000-е годы в административном сегменте образовательного рынка, тормозя или корректируя (в том числе через профильные комитеты парламента) те инициативы правительства, Госкомитета по высшей школе или Министерства образования Российской Федерации, которые были для ректорского корпуса сомнительны или попросту невыгодны¹⁷⁷.

Получив право говорить от лица коллективного «мы» и управлять посредством выстраивания иерархий, Ассоциация и Союз провозгласили наличие в российском образователь-

¹⁷⁴ Споров Д. Живая речь ушедшей эпохи: собрание Виктора Дувакина // Новое литературное обозрение. 2005. № 4. С. 454–472.

¹⁷⁵ См. материалы обзора: Агеенко Е.В. Реформы системы образования в новых землях ФРГ // Проблемы зарубежной высшей школы. Вып. 3. М.: НИИВО, 1994; Майер Х. Научный потенциал ГДР и формирование новой элиты // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 41–55; Плюшин Ю.М. Российско-германская конференция «Реформирование науки и высшей школы в России и Восточной Германии: сопоставление» (обзор) // Науковедение. 1999. № 3. С. 230–232.

¹⁷⁶ См. официальный сайт Евразийской ассоциации университетов. URL: <http://www.eau-msu.ru/> (дата обращения 26.10.2012). Сайт Российского союза ректоров. URL: <http://www.rsr-online.ru/index.php> (дата обращения 26.10.2012); первым его руководителем был ректор Института нефти и газа им. И.М. Губкина В.Н. Виноградов.

¹⁷⁷ См. итоги исследования настроений ректорского корпуса в 1990-е годы в статье: Овсянников А.А. Система образования в России и образование России // Мир России. 1999. № 4. С. 105–109.

ном пространстве заповедной зоны – «классические университеты». Записанные в нее школы претендовали на высшие позиции и обосновывали свои претензии историческим вкладом в создание национальной университетской традиции. На практике и на фоне стремительного процесса университетизации технических, педагогических и прочих вузов *классическими* стали считаться или именоваться госуниверситеты советского времени¹⁷⁸. К ним удалось присоединиться только нескольким университетам из региональных центров, выросшим на базе педагогических институтов.

Созданная в начале 2000-х годов Ассоциация классических университетов России (АКУР) объединила 24 университета, а весной 2010 г. в нее входило уже 43 университета, «соответствующих критериям классического»¹⁷⁹. Описание этих критериев, присутствующее на сайте АКУР, хотя и начинается со *срока деятельности* вуза в этом статусе, состоит из формальных числовых показателей (наличия в вузе программ подготовки магистров, бакалавров или специалистов не ниже установленной нормы от всего спектра потенциальных дисциплин).

Несмотря на семантическую размытость понятия «классический университет» (или благодаря ей), под давлением разнообразных лоббистских структур идея *классического университетского* образования стала механизмом распределения власти и ресурсов на внегосударственном уровне. Это осуществлялось через структуры внутри Евразийской ассоциации университетов и особенно через такую специфическую и непубличную сферу, как методическая работа: утверждение программ, аккредитация, придание грифа учебной литературе и т. д.

В середине 1990-х годов за особый вклад в национальную университетскую традицию (а на самом деле за политическую поддержку весьма слабой тогда правящей власти) ряд самых старых университетов страны были включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, что гарантировало им привилегированное государственное финансирование.

Система приоритета старых университетов в определении рамок и параметров учебного процесса стала складываться в России в перестроечные годы. Она была закреплена Комитетом по высшей школе Министерства науки России от 6 мая 1992 г. (постановление № 141 «О создании научно-методических советов Комитета по высшей школе Миннауки России»), а в июне 2001 г. эта привилегия была вновь подтверждена Министерством образования.

Несмотря на разнесенность научно-методических советов по разным (преимущественно «классическим») университетам, для профиля гуманитарных и общественных дисциплин важнейшую роль все 2000-е годы играло Учебно-методическое объединение (УМО) по классическому университетскому образованию (ранее – Учебно-методическое объединение университетов СССР), созданное на базе Московского государственного университета еще в 1987 г.¹⁸⁰ Ректор негосударственной Алтайской академии экономики и права Л.В. Тен заметил, что «сами участники рыночных отношений – государственные вузы – [оказываются] наделены не свойственными им функциями государства. Без решения УМО и Совета ректоров невозможно открытие новых специальностей и направлений, их аттестация и аккредитация. Особо привилегированное положение в такой системе занимают классические университеты, без согласия которых невозможно открытие в других вузах имеющихся у них специальностей и направлений»¹⁸¹. В самом деле, негосударственные вузы или созданные в 1990-е учебные заведения оказались объектами решений ректоров «старейших» университетов.

¹⁷⁸ Алексеева Л.П., Шаблыгина Н.С. Процессы университетизации вузов России и некоторые подходы к оценке их деятельности. М.: НИИВО, 1999.

¹⁷⁹ См. официальный сайт Ассоциации классических университетов. URL: <http://www.acur.msu.ru/> (дата обращения 26.10.2012).

¹⁸⁰ См. материалы на сайте Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. URL: <http://www.umo.msu.ru/> (дата обращения 26.10.2012).

¹⁸¹ Тен Л.В. Рынок и управление высшей школой в современный период // Совет ректоров. 2007. № 1. С. 105.

Уже упомянутая Ассоциация классических университетов России во главе с В.А. Садовничим выделилась из Евразийской ассоциации университетов (стран СНГ) в июне 2001 г. Председатель АКУР назвал четыре функции классического университета: производство знаний, их накопление и хранение, передача и распространение. Нетрудно заметить, что под столь расширительное толкование попадало любое учебное учреждение и даже семья. Отстаивая групповые интересы, ассоциация создавала дочерние организации – например, консалтинговые центры.

Впрочем, входящие в Ассоциацию ректоры пытались и самостоятельно определить границы, защищающие привилегии их университетов по праву прошлого, и в этом стремлении достигали большего, чем сама ассоциация. Например, ректор Томского университета Г.В. Майер уверял, что «основной задачей классического университета является подготовка и воспитание не только высококвалифицированной, но энциклопедически развитой творческой личности, способной к саморазвитию»¹⁸².

Сходные процессы шли в независимых государствах бывшего Советского союза. Еще 5 сентября 1996 г. кабинет министров Украины утвердил «Положение о государственном высшем учебном заведении» (постановление № 1074) и закрепил в нем особый статус *классического университета*¹⁸³. Под ним законотворцы подразумевали «многопрофильные высшие учебные заведения, готовящие специалистов по широкому спектру естественных, гуманитарных, технических и других направлений». Документ уверял, что в таком вузе «проводятся фундаментальные и прикладные научные исследования, ведется культурно-просветительская деятельность. В целом классический университет объединяет три вида общественно значимых социальных институтов: науки, образования и культуры»¹⁸⁴.

В Белоруссии флагманом университетской интеграции (а также агентом исторической политики) стал старейший столичный университет¹⁸⁵, особенно после того как авторитетный Европейский гуманитарный университет вынужден был под прямым давлением властей и вопреки протестам европейских ученых эмигрировать из Минска в Вильнюс.

В 2000-е годы с программами российских УМО по профилю классических работали университеты в Ереване, Душанбе, Бишкеке, а также в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии.

Заказы на традицию

Осознание того, что в новых политических условиях родословная может стать основанием для получения административных и финансовых льгот, побудило ректоров ряда университетов заказать исторические исследования и использовать их в качестве исторического обоснования права на привилегии. Эта установка на официальном сайте Саратовского государственного университета выражена так: «Мы с огромным уважением относимся к поискам наших коллег, но сохраняем при этом свое право на выбор модели управления. Наш университет – классический – требует особо бережного отношения»¹⁸⁶. Последнее замечание харак-

¹⁸² Майер Г.В., Бабанский М.Д. Классические университеты: современность и перспективы // Университетское управление. 2000. № 2 (13). С. 20–21.

¹⁸³ <http://zakon.nau.ua/rus/doc/?code=1074-96-%EF>. Оценку украинской ситуации см. в публикациях М.А. Минакова: Минаков М.А. Культурна альтернатива Университету // Український гуманітарний огляд. 2003. № 9. С. 13–25; *Vin же*. Дійсність Университету: між науковим універсалізмом та українським трайбалізмом // Университетська автономія. Київ: Дух і літера, 2008. А также материалы сборника: Покликання университету: зб. наук. пр. / відп. ред. О. Гомілко. Київ: Веселка, 2005.

¹⁸⁴ См. о российской классификации вузов: О видах высших образовательных учреждений / В.Д. Шадриков и др. // Высшее образование в России. 2000. № 3. С. 13–25.

¹⁸⁵ См. многочисленные материалы Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета. URL: <http://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=4631> (дата обращения 26.10.2012), в том числе сборник: Идея университета: парадоксы самоописания. Минск: БГУ, 2002, и др.

¹⁸⁶ «Наш университет – классический»: интервью с ректором СГУ, профессором Л.Ю. Коссовичем [Электронный

терно для ректора, само назначение и деятельность которого сопровождались громкими публичными скандалами и острым конфликтом между ректоратом и деканатом исторического факультета (при явном участии политических сил). Эта история середины 2000-х годов получила широкую огласку в прессе¹⁸⁷.

Итак, потребность в непрерывной истории, внимание к прошлому и традициям, сближающие позднеимперские и позднесоветские университетские юбилеи претерпели в постперестроечные годы примечательную трансформацию¹⁸⁸. Политическая актуальность и выгодность «длинной истории» способствовали утаиванию разрывов в университетском прошлом и игнорированию соответствующих тем. Так, казалось бы, доступ к архивам и практически отсутствие цензуры должны были в 1990-2000-е годы вызвать всплеск интереса к политическим репрессиям в советских университетах 1930-1940-х годов. Но он бы явно акцентировал разрыв между дореволюционным и советским периодами университетской жизни, продемонстрировал, насколько выдрессированной и этикетской стала «советская вузовская интеллигенция», а потому такой интерес не родился или не был поддержан.

Изредка попадающие на страницы историографических сочинений сюжеты о репрессиях и ограничениях сверху в привычном страдательном залоге только пресекают возможность социологически заостренной постановки вопроса о сращенности знания и власти в советское время, о симбиозе академической и политической элит¹⁸⁹. Чаще всего исторические факты политических гонений используются университетской администрацией как охранная грамота для сохранения статус-кво или «свободы рук» в делах внутриуниверситетских. Для сравнения ситуаций напомним, что после 1988 г. в Германии критическая дистанция по отношению к компромиссам с прошлым позволила переоценить немецкую традицию культуры и «чистого знания», показать ее зависимость от политической стратегии и конъюнктуры того или иного периода. Эта болезненная и явно неприятная процедура позволяет обрести иммунитет против повторения трагедий прошлого.

Весь арсенал новейшей критической интеллектуальной истории, истории повседневности, политической и социальной истории оказался неудобным для самолегитимирующих установок верхушки университетского корпуса и обслуживающих их историков. Интерес новейшей университетской историографии к подвижным иерархиям, неравенствам, поколенческим или академическим конфликтам¹⁹⁰ никак не отвечает желаниям простой, механической преемственности и представлениям об общей лояльности вузовской интеллигенции к политике властей предрержащих (в духе всегдашнего – что в 1890-е, что в 1950-е – «служения Отчизне»).

В результате в сегодняшних общих трудах по истории университетского образования XIX в. можно прочесть следующие рассуждения о национальном своеобразии отечественной высшей школы: «Подводя итог сказанному, подчеркнем еще раз основную особенность литературы, посвященной описанию истории отечественной высшей школы в начале XX в[ека].

ресурс] // Газета «Саратовская панорама». № 25. 19 апреля 2006 г. URL: <http://www.sgu.ru/smi/article51.php> (дата обращения 26.10.2012).

¹⁸⁷ *Михель Д.* Университетская интеллигенция и бюрократия: борьба за университетские свободы в постсоветской России // *Неприкосновенный запас*. 2007. № 1 (51).

¹⁸⁸ См. характерные работы: *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998; *Аврус А.И.* История российских университетов: очерки. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001.

¹⁸⁹ *Александров Д.* Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1993 / пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 617–632.

¹⁹⁰ См. материалы периодического издания: «*Jahrbuch für Universitätsgeschichte*». Особенно выделяются в этом смысле работы Кристофа Шарля, Виктора Каради (на которых решающим образом повлиял Пьер Бурдьё), Рюдигера фон Бруха (*Rüdiger vom Bruch*), Митчелла Эша (*Mitchell G. Ash*), усвоивших критические уроки Фрица Фишера, Джорджа Моссе и Фрица Рингера и др. См.: *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века / пер. с фр. под ред. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2005, и др.

Речь идет о недооценке духовной или политической составляющей этого важнейшего признака русской модели университета... Не секрет, что гигантский взлет российской науки и культуры стал возможным благодаря возникшей в начале [XIX] века системе императорских университетов, в стенах которых получали великолепную огранку лучшие умы России, прославившие свою страну в веках корифеи науки и искусства. И она, эта система, преодолевая пиковые спады, неуклонно развивалась, развивается и, надо полагать, будет развиваться в дальнейшем. Об этом свидетельствует активное личное участие президента России в разрешении судьбоносных проблем современной высшей школы.

На исходе XIX века особенно ярко оказались выражены именно те признаки отечественной высшей школы, которые выделили ее в мировом университетском сообществе. Посаженный рукой Ломоносова в обогащенную сильной протекционистской политикой, берущей начало от Петра Великого, почву саженец привился, окреп и принес богатые плоды... И если после еще более острых кризисов, пережитых высшей школой в XX столетии, она не только устояла, но и обеспечила дальнейший расцвет отечественной науки и культуры, значит, такой курс написан на ее роду, и другого не дано»¹⁹¹.

Конечно, подобные изоляционистские самоописания «русской модели университетов» представляют собой крайность в исторической литературе, но крайность допускаемую и даже поощряемую. Данный коллективный труд издан под грифом Федерального центра образовательного законодательства и посвящен VII Всероссийскому съезду ректоров.

О неудобстве ревизии университетских исследований

Условия развития университетских исследований в современной России таковы, что административный заказ и групповые интересы преподавателей-коллег служат жестким ограничением в разработке целого ряда тем и предохраняют университетские исследования в целом от методологической ревизии. Так, поскольку вопрос о кризисах и конфликтах не приветствуется потребителями и заказчиками историй, самыми «фундаментальными» работами по истории университетов раннесоветского времени остаются концептуально устаревшие труды Ш.Х. Чанбарисова и Ф.Ф. Королева¹⁹². И поскольку ревизия теоретических оснований и аналитического инструментария, выявление дискурсивной природы исторических источников и созданных на их основе нарративов ведет к утрате веры читателей в эпические сказания об Университете, она вызывает противодействие альянса университетских чиновников и ангажированных ими историков. И это понятно.

Действительно, аналитическая деконструкция обнажает рукотворный и изменчивый характер фетиша – «университетской традиции». Более того, в тех случаях, когда мы работаем не только с одним типом источников – правительственными распоряжениями и законодательными проектами, обнаруживается сосуществование в одном временном срезе нескольких несовпадающих традиций (например, одна – у студентов, другая – у профессоров, третья – у ректоров). К тому же далеко не все традиции письменно фиксировались и превращались в нормативный и дисциплинирующий свод. В университетском фольклоре и мемуарах можно обнаружить следы неписаных традиций, действовавших на уровне практик (банкет после защиты диссертации или уход студентов за могилами профессоров, например).

¹⁹¹ Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / под ред. Е.В. Олесеюка. М.: Союз, 2005. С. 184. См. также: Был ли «русский путь» развития университетов? / Олесеюк Е.В. и др. // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 145–158; Олесеюк Е.В., Гаврилов В.С., Динес В.А. Еще раз о национальных моделях образования и о новом прочтении исторических текстов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 6. С. 305–320.

¹⁹² Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы: (1917–1938 годы). Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1973; Королев Ф.Ф. Из истории народного образования в советской России: (низшие и средние профессиональные школы и высшее образование в 1917–1920 годы) // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 102. 1959. С. 3–157.

Университетские традиции имеют разные сроки жизни и периоды обновления. И можно сказать с уверенностью: нет единой и всеобщей университетской традиции, она всегда гетерогенна и образуется из совокупности разных традиций. Другое дело, что усилиями нескольких поколений университетских писателей и в XIX в., и в последующем создавался и затем несколько раз радикально переписывался Большой нарратив университетской традиции, своего рода эпос университетской жизни. Собственно, в данной статье мы прослеживали его создание, заложенные в него намерения, его бытование и модификации. Он вбирает в себя писанные и неписанные традиции и пытается создать из них единый, вневременной, самотождественный поток. Такой нарратив всегда изготавливается для определенных нужд – обретения самоидентичности, рекламы, пропаганды образования, мифологизации университета, извлечения политических и финансовых льгот, но затем он утрачивает эту условность и начинает претендовать на документальное отражение реальности.

Понятно, что такое толкование или опрощение святыни не должно нравиться ни верующим в нее, ни тем более «служителям культа». Для многих историков университетов гораздо проще, почетнее и безопаснее поставлять на книжный рынок нечитабельные юбилейные компиляции и биографические справочники университетских сотрудников со времен основания школы и до сегодняшнего ее руководителя¹⁹³, чем трогать те стороны прошлого, которые не вписываются в бесппроблемную картину поступательного неразрывного развития «нашего славного заведения».

В результате в российской историографии практически нет работ, посвященных университетам периода революций и гражданской войны¹⁹⁴. Очень редко появляются публикации о противоречиях и изменениях состава послевоенной вузовской интеллигенции. А если и появляются, то их авторы принадлежат скорее к цеху историков науки¹⁹⁵. У университетской истории России нет удовлетворительной хронологии, нет истории переходов, поворотных точек и трансформаций, нет проблематизации связи политической и университетской историй.

Для движения в этом направлении нужны комплексные источниковедческие исследования университетских архивов и «архивов идентичностей». Без них мы имеем дело, во-первых, с отсутствием исследований, посвященных анализу феномена университетской традиции в России; во-вторых, с разрывом концептуальной преемственности в обсуждении этой темы в разных дисциплинах и даже в рамках исторической науки; в-третьих, со спекулятивным мани-

¹⁹³ См. характерный пример: Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: очерк истории. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. В качестве образца ведомственных изданий см.: Очерки истории российского образования: к 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. / под ред. В.М. Филиппова. М.: МГУП, 2002.

¹⁹⁴ Из немногих исключений: *Литвин А.Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть: материалы международного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 124–132. См. также заключительную главу о культурных преобразованиях в монографии: *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России: (вторая половина 1918–1919 год). Новосибирск: Сибпринт, 2008; *Мухеенков Е.Г.* Вузовская интеллигенция города Томска в годы революции и Гражданской войны, февраль 1917 – конец 1919 г.: дис... канд. ист. наук. Томск, 2002; *Сизова А.Ю.* Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г.: дис... канд. ист. наук. М., 2007, и некоторые другие работы. Отметим важные публикации К.В. Иванова, А.Н. Еремеевой и Л.Г. Берляского об этом периоде в недавно вышедшем сборнике: *Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы)*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. В то время как на Украине, где этот период связывают с предысторией нынешней государственности, издана замечательно полная подборка документов о Киевском университете: *Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції: матеріали, документи, спогади*: у 3 кн. Кн. 1–2 / автори-упорядники: В.А. Короткий, В.І. Уляновський. Київ: Прайм, 2000.

¹⁹⁵ *Лейбович О.Л.* В городе М.: Очерки социальной повседневности советской провинции в 40-50-х годах. 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН, 2008. С. 178–214 (глава о судьбе историка Л.Е. Кертмана в послевоенной Перми); *Сизов С.Г.* Идеологические кампании 1947–1953 годов и вузовская интеллигенция Западной Сибири // *Вопросы истории*. 2004. № 7. С. 95–103; *Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века* / под ред. А.А. Касьяна. М.: Прогресс-Традиция, 2008 (на материалах г. Горького); *Берельковский И.В.* Власть и научно-педагогическая интеллигенция: идеологический диктат в СССР конца 1920-х – начала 1950-х годов: (по материалам Нижегородской губернии – Горьковской области). 2-е изд., доп. М.: МГТУ; Н. Новгород: НГПУ, 2007.

пулированием университетской историей со стороны одного из участников трансформационного процесса и с весьма слабым знанием генеалогии вопроса со стороны других игроков.

Для создания условий диалога экспертов и политических элит, для успешной реализации реформационных замыслов, а также для стимуляции отечественных исследований было бы полезным соединить усилия специалистов в области истории университетов, историков науки и социологии образования, чтобы достичь категориальных соглашений¹⁹⁶. Нам представляется возможным выработать согласованные языки и параметры описания феномена «российский университет» в исторической ретроспективе и в социологическом горизонте. Это позволит эффективнее диагностировать объект наших штудий и выявлять причины его современного состояния.

¹⁹⁶ О возникающих здесь ловушках и дилеммах см., в частности: *Пастухов В.Б.* Концепция «идеального университета» как разновидность русской национальной утопии // *Общественные науки и современность.* 2007. № 1. С. 26–30.

И.П. Кулакова

Протоколы конференции Московского университета как вариант самоописания¹⁹⁷

Объектами рассмотрения в данной статье являются так называемые протоколы (акты) университетской конференции (ученого совета) Московского университета за 1755–1786 гг. Это пятнадцать увесистых томов свидетельств из допожарной (до пожара 1812 г.) эпохи его истории. В дальнейшем я буду использовать условный термин «протоколы», хотя помимо материалов текущего делопроизводства в переплеты вшиты и иные виды документов. Собственно *протоколы* составляют только девять томов из пятнадцати. Остальные тома содержат ордера кураторов и директоров, рапорты университетских лиц, их прошения, а также копии документов из сенатского архива¹⁹⁸. Судя по содержанию этого собрания, в университетской канцелярии хранились так называемые протокольные бумаги – документы, которые конференция запрашивала из разных присутственных мест для принятия решений. Изредка среди этих текстов попадаются записки профессоров научно-методического характера¹⁹⁹. Присоединенная к протоколам заседаний профессоров переписка конференции и канцелярии обнаруживает конфликты их интересов. Как правило, она возникала в результате стремления чиновников контролировать академическую сферу и защитной реакции на это профессоров²⁰⁰.

В исследовательской литературе этот сложносоставной комплекс источников именуют «снегиревским собранием». Сейчас он хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и вот уже 150 лет репрезентирует начальную историю Московского университета²⁰¹. Иные известные

¹⁹⁷ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

¹⁹⁸ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. / подг. Н.А. Пенчко. Т. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. С. 17. См. также характеристику материалов университетского архива, данную Н.А. Пенчко: Там же. С. 16–19.

¹⁹⁹ Профессорская конференция вынуждена была заниматься в том числе и вопросами методики преподавания в гимназии. Так, здесь можно найти выписку из протокола конференции от 12 мая 1767 г., где подробно расписаны методы обучения иностранным языкам, в том числе латыни (грамматический разбор, диалоги, заучивание и пр.). См.: Там же. Т. 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. С. 40.

²⁰⁰ Например, запрос канцелярии в конференцию «по поводу господ Третьякова и Десницкого» (от 6 мая 1766 г.) и ответ конференции на запрос канцелярии (от 20 мая 1766 г.) см.: Там же. С. 251, 253.

²⁰¹ *Иванов А.Е.* Ученые степени и звания в дореволюционной России. М.: ИРИ РАН, 1994; *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М.: Медицина, 1996; *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христианское издательство, 1996; *Кузнецова Н.И.* Социокультурные проблемы формирования науки в России: (XVIII – середина XIX века). М.: УРСС, 1997; Университет для России. Т. 1. Взгляд на историю культуры XVIII столетия / под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 1997; *Пономарева Г.А., Щеглов П.В.* Об учебной астрономической обсерватории, построенной в 1804 г. на крыше центральной части корпуса Московского университета на Моховой улице // Историко-астрономические исследования. Т. 25. М.: Наука, 2000. С. 41–42; *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М.: Языки русской культуры, 2000; *Он же.* Лекции по истории Московского университета: 1755–1855. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001; *Куниц Е.В.* Иностранцы профессоры в штате Моск. университета в первой трети XIX века: дис... канд. ист. наук. М., 2002; *Костышин Д.Н.* Алексей Михайлович Аргамаков: материалы для биографии // Россия в XVIII столетии. М.: Языки славянской культуры, 2004; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета второй половины XVIII – первой четверти XIX века: дис... канд. ист. наук. М., 2006; *Сердюцкая О.В.* Московский университет второй половины XVIII века как государственное учреждение: преподавательская служба: дис... канд. ист. наук. Брянск, 2008; *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009; *Феофанов А.М.* Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М.: Изд-во Правосл. Св. – Тихоновского гум. ун-та, 2011; *Феофанов А.М.* Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII – первой половины XIX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История

исследователям источники играют в их текстах комплементарную роль по отношению к протоколам.

Можно предположить, что историографическая ситуация изменится после публикации материалов, собранных Д.Н. Костышиным (в сотрудничестве с Е.Е. Рычаловским) в российских и зарубежных архиво- и книгохранилищах (два тома этого проекта уже увидели свет²⁰²). Поскольку в 1960–1963 гг. протоколы конференции уже издавались исследователями Московского университета, публикаторы решили не включать их в свое обширное издание. Такое решение вполне объяснимо с коммерческой точки зрения: протокольная коллекция объемна и значительно удорожила бы предприятие²⁰³. Возможно, в этом решении есть и другой резон: издатели как бы противопоставляют истории Московского университета, версия которой зиждется на преимущественном изложении и цитировании протоколов, новую историю, которая может быть создана на основе анализа выявленных ими документов.

Гипотетическая возможность появления такого нарратива побудила меня задуматься над дискурсивной природой протоколов XVIII в.: над тем, каков был тогда механизм производства и фиксации высказываний, а также над тем, является ли зафиксированная в протоколах версия реальности согласованным корпоративным творчеством или это сумма непреднамеренных разрозненных свидетельств.

На такую постановку проблемы меня подвигли и наблюдения коллег, изучавших университетскую культуру России XIX в.²⁰⁴ Они выявили глубинную зависимость историографических версий от политики документирования и архивирования исследуемого времени, продемонстрировали разные формы участия создателей и хранителей делопроизводства в создании нарративов университетского прошлого²⁰⁵.

Научная судьба протоколов

История интерпретаций протоколов конференции XVIII в. прекрасно иллюстрирует перипетии развития и современное состояние университетских исследований в России. Впервые в качестве источника для большого нарратива университетского прошлого их использовал С.П. Шевырёв в 1855 г. Историк русского языка и литературы анализировал предоставленный ему профессором М.И. Снегиревым²⁰⁶ комплекс делопроизводственных документов как литературный памятник, который пересказал близко к тексту, оживляя рассказ о славном прошлом просветительского учреждения голосами «старых» профессоров. Поскольку цитаты в «Истории» Шевырёва были объемными, а исследовательская парадигма и принципы обращения с

Русской православной церкви. 2012. № 1 (44). С. 17–27.

²⁰² История Московского университета: (вторая половина XVIII – начало XIX века): сб. док. Т. 1. 1754–1755 / отв. ред. Е.Е. Рычаловский; сост., вступ. ст. и прим. Д.Н. Костышина. М.: Academia, 2006; *Там же*. Т. 2. 1756. М.: Academia, 2011.

²⁰³ История Московского университета... Т. 2. С. 6.

²⁰⁴ Вишленкова Е.А., Галциуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

²⁰⁵ Wiszlenkova E. University Archives as a Cultural Project (Russia, the first Half of the 19th Century) // *Rozprawy z dziejow oswiaty* / red. J. Schiller. Т. XLVIII. Warszawa, 2011. Р. 183–198; Ильина К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века // *История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2011. Вып. 4. С. 133–158; Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления: (опыт России первой половины XIX века) // *Вопросы образования*. 2013. № 1. С. 232–255; статья Е.А. Вишленковой и К.А. Ильиной «Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти» в этой книге.

²⁰⁶ Историю спасения протоколов в 1812 г. и хранения в частной коллекции М.И. Снегиревым см.: Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г. / под ред. К.[А.] Военского. СПб.: Министерство народного просвещения, 1912; Эйнгорн В.О. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 г.: вып. 1–2. М.: Тип. т-ва А.А. Левенсона, 1912; Любавский М.К. Московский университет в 1812 г. М.: Изд-во имп. общ-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1913; Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

источниками долгое время не менялись, то несколько поколений его последователей легко обходились без обращения к оригиналам протоколов, иллюстрируя свои нарративы фрагментами из юбилейной истории²⁰⁷.

Вновь «снегиревское собрание» стало объектом анализа лишь спустя столетие после выхода «Истории» Шевырёва. Проявленный к нему интерес был результатом, с одной стороны, реабилитации университетского прошлого, а с другой стороны, развития советского источниковедения. В этом контексте в 1950–1953 гг. появились доклады и статьи о спасенных в годы Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны протоколах²⁰⁸. Их автор – сотрудник университетской библиотеки, знаток иностранных языков и истории книжного дела Н.А. Пенчко расшифровала и перевела с латыни, немецкого и французского языков фрагменты протокольных записей и провела тщательную археографическую работу²⁰⁹. Выход в 1960–1963 гг. трехтомной публикации протоколов с обширными научными комментариями стал событием для историков.

Это издание предоставило современникам отличный от Шевырёва рассказ об университетском XVIII в. Только, несмотря на кажущуюся объективность и достоверность, эта источниковая версия прошлого не была свободной от дискурсивной организации. Читательское восприятие и прочтение документов запрограммировано научными примечаниями, комментариями, купюрами и даже последовательностью публикации материала. В духе идеологии советского национализма 1950-х годов Пенчко заключила источниковые свидетельства в рамку борьбы русских подвижников науки против союза корыстных профессоров-иностранцев с «сиятельными» крепостниками.

С археографической точки зрения издание не было полным. Во-первых, в целях экономии некоторые латинские тексты заменены переводами. Во-вторых, Пенчко призналась, что поскольку протоколы в основном повторяют содержание протокольных документов, то для публикации порой брались исходные тексты²¹⁰. Такое же решение было принято в отношении всех дублирующих информацию документов. Заметим: это лишает исследователей возможности анализировать нормы университетского делопроизводства XVIII в.

В издании есть указания на неизданные тексты из «снегиревского собрания». Данные из этих текстов потребовались для подготовки комментариев²¹¹. Но особенно удивительно сейчас звучит следующее заявление Пенчко: «Документы 1761 г. печатаются с некоторыми изъятиями, преимущественно за счет многочисленных ордеров Веселовского, *которые не представляют научного интереса* (курсив мой. – И.К.)»²¹². Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой стирания фрагментов исторической памяти публикаторами источников, берущими на себя право оценки значимости информации. Исходя из всего этого, я полагаю, что ценная как историографический феномен публикация Н.А. Пенчко вряд ли может заменить для историка аналитическую работу с оригиналами протоколов.

Между тем ситуация в новейшей российской историографии такова, что не только тщательно оберегаемые в ОРКиР оригиналы протоколов, но и вполне доступное их переиздание редко используются исследователями. В XXI в. истории Московского университета XVIII в.

²⁰⁷ *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902; *Он же.* Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII веке. Т. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912; *Любавский М.К.* Московский университет в 1812 г.

²⁰⁸ *Пенчко Н.А.* Основание Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953.

²⁰⁹ Документы и материалы...

²¹⁰ «В тех случаях, когда текст протокола представляет собой... латинский перевод, пересказ или даже простой перечень приложенных к нему в подлиннике русских документов, обычно со стандартной резолюцией конференции “доложить куратору”». См.: Документы и материалы... Т. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 17–18.

²¹¹ Там же. Т. 2. С. 17–18; Т. 1. С. 36.

²¹² Там же. Т. 1. С. 187.

продолжают создаваться по лекалам Шевырёва, с его же цитатами и приправой из национально-патриотических аллюзий советского времени²¹³.

Приведу пример такого воспроизводства. Один из «патриотических» сюжетов, развитый в послевоенной историографии, – о борьбе за чтение лекций отечественными и иностранными профессорами на русском языке (в редкой публикации по истории Московского университета XVIII в. речь не идет о «горячей борьбе Н.Н. Поповского с иностранными профессорами за чтение лекций по философии на русском языке»).

Для его построения на университетском материале исследователи пользовались протокольными свидетельствами. Дело в том, что первые поколения российских студентов были выходцами из весьма разных социальных слоев: дворяне, разночинцы, «поповичи». Из них только дети священнослужителей владели латынью. Для учащихся дворян она была сущей мукой, так как не входила в круг светского образования. В этой связи преподаватели, желавшие удержать студентов первого набора, стремились облегчить их обучение за счет русского языка. Сторонником таких мер был ученик М.В. Ломоносова Николай Поповский (преподаватель-практик академической закали). На заседании конференции 19 сентября 1758 г. он предложил, «чтоб философия читалась по-русски для *нескольких* учеников, ездивших в Петербург, и для *некоторых* других, из коих *одни вообще не желают учиться латыни*, а другие уже слишком великовозрастны, *чтоб быть в состоянии окончить латинский язык к 20 годам* (курсив мой. – И.К.); кроме того, они уже сделали успехи в других предметах, которые должны будут оставить из-за латинского языка. Но, как записал секретарь конференции со слов Поповского, чтоб дать им все-таки понятие о философии, г[осподин] Яремский может им ее читать 4 часа в неделю по-русски»²¹⁴.

Это предложение Поповского вызвало споры в конференции. Вот аргументация профессоров-иностранцев²¹⁵, участвовавших в этом же заседании (именно она обычно цитировалась исследователями для обвинений немецких профессоров в нелюбви к русской культуре и языку): «остальные г[оспода] профессора, *хотя и считают тоже, что это было бы полезно для небольшого числа таких учеников* (курсив мой. – И.К.), опасаются, как бы легкость слушания философических лекций на русском языке не привлекла всех других учеников и не отвратила бы их от занятий латинским языком, который есть главная цель учреждения университета и основание всех наук и к которому большинство отнюдь не имеет склонности»²¹⁶. Если данное высказывание контекстуализировать, то из него лишь явствует, что разногласия Поповского и его коллег-иностранцев в данном случае были порождены локальным эпизодом – проблемой отлынивания студентов от изучения трудной для них латыни.

Место производства высказываний

Чтобы избежать таких произвольных интерпретаций и не навязывать протоколам желаемые смыслы, необходимо постоянно иметь в виду специфику российской интеллектуальной ситуации, в которой жил Московский университет, в которой действовала и вела записи своих заседаний его конференция.

²¹³ Такая возможность расширилась после появления в 1998 г. факсимильного издания: Шевырёв С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею: 1755–1855: ротاپринтное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

²¹⁴ Документы и материалы... Т. 1. С. 135.

²¹⁵ Присутствовали профессора Филипп Генрих Дильтей, Иоганн Генрих Фромман, Иоанн Матисс Шаден, Иоганн Христиан Керштенс.

²¹⁶ Документы и материалы... Т. 1. С. 135.

К середине XVIII в. в Западной Европе конференции ученых корпораций давно стали частью повседневности²¹⁷. Для России же это было новое учреждение, появившееся в 1725 г. вместе с Санкт-Петербургской академией наук (далее – АН). Прививка новой формы сообщества и управления им проходила с большими трудностями, что демонстрирует история академического университета. Тем не менее к 1755 г. внутри тандема академии и университета выросло целое поколение молодых ученых, знакомых с азами академического быта. Благодаря этому университет в Москве получил возможность использовать два различающихся опыта организации интеллектуальной жизни: приглашенных из Европы профессоров и петербургских ученых. Предполагалось, что отечественный опыт поможет усвоению и адаптации опыта импортированного.

Хотя Московский университет (пока в форме гимназии) открылся весной 1755 г., первое заседание его конференции (или, как ее еще называли, ученого совета или просто совета профессоров) прошло лишь 16 октября 1756 г., после приезда трех первых профессоров²¹⁸. Согласно «Проекту о учреждении Московского университета», который составили М.В. Ломоносов и И.И. Шувалов, профессора должны были раз в неделю²¹⁹ (в присутствии директора) иметь «собирания, в которых советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающихся до наук и лучшего оных произвождения»²²⁰. На основании сохранившихся протоколов можно понять, что куратор, живший в Санкт-Петербурге, рассматривался профессорами как удаленный председатель конференции (и «независимый арбитр») ²²¹, отслеживающий ее деятельность по присылаемым документам²²².

В полномочия конференции входило руководство учебным процессом. «Проект о учреждении Московского университета» (§ 8) предусматривал утверждение на заседании профессоров учебника (источника) для преподавания каждого курса. Это положение отсылало к западной практике, но в нем имелась корректировка, отражающая российскую специфику: «каждый повинен последовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от *кураторов* (курсив мой. – И.К.) предписаны будут»²²³. Это дополнение усилило права университетского куратора.

Директор и подчиненные ему ассессоры образовывали канцелярию, ведавшую бюджетом, жалованьем преподавателей, закупками книг и инструментов. Она являлась аналогом печально известной своим формализмом и проволочками канцелярии Санкт-Петербургской академии. Впрочем, по замыслу Шувалова, университетский директор был не «только чиновник», он должен был знать «науки» (т. е. учитывать специфику заведения) и выполнять часть функций, которые в западных университетах были у ректора (присутствовать на заседаниях конферен-

²¹⁷ A History of the University in Europe / W. Rugg (ed.): Vol. 1. Universities in the Middle Ages / H. De Rudder-Symoens (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Vol. 2. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / H. De Ridder-Symoens (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / W. Rugg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Vol. 4. Universities since 1945 / W. Rugg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011; *Андреев А.Ю.* Российские университеты...

²¹⁸ В течение года был объявлен профессором приехавший из Санкт-Петербурга Поповский, затем прибыли из-за рубежа в соответствии с заключенными контрактами профессора Фромман и Дильтей (впоследствии количество профессоров увеличилось).

²¹⁹ Постепенно выяснилось, что назначенного первоначально одного заседания в неделю недостаточно, и решено было собираться по два раза в неделю.

²²⁰ Проект об учреждении Московского университета, 12 января 1755 г. § 7 // Пенчко Н.А. Основание Московского университета. Прил. 2. С. 160–161. В электронном виде см.: Проект об учреждении Московского университета. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Ustav/U1755.htm> (дата обращения 4.11.2012).

²²¹ Документы и материалы... Т. 2. С. 117.

²²² Конференция заседала с участием директора. В отсутствие его в нее включались ассессоры канцелярии, а с февраля 1757 г. и ректор (Шаден) получил право присутствия на конференции «за особливим столом». См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 36.

²²³ *Пенчко Н.А.* Указ. соч. С. 153.

ции, на экзаменах и вообще «науки учреждать»)²²⁴. Это должно было защитить университет от бюрократизации. И действительно, подчиненная куратору канцелярия не получила той власти, какая была у канцелярских служащих АН. В этой связи Н.А. Пенчко даже предполагала, что университетской канцелярии как органа управления вообще не существовало²²⁵.

Однако, судя по переписке в протоколах, канцелярия не только была, но и претендовала на монополию в управлении. Она действовала как инструмент контроля в самых разных сферах («для порядочных щетов и экономии», «принять рапорты от г[оспод] инспектора, ректора и пристава»), а также как дисциплинарный орган. Ее ассессоры должны были наблюдать записанием, поведением и питанием студентов, за чистотой, за лазаретом, «чтоб не случилось пожара». Канцеляристы определяли пространственные координаты жизни учащихся (разделение на классы и уровни, дворян и разночинцев в столовых; устройство учебных помещений и разделение жилья казеннокоштных и своекоштных – в домашнем быту, распределяли учащихся на пансион и в «отборный» ректорский класс). Они структурировали время, деля его на учебное (классное и домашнее) и досуговое (прогулочное, праздничное и каникулярное). Канцелярские служащие (дворяне по происхождению) далеко не всегда считались со спецификой своего ведомства, они активно вмешивались в процесс преподавания и в научные вопросы, что порождало конфликты и противоречия.

В этом отношении история Московского университета может служить прекрасной иллюстрацией к высказыванию Мишеля Фуко: «государственной структуре при всем том, чт.е. у нее обобщенного, абстрактного, даже насильственного, не удавалось бы удерживать таким вот образом, непрерывно и мягко, всех этих индивидов... если бы она не использовала... все возможные мелкие локальные и индивидуальные тактики»²²⁶. Исследуемое университетское пространство было тем более дисциплинарным, что именно здесь формировались новые для российской культуры навыки поведения образованного человека: начиная от внешнего вида и манер и заканчивая ценностными ориентирами и идеалами²²⁷.

Московский университет, однако, был структурой, не вписывавшейся ни в практику дворянского хозяйствования, ни в систему имперской сословной политики. С момента основания он имел особый правовой статус (и даже в документах именовался «новым местом»). Его документы и проблемы были отнесены к полномочиям Сената, но главной фигурой в нетвердой вертикали власти был «превосходительный господин куратор» (так звучало обращение к нему) – независимый арбитр, имевший право прямой апелляции к императрице.

Кризис ручного управления

Административный стиль куратора зависел от его личности и влияния при дворе. Образованный и близкий к императрице И.И. Шувалов занимал по отношению к университету позицию покровителя²²⁸. При этом он действовал в интересах просвещенного государ-

²²⁴ О функциях директора и канцелярии см.: Пенчко Н.А. Указ. соч. С. 54–56. См. также: Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 112–113.

²²⁵ Пенчко Н.А. Указ. соч.

²²⁶ Фуко М. Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 290.

²²⁷ Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001; Идея воспитания «нового человека» в эпоху Просвещения в странах Западной Европы и России // Теория и практика воспитания «нового человека» в истории педагогики (социально-политический аспект): сб. науч. тр. / под ред. Г.Б. Корнетова, О.Е. Кошелевой. М.: Ин-т теории и истории педагогики РАО, 2008.

²²⁸ О специфике патронажа в сфере российской науки XVIII в. см.: Кулакова И.П. И.И. Шувалов и Московский университет: тип «просвещенного покровителя» (к постановке проблемы) // Философский век: альманах. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727–1797): просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук. СПб.: С.-Петерб. центр истории идей, 1998; Она же. Михаил Ломоносов: жизненные стратегии в контексте эпохи // Вестник Московского универси-

ства, а не науки как таковой. Именно этим объясняется его борьба с чиновниками за высокий статус императорского университета²²⁹. В одном из своих ордеров он рекомендовал университетскому директору подать на коллежских чиновников жалобу прямо в Сенат, обещая такой бумаге сопровождение и поддержку²³⁰. И хотя сам куратор мог лично конфликтовать с отдельными профессорами²³¹, он рассматривал такие противоречия как домашние. Плотной опекой он создал благоприятные условия для укрепления социального статуса профессорского сословия, но, похоже, лишил его опыта саморегуляции и отстаивания прав.

Шувалов корректировал недостатки тогдашнего государственного управления университетом личными распоряжениями и личными денежными средствами. Его ордера, направленные директору и канцелярии, выявляют практику такого рода. Эти тексты были типичными канцелярскими бумагами для того времени – деловой слог, в который вплетены фрагменты прямой речи автора²³². Тем не менее после смерти своей покровительницы, императрицы Елизаветы Петровны, Шувалов был обвинен в небрежении к правилам делопроизводства и заменен В.Е. Адодуровым. Ревизия выявила, что, смешав кассы университета и подведомственной ему Академии художеств²³³, доверяя канцеляристам (некоторые векселя оказались «не протестованными»), куратор выдавал деньги «не в силу указов», «без поруки и без заклада».

В своих оправдательных письмах Шувалов писал: «более старание я и прилагал к его [университета] основанию и распространению, нежели к подробному наблюдению канцелярского порядка». Он предложил Сенату либо «списать» обнаруженный дефицит за счет тех средств, которые Шувалов уже передал университету, либо покрыть ущерб его состоянием²³⁴. В итоге Шувалов был оправдан, так как в ходе расследования выяснилось, что на проекте об учреждении университета императрица написала: «Дополнение штата отдается в волю кураторов», вследствие чего все документы вести «высочайшею доверенностию»²³⁵. Но для последующих университетских администраторов негативный опыт бескорыстного служения и его уязвимость с точки зрения делопроизводства стали хорошим уроком.

Ретроспективно мы можем сказать, что в этой истории проявился кризис домодерного способа управления, документирования и ведения делопроизводства. Ручное управление профессорским сословием уступало место новым тенденциям в имперском управлении, требовавшим формализации отношений, рационализации всех связей и действий государственного учреждения. И хотя модернизация ассоциируется у исследователей с прогрессом, в памяти современников и в концепциях цитирующих их историков отставка Шувалова стала знаком

тета. Серия 8. История. 2011. № 4. С. 26–28.

²²⁹ Скорее всего, тут не обошлось без влияния М.В. Ломоносова, пострадавшего от бюрократов в Академии наук; решительно против деятельности канцелярии высказывается в своей записке и Герхард Фридрих Миллер, указывая на отсутствие ее существенной роли в европейской академической традиции.

²³⁰ «Подчиненные коллегиям, следовательно, и университету, судебные места... совсем указов канцелярии университета не исполняют... оному видно иного способу нет... как принести жалобу правительствующему Сенату». Результатом жалобы стал указ от 22 декабря 1757 г., подтвердивший привилегии университета. См.: Документы и материалы... Т. 1. С. 60, 309.

²³¹ См., например, протокол заседания конференции от 2 октября 1759 г.: Там же. С. 154.

²³² Например: «На нынешней неделе отпущено бумаги: в 1 ящике под № 1 миттель роайль тридцать стоп, еще в пяти ящиках под № 3 заморской комментарной» и т. д. См.: Там же. С. 107. И тут же: «Я слышал, что некоторые ученики взяли свои от университета увольнении, о которых мне неизвестно. Того ради изволите прислать мне их имена... Учителя Соловьева – я слышу, что он человек весьма прилежный и знающий – отпускать жаль. Если можно – стараться его уговорить и удовлетворить...» См.: Там же. С. 107–108.

²³³ Шувалов сам признавал, что, латая дыры, вынужден был рассматривать подопечные ему Московский университет и Академию художеств как «сообщающиеся сосуды»: «Оба сии училища, под моим одним будучи правлением, часто заимообразно деньги имели». См.: В правительствующий Сенат императорского московского университета от куратора И.И. Шувалова доношение // ЧОИДР. 1858. Т. 8. С. 70, 72.

²³⁴ Документы и материалы... Т. 1. С. 311.

²³⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 25. Кн. 13. 1762–1765. Гл. 3: Продолжение царствования императрицы Екатерины II Алексеевны: 1763 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv25p3.htm> (дата обращения 7.11.2012).

негативных тенденций в университетской жизни. По свидетельствам мемуаристов, при Адодурове в университете воцарилась тяжелая чиновная атмосфера²³⁶.

Протоколирование заседаний

Ведение протоколов как административная практика появилось в России XVIII в. в контексте реформы государственного управления. Посредством протоколов документировалась деятельность постоянно действующих коллегиальных органов – коллегий и Санкт-Петербургской академии наук (академические протоколы сохранились за весь XVIII в. и полностью опубликованы)²³⁷. Они же являлись формой отчетности перед вышестоящими органами, были инструментом дисциплинирования или самодисциплинирования.

Что касается университета, то на него эта практика была распространена не сразу и затем постоянно корректировалась. В 1756 г. прошло 13 заседаний конференции. 14 текстов являются первыми протоколами этих профессорских форумов. Часть из них велась на латыни профессором Ф.Г. Дильтеем. «По содержанию и по внешнему оформлению, – утверждают их издатели, – [они представляли] лаконичный перечень главных пунктов обсуждения, без подписи и без перечисления присутствующих членов»²³⁸.

Как явствует из надписи на заглавном листе книги протоколов за 1756 г., их назначение было в фиксации коллективных решений: «для лучшего учреждения наук обсуждено и с общего согласия». Запись в протоколе 16 октября того же года гласила, что ученым советом «положено решать с общего согласия [общим голосованием] дела, касающиеся до лучшего учреждения наук... и на этом собрании рассуждали о публичных лекциях, которые должен [читать] каждый профессор, сколько часов и дней [в неделю], кроме того, об общих нуждах университета и гимназии, а в заключение постановили, что такие собрания будут происходить два раза в неделю»²³⁹.

Протоколы раннего периода демонстрируют полную зависимость конференции от куратора. Записи Дильтея тех лет являются лишь перечнем пунктов прилагаемого в копии послания конференции к Шувалову («Было утверждено письмо к превосходительному г[осподину] куратору» – с приложением копии письма²⁴⁰) или кратким пересказом его ордеров к директору или сотрудникам канцелярии²⁴¹. Протоколы 1757 г. практически не сохранились²⁴² (их восполняют ордера и «репорты» директора и ассессоров за этот период). Но в протоколах 1758 г. заметны перемены: в протокольных текстах появились персональные голоса профессоров. Кроме того, на форме и на содержании стал сказываться накопленный делопроизводственный опыт. Первый секретарь конференции дворянин Б.М. Салтыков²⁴³ стал вести записи на французском языке и делал их более развернутыми и нарративными. Теперь протокол не только фиксировал принятое решение, но и содержал его обоснование.

²³⁶ Андреев А.Ю. Российские университеты... С. 270.

²³⁷ Протоколы заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. Т. 1. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1897; Т. 2. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1899.

²³⁸ Документы и материалы... Т. 1. С. 24.

²³⁹ Там же. Т. 1. С. 27. Внеплановые собрания конференции назывались экстраординарными.

²⁴⁰ Там же. С. 27, 28. Копии писем отсутствуют.

²⁴¹ Там же. С. 30, 33.

²⁴² За исключением двух кратких записей.

²⁴³ Университет начинает пользоваться подготовленными им кадрами: секретарем конференции становится Борис Салтыков, воспитанник гимназии первого набора, после окончания за успехи произведенный в прапорщики и взятый на представление Шувалову в Санкт-Петербург (См.: Там же. С. 109). Впоследствии, отправленный в Швейцарию, стал посредником Шувалова и Вольтера, вольнодумцем и писателем.

В 1757 г. директором университета был назначен И.И. Мелиссино²⁴⁴, с деятельностью которого связаны административные новшества. Запись от 20 июня 1758 г. гласит: «Г[осподин] директор приказал вести на конференции протокол, в котором следует отмечать отсутствующих членов каждого собрания и все, о чем там будут рассуждать и рапортовать его превосходительству»²⁴⁵. С этого момента протоколам была придана еще и дисциплинарная функция. В них появились объяснения причин отсутствия профессоров на заседаниях²⁴⁶, записи, выдающие латентные конфликты с куратором. (Например, одна из записей гласит: «Если только его превосходительство соблаговолит назвать по отдельности тех, кто подразумевается в его обвинении, таковые тотчас же удалятся со всею почтительностью и покорностью, с какой обязаны и всегда будут относиться к его повелениям»²⁴⁷.)

Благодаря этому протоколы превратились в развернутые синкретичные тексты с включением списков студентов, экзаменующихся и пр. В них уже нет ссылок на приложения. Видимо, протокол интериоризировал информацию подготовительных документов («экстракт» с протокола отсылался в Санкт-Петербург с нарочным). При этом появилась многослойность текста, соединение в нем фрагментов из иных документов. Так, в нарративном по стилю протоколе можно обнаружить куски с личными обращениями напрямую к куратору в виде прямой речи: «Согласно ордерам вашего превосходительства г[осподин] директор намеревался дать по 6 часов в день каждому учителю...»²⁴⁸; «Если его превосходительству желательно, чтоб в университете начали печататься периодические листы, то конференция усиленно просит о присылке... сочинений»²⁴⁹; «Я прошу ваше превосходительство уведомить меня, вполне ли освобожден г[осподин] Поповский от всех обязанностей, по моим представлениям»²⁵⁰.

После того как секретарем конференции был назначен учитель Николай Билон²⁵¹, протоколы стали более стилистически ровными, а прямая речь в них была переформатирована в косвенную (например: «Так как в 5 часов [уже] темно, то г[осподина] куратора просят подтвердить, что занятия после обеда должны продолжаться только один час...»²⁵²). С 1765 г. записи заседаний обрели внутренний формуляр: «Постановлено:»; «Рассуждали... решено, что...»; «(готовальни) должны быть закуплены...»; «профессора заявили, что для университета необходимо, чтобы вице-директор послал...»; «было повелено» (устроить диспут); «установлена необходимость» (преподавания этики)²⁵³. Видимо, усложнение университетской жизни, управления и делопроизводства отразилось на продолжительности заседаний конференции и объеме ее протоколов.

²⁴⁴ Подбор кадров осуществлял сам Шувалов. И.И. Мелиссино прошел в университете все ступени – от ассессора канцелярии до директора (в 1757–1763 гг.). При нем в университете была устроена больница с аптекой и открыт оберж. При кураторе Адодурове он предпочел перевестись в Синод обер-прокурором, а через восемь лет вернулся в университет куратором. Мелиссино (вместе с М.М. Херасковым) стал инициатором основания университетского Благородного пансиона при Московском университете.

²⁴⁵ Документы и материалы... Т. 1. С. 111.

²⁴⁶ Там же. С. 112, 115 и т. д.

²⁴⁷ Документы и материалы... С. 154.

²⁴⁸ Там же. С. 119.

²⁴⁹ Там же. С. 113.

²⁵⁰ Там же. С. 143.

²⁵¹ Николай Билон (ум. 1765): не позднее чем с 1757 г. – учитель, с 1759 г. – лектор французского языка и словесности, автор неизданных учебников грамматики. Был секретарем с 1759 по 1764 г. включительно.

²⁵² Документы и материалы... Т. 1. С. 275.

²⁵³ Там же. Т. 3. С. 356, 359, 362 и т. д.

Свидетельства конфликтов

Напомню, что поначалу (с 1759 г.) протоколы велись на французском языке, не визировались и не содержали указания имен заседателей. Кураторов И.И. Шувалова и Ф.П. Веселовского (который в 1760 г. был назначен в помощники Шувалову²⁵⁴) устраивала произвольная форма университетской документации. При В.Е. Адодурове конференция стала строго следовать нормам коллежского делопроизводства. Выпускник Академического университета, он, видимо, был хорошо знаком с организацией его управления, воспроизводящего правила делопроизводства коллегий. Воспитанники этого специфического университета стали носителями необычных для ученых корпораций того времени отношений и этики служения. Они воспринимали бюрократизацию академической жизни как должное и сами содействовали этому в своей научно-административной карьере. Примеры тому дает не только управление Московским университетом, но и попечительство над Казанским университетом С.Я. Румовского²⁵⁵.

Знаток латыни Адодуров, служивший в Санкт-Петербургской академии переводчиком, потребовал вести протоколы на латинском языке. Это требование привело на секретарскую должность доктора юриспруденции и ординарного профессора Карла Генриха Лангера²⁵⁶. Секретарь был обязан проверять и визировать протоколы у всех заседателей, указывать дату и даже «часы прибытия и выхода из конференции»²⁵⁷.

Любопытно, что в те годы профессора стали использовать протоколы в качестве официальных писем, для коллективных обращений к куратору. Причиной тому было игнорирование Адодуровым решений конференции. Отзвуки этих событий отразились в записях. В одной из них высказывалось опасение, что совет профессоров сделается общим посмешищем, «если узнается (чего никак нельзя избежать), что сам председатель конференции, его превосходительство г[осподин] куратор, считает неважным пренебрежительное отношение к приказанию конференции»²⁵⁸.

Очередной инцидент (1765–1766) возник в связи с необходимостью отстоять честь университета на внешнем уровне как конфликт с книгопродавцем Христианом Людвигом Веве-ром: он «всю конференцию поносил грубейшими ругательствами... , говоря: “Нахалы в конференции не должны мне ничего приказывать! Они мне не начальство! Пусть они сначала получают чины, а тогда командуют! Плевал я на всю конференцию!”. Возмутившийся профессор Иоганн Фридрих Эразмус потребовал, чтобы его мнение было внесено в протокол. Он смело заявил: “Совещания господ профессоров в конференциях – ни к чему, и они становятся смешны, если господин куратор легко на другой день отменяет то, что постановила конференция”»²⁵⁹.

Протоколы доносят до нас обрывки и более серьезного инцидента на внешнем уровне, так называемого бунта профессоров в мае 1764 г. Он был вызван массовым «отзыванием» студентов для государственных нужд (30 человек были затребованы в распоряжение Медицинской коллегии). Куратор Адодуров поначалу игнорировал протесты профессоров, подтвердив

²⁵⁴ Генерал-майор, он сменил на этом посту скончавшегося куратора Л.Л. Блюментроста (тот недолго и лишь номинально был куратором). Веселовский до своего кураторства был дипломатом, он служил при различных дворах Европы и с воцарением Екатерины II ушел в отставку «по собственному желанию».

²⁵⁵ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 80–86; Костина Т.В. Академик С.Я. Румовский и Казанский университет: историографический контекст // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / отв. ред. Ж.И. Алферов. СПб.: Наука, 2010. С. 81–101.

²⁵⁶ В отсутствие Лангера протоколы велись профессором медицинского факультета Керштенсом. См.: Документы и материалы... Т. 2. С. 20.

²⁵⁷ Там же. С. 39.

²⁵⁸ Документы и материалы... С. 117.

²⁵⁹ Там же. С. 310.

свое распоряжение в бесцеремонной форме (побывавший у него «офицер донес, что его превосходителем был повторен на словах тот же самый приказ об их отправлении»). Тогда конференция заявила, что из-за куратора не сможет «провести производство в студенты» и подготовить их к государственной службе. Адодуров отступил, и это было обнадеживающим знаком силы коллегиальных действий²⁶⁰.

Подобные эпизоды, на мой взгляд, важны не только для понимания обстоятельств выработки норм университетского сообщества. Примечательно, что университетские документы (в данном случае протоколы заседаний) стали использоваться как форма фиксации требований. Это подтверждают размышления Мишеля де Серто *о повседневных* «стратегиях власти» и разнообразии тактик сопротивления им²⁶¹. Их появление в университетской конференции было явным следствием адаптации бюрократического опыта и его использования в корпоративных интересах. Осознание специфики своей деятельности, ответственность и самодостаточность становятся проявлениями автономного мышления профессоров. Они порождали определенный баланс сил, необходимый в условиях слабости университетской автономии.

Итак, можно констатировать: существовавшая в XVIII в. практика ведения университетского делопроизводства породила полидискурсивный источниковый комплекс. Предназначенные для чтения куратора протоколы включали в себя разнородные тексты, были продуктом разных технологий письма – произвольного описания прошедшего заседания, центонных рассуждений, отчетов о проделанной работе. Само предназначение делало его своего рода коллективной репрезентацией, а перформативный характер источника предполагал определенный отбор свидетельств. Некритическое же использование историками этих материалов в итоге обеспечивает воспроизведение в университетских исследованиях коллективной мифологии профессоров XVIII в.

Я надеюсь, что изучение технологий университетского делопроизводства и фронтальное прочтение всего «снегиревского собрания» без купюр в сочетании с изучением иных источников позволят выйти из шевырёвского видения университетского прошлого и отказаться от практики иллюстративного использования документов. Посредством аналитических процедур работы с документальными понятиями мы можем выявить синхронные смыслы и латентные значения исследуемой эпохи, ощутить неспешный ритм и особый эмоциональный строй университетской повседневности, понять психологию московского профессора, распутать сложную паутину его социальных коммуникаций, родственных и научных связей, а заодно убедиться в необходимости жесткой рефлексии над исследовательскими процедурами историка.

²⁶⁰ Инцидент подробно рассмотрен в кн.: *Сточик А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет. М.: Медицина, 1996. С. 111–115. Правда и то, что через два года студенты в количестве 21 были вновь затребованы – теперь для работы в Уложенной комиссии.

²⁶¹ *Certeau M.* The Practice of Everyday Life. Berkeley: University of California Press, 1984.

А.Е. Иванов, И.П. Кулакова

Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв.²⁶²

Большую часть наших представлений о функциях профессоров российских императорских университетов мы черпаем из законодательных актов правительства и отложившегося в архивах делопроизводства. Это тексты, фиксировавшие или регулировавшие поведенческие практики университетского человека в пределах учебного заведения. То, что применительно к XVIII и первой половине XIX в. в большинстве случаев это совпадало с пространством социальной активности профессора, подтвердили появившиеся в печати в конце XIX столетия воспоминания профессоров и студентов. Мемуары же более позднего времени – начала XX в. – убеждают нас в том, что для рубежа веков характерно расширение образовательного пространства за счет кружков и домашних семинаров, а также выход профессоров за пределы учебных аудиторий, кабинетов и лабораторий в публичное пространство политики, предпринимательства и социальной экспертизы. При этом участие профессоров в заседаниях государственной думы и государственного совета, в министерских комиссиях, в коммерческой деятельности, выступления в периодической печати и прочие социальные высказывания не зафиксировались в протоколах университетского совета и не регулировались университетскими уставами.

Для улавливания этих высказываний исследователь должен расставить более широкие сети, используя как послужные списки профессоров, так и «архивы идентичностей» – частные архивы профессоров, которые в годы советской власти образовали альтернативный по отношению к государственным университетским и министерскому архивам фонд. Так исторически сложилось в России, что, например, в отличие от ситуации в Германии профессорские документы не могли быть сданы в государственный архив при жизни и не выкупались университетом после смерти ученого. Только после революции 1917 г. и кардинального изменения архивной политики в нашей стране домашние архивы стали добровольно и принудительно сдаваться в государственные библиотеки и музеи. Со временем они образовали при них сеть отделов рукописей и письменных источников. Эти «архивы идентичностей» позволяют исследователям анализировать инициативные виды социальной активности российских профессоров начала XX в., реконструировать их сложную социальную идентичность.

Просопографический портрет высказывающихся

Престижность интеллектуального труда, порожденная модернизационными процессами в поздней Российской империи, растущие грамотность и сеть государственных школ содействовали увеличению сословия русских профессоров. В 1899 г. их было около 2,5 тысячи человек, а в 1914 г. число профессоров выросло почти вдвое и составило около 4,5 тысячи²⁶³. Основной их функцией, как и прежде, было воспроизводство себе подобных. И профессора выполняли ее в экстенсивном режиме: в 1913 г. во всех высших учебных заведениях империи училось около 120 тысяч студентов, а с конца XIX в. по февраль 1917 г. только в одиннадцати университетах дипломы получили более 150 тысяч человек²⁶⁴.

²⁶² В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

²⁶³ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Академия наук СССР, Ин-т истории СССР, 1991. С. 208.

²⁶⁴ Там же. С. 319–320.

В официальном делопроизводстве дооктябрьской России педагогический корпус высшей школы делился на профессоров²⁶⁵ и младших преподавателей, что отражало не столько специализацию в научно-педагогических функциях, которые нередко мало заметны, сколько различия в номенклатурно-правовом статусе. Первые были администраторами, советниками и организаторами науки (членами ученых советов, заведующими кафедрами, деканами факультетов, членами Академии наук; в 1914 г. профессора составляли 87 % действительных членов Академии наук²⁶⁶), вторые – только учителями.

По своему гражданскому статусу профессура, представлявшая различные области и направления фундаментального и прикладного научного знания, относилась к привилегированной части российского чиновничества. По уставу 1884 г. ко времени полной выслуги (25 лет) профессора достигали чинов V–IV (статский генерал) классов. Некоторые поднимались до ранга тайного советника (III класс). Например, по данным на 1898 г., только в Санкт-Петербургском университете служили девять тайных советников. Среди них, в частности, были такие крупные ученые, как А.О. Ковалевский, А.Н. Бекетов, А.Н. Веселовский, В.И. Сергеевич. Возможность такой чиновной карьеры давало либо участие в государственном управлении, либо членство в императорской Академии наук. С 1906 г. стало возможным совмещение того и другого: в составе академической курии университетские профессора заседали в Государственном совете и Государственной думе²⁶⁷.

Судя по послужным спискам преподавателей 19 высших учебных заведений Министерства народного просвещения²⁶⁸, в начале XX в. социальный состав профессоров стал более гетерогенным, чем ранее, за счет вливаний из разных категорий дворянства. Примерно треть преподававших в университетах и четверть – в народнохозяйственных институтах были выходцами из потомственно-дворянских семей. Учеными становились потомки именитых и древних дворянских родов, как, например, Б.Н. Чичерин, основоположник «государственной школы» в русской историографии, братья-философы С.Н. и Е.Н. Трубецкие, естественники отец и сын А.Н. и Н.М. Бекетовы, сейсмолог Б.Б. Голицын, физиолог растений К.А. Тимирязев. Подобные примеры редкость, но в отличие от начала века такой выбор жизненного пути для аристократа стал возможен.

В течение всего столетия существования университетов в России столбовое дворянство неохотно направляло своих отпрысков на стезю науки. Взбираться по крутой академической лестнице социального восхождения было существенно труднее, нежели по пологим склонам бюрократической и военной карьеры. Рост ученого не был быстрым и требовал постоянных умственных и физических усилий. Такую карьеру избирали только те из потомков дворянской аристократии, для кого наука и преподавание представлялись единственно возможным способом самореализации. Большинство же представителей потомственного дворянства в профессорско-преподавательской корпорации были сыновьями тех, кто обрел право принадлежать к «первенствующему сословию» не по рождению, а на имперской службе.

В начале нового столетия примерно 50 % состава профессорско-преподавательского корпуса были выходцами из средних и низших слоев российского общества: духовенства, разnochинско-чиновничьей среды²⁶⁹, предпринимательского мира²⁷⁰, мещан, крестьян, казаков и

²⁶⁵ В общественном сознании конца XIX – начала XX века под понятием «профессор» подразумевался всякий, кто профессионально занимался наукой и ее преподаванием.

²⁶⁶ *Кравец Т.П.* От Ньютона до Вавилова: очерки и воспоминания. Л.: Наука, 1967. С. 200.

²⁶⁷ *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Государственном совете России: 1906–1917. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

²⁶⁸ Рассмотрено 936 послужных списков.

²⁶⁹ Сыновья личных дворян, чиновников, обер-офицеров (до капитана включительно), врачей, провизоров, частнопрактикующих юристов, художников, учителей, инженеров.

²⁷⁰ Сыновья купцов, почетных граждан.

пр. «Поповичами» были профессор русской истории Московского университета В.О. Ключевский, основатель научной школы по конструированию машин И.А. Вышнеградский, профессор физиологии Санкт-Петербургского университета А.А. Ухтомский, профессор химии А.Е. Фаворский, профессор электротехнического института в Санкт-Петербурге, изобретатель радиотелеграфа А.С. Попов.

Интенсивность профессорского труда

Высокий статус профессора «оплачивался» в России беспрецедентной перегрузкой. Если в 1898/99 учебном году на одного преподавателя приходилось 13 студентов, то в 1913/14 – уже 27, а к 1917-му – 34²⁷¹. Правительство явно скупилось на финансирование новых штатных единиц. В начале XX в. большинство высших учебных заведений имело штаты и расписание, утвержденные еще в 1880-1890-е годы.

Столь же скупым правительство было и в тратах на подготовку научной смены деятелям профессорско-преподавательского корпуса высшей школы. Многие из так называемых «профессорских стипендиатов», оставленных при университетах для приготовления к профессорскому званию²⁷², не получали государственного содержания. В 1896 г. таковых было 28 из 91, в 1902 г. – менее половины из 218, в 1915 г. – 111 из 245²⁷³. Данная ситуация да и размер стипендий побудили профессора Демидовского юридического лица в Ярославле В.Г. Щеглова заявить: «Научный труд для многих талантливых молодых ученых ныне превратился в научный аскетизм. Посему и университетские кабинеты, и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла. Многие способные ученые работники покидают ныне университет, находя себе на других практических поприщах лучшее обеспечение и жизнь. Посему и научные силы России и поныне все еще малочисленны по сравнению со странами Запада»²⁷⁴. Данная констатация не утратила своей истинности и в 1917 г.

Хроническое недофинансирование института «профессорских стипендиатов» предопределило низкую пополняемость сословия через процедуру защиты диссертаций. В 1886–1899 гг. диплома магистра удостоились 358 человек, за тот же срок в 1900–1913 гг. – 447²⁷⁵. Такой темп прироста был уже недостаточен, чтобы восполнить убыль докторов наук. В начале XX в. наблюдается регрессивная динамика: если в 1886–1899 гг. в университетах было защищено 1108 докторских диссертаций, то в 1900–1913 гг. – всего 754²⁷⁶. В результате образовывались профессорские вакансии, заполнить которые было нечем. В 1900 г. таковых насчитывалось 62, в 1913-м – 123²⁷⁷.

²⁷¹ Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 207; Цыганков Д.[А.] Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России: (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А.[Н.] Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 434.

²⁷² «Профессорские стипендиаты» были двух категорий: проходившие научную подготовку при российских университетах и «заграничные», т. е. командированные для подготовки магистерских диссертаций в университеты европейские. В 1900 г. первых было 184, а вторых – всего 19; в 1913 г. – 465 и 33 соответственно. См.: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи: XVIII век – 1917 год. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 81. Для удовлетворения собственных потребностей в преподавателях прикладных дисциплин имели «профессорских стипендиатов» и инженерные институты. Правда, по завершении подготовки они получали не ученые степени, а ученые звания профессоров, адъюнктов-профессоров, адъюнктов и пр.

²⁷³ Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 21.

²⁷⁴ Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. Вып. IV. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1903. С. 132–133.

²⁷⁵ Шаповалов В.А., Якушев А.Н. Историко-статистические материалы по университетам России о количестве лиц, утвержденных в ученых степенях и учено-практических медицинских званиях (1794–1917 гг.): справ. пособие. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 1995. С. 148–203 (подсчет наш. – А.И., И.К.).

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 208.

Дефицит кадров сдерживал развитие отечественной науки и ставил русских ученых – профессоров и преподавателей – перед необходимостью интенсифицировать труд. В том, что это было так, убеждает высокая позиция России в научных рейтингах, в частности, в области промышленной химии. При этом в стране было ученых-химиков в 15 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии и Великобритании, в 2,5 раза меньше, чем во Франции²⁷⁸.

В 1909 г. В.И. Вернадский писал о достижениях соотечественников так: «Две расы в последние 25 лет сделали огромный скачок в мировом научном производстве – англосаксонская и русская... То, что было создано русским обществом в литературе, музыке и искусстве, давно уже оценено и понято. Но до сих пор не оценена и не понята огромная творческая работа русских ученых, непрерывно блестяще развивающаяся в течение последнего полувека. А между тем по величине и культурному значению она может и должна быть поставлена наравне с другими всем ясными созданиями нашего национального гения»²⁷⁹.

Ученый имел в виду недооценку «русской научной деятельности» в России. Мировое научное сообщество к началу XX в. признавало заслуги российских коллег, особенно в естествознании и технике, развивавшихся, в отличие от гуманитаристики, поверх национально-культурных границ и обусловленных ими научных традиций. «Если мы взглянем на цифры работ русских ученых, – продолжал В.И. Вернадский, – на количество русских имен, мелькающих в мировой хронике естествознания, мы увидим, как это количество неизменно растет, как все больше и быстрее мелькают родные русские имена в культурной летописи человечества»²⁸⁰.

Расширение форм преподавания

Для части профессоров загруженность педагогической работой представлялась «учебной барщиной»: на нее были обречены все исследователи, дабы «только получить право проводить свои ученые работы, чтобы оплатить возможности прославить Россию своими открытиями»²⁸¹ (высказывание профессора физики Московского университета П.Н. Лебедева). Однако большинство относились к преподаванию иначе – как к культурной миссии профессора.

Профессор был публичным человеком и постоянно находился под наблюдением своих слушателей. Об этом свидетельствуют мемуары студентов 1880-1900-х годов. Прочитанные как единый текст, они передают неоднозначное отношение учеников к учителям. Каждому из тех, кто запечатлелся в памяти слушателей, воздается по заслугам: одним – благодарностью и даже восхищенным поклонением за выдающуюся ученость, высокое педагогическое мастерство; другим – неприязнью за бездарность, нерадение к своим обязанностям. В исследуемое время к этой обычной мемуарной практике добавился еще один аспект. Начало XX в. в России отмечено студенческими обструкциями профессорам по политическим мотивам.

Преподавательская деятельность воплощалась в формах общения со слушателями – аудиторных занятиях и домашних беседах. Инициаторы неформального общения и внеаудиторных занятий становились объектами особенной признательности мемуаристов²⁸². В учебной рутине запоминались те профессора, которые обладали незаурядным лекторским мастерством.

Возьмем, к примеру, воспоминание московского университета второй половины 80-х годов XIX в. Б.А. Щетинина о виртуозном лекторском даре известного ученого-правоведа Н.А.

²⁷⁸ Волобуев П.В. Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 7.

²⁷⁹ Вернадский В.И. Перед съездом // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 176–177.

²⁸⁰ Там же. С. 176.

²⁸¹ Лебедев П.Н. Собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 339.

²⁸² Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX – начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. С. 94.

Зверева: «По изяществу и красоте стиля каждая лекция этого талантливого профессора была настоящим *chef d'oeuvre*’ом. Что-то классическое, античное чувствовалось в красоте его речи, местами доходившей до высокого поэтического подъема: она то разгоралась бурным пламенем, то звучала грустной и тихой мелодией, нежно лаская слух. В художественных характеристиках Н.А. Зверева каждый исторический образ, выхваченный им из глубины веков, вставал перед нами как дивное классическое изваяние, которым можно любоваться с восторгом. Все эти Анаксимандры и Пифагоры ярко запечатлевались в воображении, по мере того как искусный лектор-художник уверенно и смело набрасывал их великолепные рисунки, и уже не скоро изглаживались из памяти»²⁸³.

И еще один колоритный пример блестящего лекторства – профессора философии Киевского университета А.Н. Гилярова из воспоминаний П.П. Блонского: «А.Н. Гиляров напомнил Сократа. Стоя у доски и несколько цедя сквозь зубы, он как бы вслух вдумывался в мысль излагаемого философа, с сократовской иронией относился к его противоречиям, односторонностям и прямым нелепостям. При этом он говорил просто, но прекрасным слогом, без лишнего слов. Каждая его фраза на лекции, как и в книгах, была обдуманна и по содержанию, и по слогу»²⁸⁴.

Но даже в когорте таких академических звезд недостижимое место занимали те профессора, кого можно отнести к научно-педагогическим небожителям, обладавшим необыкновенным общественно-культурным магнетизмом, притяжение которого испытывали широчайшие круги учащейся молодежи. Такой живой легендой Московского университета был профессор В.О. Ключевский. «Поистине гениальный профессор», – напишет о нем в своих воспоминаниях московский универсант 1884–1890 гг. А.А. Кизеветтер. В Ключевском-лекторе органически сочетались «качества, которые студенты желали бы видеть в каждом из своих преподавателей» – «глубокий ученый, тонкий художник слова и вдохновенный лектор-артист»²⁸⁵.

Лекции В.О. Ключевского слушали не только историки-филологи, на них стремились побывать едва ли ни все московские универсанты. Ставший в 1901 г. студентом юридического факультета М.В. Вишняк вспоминал: «На лекцию его валом валили студенты всех факультетов. Задолго до начала огромная аудитория была заполнена до отказа. Теснились у стен и в проходах, устраивались на выступах окон и на ступеньках кафедры... Это была в сущности не лекция, не анализ того, что было в прошлом России, а репродукция прошлого в образах, в тщательно подобранной словесной ткани, в нарочитой интонации действующих исторических персонажей. Отдельная лекция, конечно, не могла дать знание. Но она вызывала не менее ценные эмоции художественного порядка»²⁸⁶.

Не всегда, однако, для того чтобы привлечь внимание студентов, надо было обладать совершенным ораторским искусством в общепринятом значении. «Тихое, спокойное, лишенное хлестких фраз выступление, иногда с выраженными дефектами речи (В.О. Ключевский, Ф.Е. Корш), зачастую оказывало на аудиторию более сильное воздействие, нежели исполненная пафоса речь»²⁸⁷.

Имела значение и репутация лектора как человека, своей жизненной стратегией подтверждавшего свои взгляды. На юридическом факультете Московского университета «множество посторонней публики» проникало на лекции А.И. Чупрова (политэкономия) и М.М. Ковалевского (государственное право) – ведь эти профессора являли собой уникальный пример эмансипации интеллектуалов от власти и жизненной самореализации. Медиков, филологов, мате-

²⁸³ Щетинин Б.А. Первые шаги: (из недавнего прошлого) // Московский университет в воспоминаниях современников. М.: Современник, 1989. С. 549.

²⁸⁴ Блонский П.П. Мои воспоминания. М.: Педагогика, 1971. С. 52.

²⁸⁵ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1996. С. 47.

²⁸⁶ Вишняк М.[В.] Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 52–53.

²⁸⁷ Никс Н.Н. Указ. соч. С. 95.

матиков, естественников, «почтенного возраста вольнослушателей» в огромный актовый зал набивалось так много, что самим юристам приходилось спозаранку занимать удобные в первых рядах места и, чтобы не потерять их, в ожидании своих кумиров прослушивать все предшествовавшие лекции. И тот и другой делали юридический факультет Московского университета популярнейшим у интеллигентной молодежи (и это при том, что здесь работало целое созвездие профессоров-правоведов).

А.И. Чупров обладал всеми качествами, необходимыми для формального лидерства в профессорской среде: выдающимися интеллектуальными способностями в сочетании с такими же качествами души и сердца. Слава Чупрова была огромна: «К нему прислушивались, как к какому-то оракулу... Блестящий оратор, всесторонне образованный, человек стойких и независимых убеждений, искренний, гуманный, прогрессист в лучшем смысле этого слова... Каждая лекция его будила мысль, вызывала оживленные, горячие споры, иногда целые дебаты, и мы все чувствовали, как у нас пробуждался серьезный интерес к науке»²⁸⁸. (К сожалению, осенью 1899 г. Чупров прекратил преподавание и выехал за границу для лечения, откуда уже при жизни не возвращался.)

М.М. Ковалевский обладал колоссальной научной эрудицией, «цитатами так и сыпал, то и дело уснащая свою речь разными меткими, великолепными метафорами и необыкновенно удачными сравнениями... неожиданно отвлекшись от своей темы, он делал экскурсию во власть современной русской действительности»²⁸⁹. Лекции М.М. Ковалевского о конституционном строе западноевропейских стран были также развернуты на современные проблемы. «Я привык думать, что моя кафедра была учреждена... для того, чтобы готовить россиян к конституции, и я добросовестно исполнял принятое на себя обязательство»²⁹⁰, – так он характеризовал ситуацию своего увольнения из университета «за убеждения», после чего несколько лет преподавал в крупнейших университетах Европы.

Мемуаристы обессмертили тех профессоров, кто доверился и впустил студентов в свой домашний мир. Благодаря этому известно, что, например, заседания семинара П.Г. Виноградова нередко проходили у него на квартире. Он охотно и во всякое время принимал студентов у себя дома, любезно позволял им пользоваться своей библиотекой. Бывшие студенты вспоминали, что профессор А.А. Остроумов, человек довольно замкнутый, «обладал замечательными способностями учителя-друга, объединявшего вокруг себя учеников»²⁹¹. И профессор-химик М.И. Коновалов каждую субботу собирал у себя дома молодых ученых и студентов, благодаря чему субботние вечера были для многих «и школой науки, и школой жизни, и школой лучшего отдыха»²⁹².

Многим мемуаристам запомнилось их участие в «дальних экскурсиях» по России и за рубеж. У истоков экскурсионного метода преподавания стояли профессора Санкт-Петербургского университета историк С.Ф. Платонов и И.А. Шляпкин (читавший курс истории русской литературы). Они совместно осуществили первые опыты научно-исторических поездок в Новгород, Псков, Нарву, Москву со слушательницами Санкт-Петербургских высших женских курсов, где они также преподавали. В начале XX в. научно-практические экскурсии по России стали рутинным элементом учебно-педагогического арсенала не только университетских, но и профессоров народнохозяйственных – инженерно-промышленных и аграрных – институтов.

Менее распространенными были заграничные студенческие экскурсии. Они были дорогостоящими и чрезвычайно сложными в организационно-хозяйственном смысле. Зато они

²⁸⁸ Шетинин Б.А. Указ. соч. С. 539–540.

²⁸⁹ Там же. С. 540.

²⁹⁰ Цит. по: Никс Н.Н. Указ. соч. С. 107–108.

²⁹¹ Гукасян А.Г. А.А. Остроумов и его клинично-теоретические взгляды. М.: Госмедиздат, 1952. С. 22.

²⁹² Памяти Михаила Ивановича Коновалова. М.: [б.и.], 1908. С. 14.

стали объектами широкого внимания академической общественности и столичной прессы и о них всегда упоминали в мемуарах участники. Их история началась в 1903 г. с экскурсии в Грецию членов возглавляемого профессором философии С.Н. Трубецким Историко-филологического общества при Московском университете. Всего в ней участвовало 139 человек.

В мемуарах можно обнаружить описания экскурсий 1907 и 1912 гг. в Италию, организованных профессором всеобщей истории Санкт-Петербургского университета И.М. Гревсом. Такие поездки готовились как экспедиции, в них приглашались специалисты по итальянскому средневековью: искусствоведы – профессор Д.Н. Айналов и приват-доцент М.А. Полиектов, знаток Ватиканского архива эпохи Возрождения В.А. Головань, специалист по раннехристианскому и византийскому искусству А.И. Анисимов, урбанист средневековой Италии Н.П. Оттокар. В путешествие бралась даже научно-справочная библиотека. Тщательно продумывались маршруты и способы их преодоления (пеший ход, в экипажах, по железной дороге), заблаговременно заказывались гостиницы, разрабатывался распорядок каждого дня, принципы самоуправления.

Формой внеучебного научно-творческого общения профессоров со студентами в начале XX в. стали научные кружки. Они объединяли далеко не всех учащихся, а наиболее даровитых, любознательных и пытливых, открывая им путь к личному общению с теми из преподавателей, лекции и семинары которых представлялись им наиболее увлекательными. Для профессоров кружковая работа со студентами нередко обретала не просто просветительско-педагогический смысл, а и научно-исследовательский, например, в случае с кружком философии права при Петербургском университете. Для его руководителя – профессора-правоведа Л.И. Петражицкого – кружок был необходим в качестве экспериментальной лаборатории для коллегиального и «деятельного обмена мыслей, самостоятельной разработки поставленных проблем»²⁹³.

В целом самоуправляющиеся институции, каковыми являлись студенческие научные общества и кружки, будучи относительно автономной по отношению к учебному процессу школой научной самодеятельности, расширили пределы научно-творческого и идейного влияния профессоров на учащихся.

Экспертные практики профессоров

Современники и вслед за ними исследователи российских университетов признавали государственный характер жизни русского профессора: «вся научная творческая работа в течение всего XVIII и почти вся в XIX в., – писал В.И. Вернадский, – была связана прямо или косвенно с государственной организацией: она или вызывалась сознательно государственными потребностями, или находила себе место, неожиданно для правительства и нередко вопреки его желанию, в создаваемых им или поддерживаемых им для других целей предприятиях, организациях, профессиях»²⁹⁴.

Императорские университеты готовили юристов, преподавателей средней школы и врачей, поступавших в основном на государственную службу, пополняя дипломированными специалистами слой чиновников-исполнителей административных функций, распределяли их по ведомствам народного просвещения и внутренних дел. Вместе с тем после реформ городского и земского самоуправления в конце XIX в. немалая часть дипломированных университетов поступала на службу в земства и органы городского самоуправления.

В это время стала стираться жесткая грань между чиновниками и университетскими служащими, которая так четко заметна в источниках первой половины XIX в. Профессора

²⁹³ ГАРФ. Ф. 63. 1909/1910. Д. 26. Т. III. Ч. II. Л. 1.

²⁹⁴ Вернадский В.И. *Труды по истории науки в России*. М.: Наука, 1988 [Электронный ресурс]. URL: <http://bookz.ru/authors/vernadskii-vladimir/hist-rus/1-hist-rus.html> (дата обращения 3.11.2012).

стали назначаться на ответственные посты в государственной машине. Так, с конца 1870-х и по начало 1890-х годов пост министра финансов поочередно занимали профессор политэкономии Киевского университета Н.Х. Бунге и профессор механики Санкт-Петербургского технологического института И.А. Вышнеградский. Первый к тому же в 1887–1895 гг. председательствовал в Комитете министров. Министрами просвещения становились профессора: правовед Н.П. Боголепов (1898–1901), филолог-классик Г.Э. Зенгер (1903–1905), правовед Л.А. Кассо (1910–1914). Фабричную инспекцию, учрежденную в 1882 г., возглавил профессор-политэконом И.И. Янжул, автор исследования «Основные начала финансовой политики. Учение о государственных доходах» (1893). И.Х. Озеров был членом Государственного совета от Академии наук и университетов России (1909–1917), а также участником многочисленных официальных комиссий. Он критиковал министерство за недостаточно активную финансовую политику, призывая к более энергичному бюджетному воздействию на развитие производительных сил страны, хотя бы и за счет внешних займов²⁹⁵.

Правительство привлекало профессоров для экспертизы и аналитической работы во временные и постоянные комитеты и комиссии. Так, начальник Департамента полиции Министерства внутренних дел С.В. Зубатов приглашал в качестве экспертов по «рабочему вопросу» профессоров-экономистов И.Х. Озерова, В.Э. Дена и А.Э. Вормса²⁹⁶. Фундаментальные публикации по железнодорожной проблематике выдвинули профессора А.И. Чупрова в число авторитетных экспертов. Он был приглашен к участию в комиссии графа Э.Т. Баранова по исследованию железнодорожного дела в России и к разработке «Общего устава российских железных дорог». Позднее Чупров сотрудничал и в комиссии В.К. Плеве по исследованию причин падения цен на сельскохозяйственные продукты²⁹⁷. Подобных примеров обнаруживается в архивах профессоров довольно много.

Развитие исследований в университетах шло в направлении не только фундаментальной науки, но и вполне прикладной. Напомним о вкладе в практику таких профессоров-естествоиспытателей и медиков, как К.А. Тимирязев, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, И.И. Мечников, Г.А. Захарьин и др. Трудями П.А. Костычева, В.В. Докучаева и их последователей в России к началу XX в. было создано научное почвоведение, универсальное для всех почв, а значит, для всех стран (правда, при недостаточном внимании правительства к внедрению этих открытий)²⁹⁸.

Разработка прикладных тем позволяла проводить ревизию теоретических посылок, и она же втягивала профессоров в сферу капиталистического производства. Ученые становились экспертами и советниками на предприятиях, создателями проектов модернизации, что помимо интеллектуального удовлетворения обеспечивало профессору финансовое благополучие.

Д.И. Менделеев оказал неоценимые услуги нефтяной промышленности и промышленному развитию России в целом не только научной экспертизой, но обеспечением ее новыми ресурсами. Накануне Первой мировой войны империя стала крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти, причем экспортировалась не сырая нефть, а только продукты ее переработки.

Возможность зарабатывать наукой, практически применять свои экспертные знания и быть финансово успешным гарантировали российскому профессору желанную стабильность и независимость от государства. Среди членов университетского сословия даже появились

²⁹⁵ Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века / под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. С. 186–187.

²⁹⁶ Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX – начала XX века: общественно-политический облик // История СССР. 1990. № 5. С. 61.

²⁹⁷ Дудина Л.А. Экономические взгляды Александра Ивановича Чупрова: дис... канд. экон. наук. М., 1998.

²⁹⁸ Есиков С.А. Агрокультура: традиции и новации // Очерки русской культуры: конец XIX – начало XX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 656.

так называемые «профессора-дельцы»²⁹⁹, непосредственно участвовавшие в выгодах капиталистического предпринимательства. Вот данные по Московскому университету: профессора терапии Г.А. Захарьин и политэкономии А.И. Чупров являлись держателями акций Рязанской железной дороги; директором Купеческого банка являлся профессор политэкономии И.К. Бабст; в состав учредителей Московского промышленного банка входили профессор минералогии и геодезии Г.Е. Шуровский и профессор зоологии А.П. Богданов; коммерческой деятельностью занимались профессора политэкономии И.И. Янжул, И.Х. Озеров, М.Я. Герценштейн, И.М. Гольдштейн³⁰⁰. Читая лекции в Московском и Санкт-Петербургском университетах и других учебных заведениях, Озеров был председателем совета Центрального банка Общества взаимного кредита, членом правления Русско-Азиатского банка, акционерного общества «Лензолото». Профессор Санкт-Петербургского института путей сообщения, известный мостостроитель М.А. Белелюбский принимал активное участие в работе промышленных «Временных совещаний», затем Съездов русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу в качестве вице-председателя, а потом председателя их бюро.

²⁹⁹ Определение Г.И. Щетининой.

³⁰⁰ Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета. М.: Всесоюзное общество политкаторжан, 1934. С. 99–101.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.